

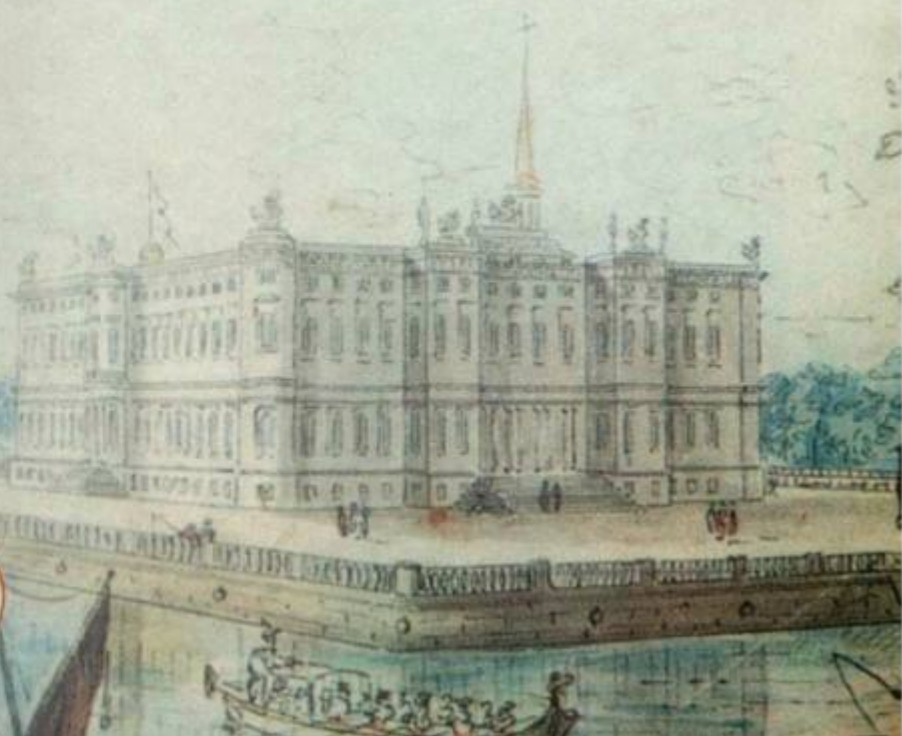

ЛИТЕРАТУРА

7

КЛАСС
ЧАСТЬ

1

ЛИТЕРАТУРА

7

класс

УЧЕБНИК-ХРЕСТОМАТИЯ

для общеобразовательных
учреждений

В двух частях

Часть 1

Под редакцией Г. И. БЕЛЕНЬКОГО

Рекомендовано
Министерством образования и науки
Российской Федерации

7-е издание, исправленное

Москва 2008

УДК 373.167.1:82(100).09

ББК 83.3я721

Л64

На учебник получены положительные заключения
Российской академии наук (№ 10106—5215/9 от 31.10.2007)
и Российской академии образования (№ 01—674/5/7д от 29.10.2007)

Авторы-составители:

Г. И. Беленький (вводные и заключительные статьи по каждому разделу; главы о М. Ю. Лермонтове, А. К. Толстом, В. А. Солоухине; глава «Запечатленные мгновенья»); Н. А. Демидова (главы об И. С. Тургеневе, К. Г. Паустовском); Е. Н. Колокольцев (главы о Л. Н. Толстом, М. Горьком; подборка стихотворений в разделе «Содружество искусств»); М. А. Снежная (главы об А. С. Пушкине, Ж. Б. Мольере, И. А. Крылове); О. М. Хренова (главы о Н. С. Лескове, Ф. М. Достоевском, А. де Сент-Экзюпери, Р. Брэбери).

Авторы-составители глав о Н. В. Гоголе — Г. И. Беленький, Н. А. Демидова, М. А. Снежная; о Н. А. Некрасове — Н. А. Демидова с участием Г. И. Беленького; об А. П. Чехове — Г. И. Беленький, М. А. Снежная.

Дорогие ребята!

В учебнике-хрестоматии вам встретятся задания, которые отмечены знаком ♦. Если они окажутся трудными, обратитесь к другим, более простым. Не огорчайтесь: чтение, размышления о прочитанном помогут одолеть все препятствия. Знаком ? обозначены вопросы и задания к статьям.

Литература. 7 класс. Учебник-хрестоматия для общеобразова-
Л64 **зоват. учреждений. В 2 ч. Ч. 1 / под ред. Г. И. Беленького. —**
7-е изд., испр. — М.: Мнемозина, 2008. — 287, [8] с.: ил.

ISBN 978-5-346-00910-8

Учебник-хрестоматия соответствует требованиям общеобразовательного стандарта по литературе для школ с русским языком обучения. Материал расположен по проблемно-тематическому и хронологическому принципам. Сравниваются художественные произведения, написанные на близкие темы в разное время. Большое внимание уделяется взаимосвязи литературы и искусств (живописи, музыки и т. д.). Выделены произведения для самостоятельного чтения. Вопросы и задания дифференцированы в зависимости от степени трудности, в наиболее сложных случаях даются советы по их выполнению. Включены задания на разработку проектов. Вступительные и обобщающие статьи написаны популярно и иллюстрируются яркими примерами.

УДК 373.167.1:82(100).09
ББК 83.3я721

ISBN 978-5-346-00909-2 (общ.)
ISBN 978-5-346-00910-8 (ч. 1)

© «Мнемозина», 1999
© «Мнемозина», 2008, с изменениями
© Оформление. «Мнемозина», 2008
Все права защищены

ПУТЕШЕСТВИЕ БЕЗ РАССТОЯНИЙ

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В ЛИТЕРАТУРЕ

На протяжении всей своей истории человечество стремилось покорить пространство и время. От изобретения колеса до создания сверхзвуковых летательных аппаратов, от проникновения в недра земли до путешествий в космос, от скрупулезного анализа мельчайших частиц вещества до изучения далеких звездных систем, от изготовления простейших орудий труда (вроде топора и молотка) до конструирования сложных компьютеров — таков исторический путь человечества.

Но где человеческий разум полностью торжествует над пространством и временем, — это в искусстве и прежде всего в художественной литературе.

Воображение, фантазия, которые нужны и математику, и инженеру, и астроному, в искусстве играют решающую роль. Недаром в сказках задолго до появления воздухоплавания люди летали на коврах-самолетах, преодолевали гигантские расстояния с помощью сапог-сорокоходов, а живая и мертвая вода творила чудеса, по воле человека воскрешая умерших. Нет такого уголка планеты, которого не могла бы достичь фантазия писателя. Нет исторического времени, не подвластного литературе. Мы можем прочесть художественное произведение о каменном веке и вместе с автором перенестись в отдаленное будущее. Писатели рисуют то одно мгновение жизни, то широкую картину действительности, охватывающую десятилетия и даже века.

Или вот такая интересная подробность. Во многих приключенческих романах люди не стареют. Проходят годы, а герои остаются молодыми красавцами и даже богатырями.

Поистине дар слова — это волшебная сила.

Задумайтесь и над таким чудом искусства: мы читаем художественное произведение час, несколько часов, несколько дней или даже недель, а время, изображенное писателем, намного больше того, которое мы тратим на чтение книги. Оно может охватывать всю жизнь человека от рождения до смерти

или значительный период истории народа и государства. А бывает наоборот: на чтение романа, изображающего события только трех-четырех дней, понадобится неделя-другая. Значит, время реальное, в котором мы живем, не совпадает со временем художественным, с которым имеет дело писатель: он может его ускорять, замедлять, растягивать, сокращать, обращать вспять или «гнать» вперед. Герой романа английского писателя-фантаста Герберта Уэллса «Машина времени» с помощью изобретенного им аппарата то возвращается в далекое прошлое, то отправляется в не менее далекое будущее. Такой своеобразной «машиной времени» является и литература.

Итак, время «обыденное», реальное не тождественно времени художественному. С этим свойством литературы связано и изображение пространства: оно может сужаться до уголка маленькой комнатки и расширяться до бескрайних просторов Вселенной.

Герой сатирической сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина «Премудрый пискарь» всю жизнь дрожит в своей норке. Робинзон Крузо из одноименного романа Даниеля Дефо попадает на необитаемый остров. Действие романа Л. Н. Толстого «Война и мир» перемещается из дворянских салонов на поле боя, из деревни в столицу, из России в другие страны. Итальянский поэт XIV века Данте в «Божественной комедии» изображает ад, чистилище и рай.

В курсе литературы 7-го класса вы встретите различные видоизменения художественного времени и пространства. Сначала мы познакомимся с тем, как события далекого прошлого отразились в произведениях на историческую тему — в поэмах, балладах, повестях, рассказах. Затем обратимся к тому, как художники слова рисовали свою современность — тоже в рассказах, балладах, повестях да еще в сатирических сказках. И наконец, читая фантастику, увидим, как писатели воплощали свои представления о жизни людей в грядущие годы.

«Детство», «Отрочество» Л. Н. Толстого, «Мальчики» Ф. М. Достоевского, «Детство» М. Горького расскажут о взрослении человека, о формировании его характера, раскроют перед нами, как говорят литературоведы, пространства души. Л. Н. Толстой и М. Горький автобиографическое повествование о пережитом ведут с высоты текущего дня — как взрослые люди. Переплетение прошлого с настоящим — тоже одна из особенностей литературы, связанная со спецификой художественного изображения.

РОДЫ И ВИДЫ (ЖАНРЫ) ЛИТЕРАТУРЫ

Статью, которую вы сейчас читаете, мы назвали «Путешествие без расстояний». Но в любом путешествии, особенно по далеко не изведанной стране, необходим путеводитель или, по крайней мере, компас. Таким помощником в нашем странствии по страницам литературных произведений станут сведения о жизни и творчестве писателя, о времени, в которое он творил и которое отразилось в его произведениях, и знания о родах и видах (жанрах) литературы.

Все художественные произведения, прочитанные и еще не прочитанные вами, делятся на три больших рода: эпос, лирику, драму.

Эпос (от греч. *epos* — слово, рассказ) — повествование о событиях, людях, об обстановке, их окружающей. В зависимости от протяженности времени, в которое происходят события, от сложности характеров и жизненных явлений, которые изображает писатель, эпические произведения объединяются в определенные виды (жанры — от франц. *genre* — вид). Литературная сказка, басня, рассказ, повесть, роман, очерк — виды эпической литературы. С ними ваше знакомство состоялось в предыдущие годы. В рассказе писатель обычно рисует одно или несколько событий, происшедших за короткое время. Повесть охватывает более длительное время, иногда от рождения до смерти героя, и большее количество действующих лиц. Роман, нередко построенный на развитии нескольких сюжетных линий, представляет собой сложную, меняющуюся картину жизни.

Другой очень важный род литературы — **лирика** (от греч. *lyra* — музыкальный инструмент, под звуки которого в древности исполнялись песни и стихи). В лирике выражаются переживания и мысли поэта в связи с жизненными впечатлениями. Даже тогда, когда поэт создает зарисовку природы, например «Скрип шагов вдоль улиц белых...» А. А. Фета или «Осень» А. Н. Майкова, мы ясно чувствуем его отношение к изображаемому и можем судить о переживаниях поэта в данный момент.

Наконец, третий основной род литературы — **драма** (от греч. *drama* — действие). В драме, как и в эпосе, изображаются люди и события, но она предназначена для постановки на сцене. Ее текст составляют монологи и диалоги действующих лиц, авторская речь в ней отсутствует, если не считать ремарок — замечаний для актеров.

В дальнейшем ваши знания о родах и видах литературы будут обогащаться.

А зачем вообще нужны эти знания?

Чтобы ориентироваться в необъятном море литературы. Чтобы уметь выбрать произведение для чтения: от романа или повести мы ожидаем одного, от былины или рассказа — другого, от лирического стихотворения — третьего. И читать каждое из этих произведений мы будем по-разному. Понимание особенностей литературных родов и видов позволит учитывать их при сопоставлении разных произведений, например очерков К. Паустовского «Мещёрская сторона» с пейзажными лирическими стихотворениями.

1. Чем отличается изображение времени в художественном произведении (художественное время) от реального, в котором мы живем?

2. Назовите два-три знакомых вам рассказа, одну-две повести и роман. К какому роду литературы относятся эти произведения? Обоснуйте свой ответ.

«МИНУВШЕЕ ПРОХОДИТ ПРЕДО МНОЮ...»

А. С. Пушкин

История не терпит суесловья,
трудна ее народная стезя.
Ее страницы, залитые кровью,
нельзя любить бездумною любовью
и не любить без памяти нельзя.

Я. Смеляков

ПЕРЕНЕСЕМСЯ В XVI ВЕК

В 5—6-м классах вам довелось познакомиться с несколькими произведениями на исторические темы. Среди них — отрывки из «Повести временных лет» о походах князей Игоря, Святослава и Владимира, из «Повести о разорении Рязани Батыем» («Евпатий Коловрат»), сказание о Никите Кожемяке, патристическое стихотворение Лермонтова «Бородино». В них и во многих других показано, как русский народ, принося неисчислимые жертвы, добивался достойного места среди иных племен и народов, отражал вражеские нашествия, защищая свою независимость и свободу. А такие произведения, как «Песнь о вещем Олеге» Пушкина, воспроизводят быт и нравы нашего далекого прошлого.

Но рядом с героическими в русской истории было немало тяжелых и даже страшных страниц.

Навеки в памяти народной останутся времена царствования Ивана Грозного (1547—1584) — и как великие, и как трагические годы.

Устное народное творчество, «Песня про царя Ивана Васильевича...» Лермонтова, баллады А. К. Толстого и его роман «Князь Серебряный», стихи поэтов XX века Д. Б. Кедрина, А. А. Вознесенского и другие произведения, каждое по-своему, запечатлели это незабываемое время.

Иван Грозный, покорив Казанское и Астраханское ханства, начав освоение Сибири, в течение четверти века вел Ливонскую войну против Швеции, Польши и Великого княжества Литовского за выход России к Балтийскому морю. Он многое сделал для становления и расширения централизованного Русского государства.

Но преобразования внутри страны (некоторые из них имели прогрессивный характер) сопровождались жестокостями, усилением гнета и произвола, чему способствовал противоречивый, по сути деспотический, характер самодержца.

Для борьбы с боярами и предполагаемой изменой царь создал особое войско — опричников. Они, как пишет историк и писатель, друг Пушкина Н. М. Карамзин, «были всегда правы в судах, а на них не было ни суда, ни управы. Опричник, или *кромешник* — так стали называть их, как бы извергов тьмы *кромешной*, — мог безопасно теснить, грабить соседа, а в случае жалобы брал с него пеню¹ за бесчестье. <...> Сказать неучтивое слово кромешнику значило оскорбить самого царя». Жёны многих знатных людей, дьяков, купцов нередко похищались царем и его приближенными. Некоторые женщины умерли от стыда и горя.

Н. М. Карамзин так характеризовал Ивана IV: «Иоанн имел разум превосходный, не чуждый образования и сведений, соединенный с необыкновенным даром слова, чтобы бесстыдно раболепствовать гнуснейшим похотям. Имея редкую память, знал наизусть Библию, историю греческую, римскую, нашего отечества, чтобы нелепо толковать их в пользу тиранства; хвалился твердостью и властью над собой, умея громко смеяться в часы страха и беспокойства внутреннего; хвалился милостью и щедростью, обогащая любимцев достоянием опальных бояр и граждан; хвалился правосудием, карая вместе, с равным удовольствием, и заслуги и преступления; хвалился *духом царским, соблюдением державной чести*, велел изрубить присланного из Персии в Москву слона, не хотевшего стать перед ним на колена, и жестоко наказывая бедных царедворцев, которые смели играть лучше державного

¹ Пёня — штраф.

в шапки или в карты; хвалился наконец глубокою мудростию государственною, по системе, по эпохам, с каким-то хладнокровным размером истребляя знаменитые роды, будто бы опасные для царской власти. <...> И если иго Батыево унизило дух россиян, то, без сомнения, не возвысило его и царствование Иоанново.

Но отдадим справедливость и тирану. Иоанн в самых крайностях зла является как бы призраком великого монарха, ревностный, неутомимый, часто проницательный в государственной деятельности... в политике внешней неуклонно следовал великим намерениям своего деда (Василия III); любил правду в судах, сам нередко разбирал тяжбы, выслушивал жалобы, читал всякую бумагу, решал немедленно; казнил утеснителей народа, савошников бессовестных, лихоимцев, телесно и стыдом... не терпел гнусного пьянства. <...> Не любя смелой укоризны, Иоанн не любил иногда и грубой лести. <...>

В заключение скажем, что добрая слава Иоаннова пережила его худую славу в народной памяти: стенания умолкли, жертвы истлели, и старые предания затмились новейшими. <...> Доказательства дел ужасных лежали в книгохранилищах, а народ в течение веков видел Казань, Астрахань, Сибирь как живые монументы царя-завоевателя; чтит в нем знаменитого виновника¹ нашей государственной силы, нашего гражданского образования; отвергнул или забыл название *Мучителя*, данное ему современниками, и по темным слухам о жестокости Иоанновой доньше именует его только *Грозным*. <...> История злопамятнее народа!»

О том, какие нравы насаждались в XVI веке, свидетельствует «Домострой» — литературный памятник того времени, содержащий наставления, поучения и правила, которыми должен был руководствоваться благочестивый человек. В книге можно было прочитать:

«Царя бойся и служи ему верою и всегда о нем Бога моли и ложно отнюдь не глаголи (не говори) пред ним; но с покорением истину отвечаю ему, яко самому Богу, и во всем повинуйся ему. Обидим (обиженный) не мсти; хулим (обвиненный) моли; зла на зло не воздавай; согрешающая (грешащих) не осуждай. <...>»

«Подобает поучить мужем (мужьям) жен своих с любовию и благорассудным наказанием; жены мужей своих вопрошают о всяком благочинии — како душу спасти, Богу и мужу

угодити и дом свой добре строити и во всем ему покорятися; и что муж накажет, то с любовию принимати и со страхом внимати, и творити по его наказанию (т. е. по указанию мужа)».

А теперь обратимся к творчеству писателей, силой своего воображения переносящих нас в XVI век.

Рассмотрите репродукцию картины В. М. Васнецова «Иван Грозный» (см. форзац учебника-хрестоматии). Чем близка эта картина описанию Ивана IV в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина?

¹ *Винóвник* — здесь: тот, кто является причиной, источником чего-либо.

Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ

(1814—1841)

Он поэт русский в душе —
в нем прошедшее и настоящее
русской жизни.

В. Г. Белинский

Самые первые, а потому и самые прочные его впечатления — это скромный, прелестный пейзаж Пензенской губернии: дубовые рощи, обрывистые берега степных рек, непыльные проселочные дороги, кое-где березы, белеющие среди желтых полей, и далеко-далеко, как волны, синеют холмы.

Здесь, среди этих русских просторов, прошли первые тринадцать лет его жизни. Здесь, в Тарханах, слышал он народные песни, неторопливые рассказы об Иване Грозном, о волжских разбойниках, об атамане Степане Разине, о Емельяне Пугачеве.

Здесь на замерзшем пруду устраивались кулачные потехи: молодые ребята — дворяне и деревенские — сходились стенка на стенку. Под Троицу дворовые девушки отправлялись в лес ломать молодые березки, плели венки, водили хороводы. И Миша Лермонтов с ними. У народа учился он чистой русской речи. Надо ли удивляться тому, что именно он написал потом единственную в своем роде «Песню про царя Ивана Васильевича...».

В 1837 году на дуэли погиб А. С. Пушкин. Лермонтов не был лично знаком с ним, но боготворил его как поэта. Под влиянием горя и негодования он написал стихотворение «Смерть Поэта», в котором обвинял петербургскую знать в гибели своего любимца. Лермонтов был арестован и сослан на Кавказ, где тогда шла война с горцами, прапорщиком в драгунский полк.

<...> Из ссылки Лермонтов привез в Петербург эпическую поэму, написанную в духе народных былин: «Песню про царя

Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». В этой поэме он возвеличил простого русского человека: его герой Степан Калашников выходит на бой с царским любимцем и, убив его, не хочет повиниться перед царем. Трудно переоценить смелость этого замысла — воспеть человека, не пожелавшего держать ответ перед тираном, непокорного, независимого. <...>

Написана была эта поэма, по словам Лермонтова, в три дня, когда по болезни он не мог выходить из дому. Напечатать ее было много труднее. Это удалось только после заступничества влиятельного в придворных сферах В. А. Жуковского. Но даже при этом цензура не разрешила выставить имени автора: над ним все еще тяготела опала.

По ст. Ираклия Андроникова «Судьба Лермонтова»

ПЕСНЯ ПРО ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА, МОЛОДОГО ОПРИЧНИКА И УДАЛОГО КУПЦА КАЛАШНИКОВА

Ох ты гой еси¹, царь Иван Васильевич!
Про тебя нашу песню сложили мы,
Про твое любимого опричника,
Да про смелого купца, про Калашникова;
Мы сложили ее на старинный лад,
Мы певали ее под гуслирный звон
И причитывали да присказывали.
Православный народ ею тешился,
А боярин Матвей Ромодановский
Нам чарку поднес меду пенного²,
А боярыня его белолицая
Поднесла нам на блюде серебряном
Полотенце новое, шелком шитое.
Угощали нас три дни, три ночи
И всё слушали — не наслушались.

I

Не сияет на небе солнце красное,
Не любят им тучки синие:
То за трапезой сидит во златом венце,
Сидит грозный царь Иван Васильевич.

¹ *Гой еси* (устар., народно-поэтич.) — приветственный возглас.

² *Мед пенный* — здесь: легкий спиртной напиток.

Позади его стоят стольники¹,
Супротив его всё бояре да князья,
По бокам его всё опричники;
И пирует царь во славу Божию,
В удовольствие своё и веселие.

Улыбаясь, царь повелел тогда
Вина сладкого заморского
Нацедить в свой золоченый ковш
И поднести его опричникам.
— И все пили, царя славили.

Лишь один из них, из опричников,
Удалой боец, буйный молодец,
В золотом ковше не мочил усов;
Опустил он в землю очи темные,
Опустил головушку на широку грудь —
А в груди его была дума крепкая.

Вот нахмурил царь брови черные
И навел на него очи зоркие,
Словно ястреб взглянул с высоты небес
На младого голубя сизокрылого, —
Да не поднял глаз молодой боец.
Вот об землю царь стукнул палкою,
И дубовый пол на полчетверти
Он железным пробил оконечником —
Да не вздрогнул и тут молодой боец.
Вот промолвил царь слово грозное, —
И очнулся тогда добрый молодец.

«Гей ты, верный наш слуга, Кирибеевич,
Аль ты думу затаил нечестивую²?
Али славе нашей завидуешь?
Али служба тебе честная прискучила?
Когда всходит месяц — звезды радуются,
Что светлей им гулять по поднёбесью;
А которая в тучку прячется,
Та стремглав на землю падает...
Неприлично же тебе, Кирибеевич,
Царской радостью гнушаться;

¹ *Стольник* — придворный, прислуживающий за царским столом.

² *Нечестивый* (устар.) — грешный, оскорбительный.

А из роду ты ведь Скуратовых,
И семьею ты вскормлен Малютиной¹!...»

Отвечает так Кирибеевич,
Царю грозному в пояс кланяясь:

«Государь ты наш, Иван Васильевич!
Не кори ты раба недостойного:
Сердца жаркого не залить вином,
Думу черную — не запотчевать!
А прогневал я тебя — воля царская:
Прикажи казнить, рубить голову,
Тяготит она плечи богатырские,
И сама к сырой земле она клонится».

И сказал ему царь Иван Васильевич:
«Да об чем тебе, молодцу, кручиниться?
Не истерся ли твой парчевой кафтан?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закаленная?
Или конь захромал, худо кованный?
Или с ног тебя сбил на кулачном бою,
На Москве-реке, сын купеческий?»

Отвечает так Кирибеевич,
Покачав головою кудрявою:

«Не родилась та рука заколдованная
Ни в боярском роду, ни в купеческом;
Аргамак² мой степной ходит весело;
Как стекло, горит сабля вострая;
А на праздничный день твоей милостью
Мы не хуже другого нарядимся.

Как я сяду поеду на лихом коне
За Москву-реку покатайся,
Кушачком подтянуса шелковым,
Заломлю набочок шапку бархатную,
Черным соболем отороченную³, —
У ворот стоят у тесовых
Красны девушки да молодушки,

¹ *Скуратов Малюта* — один из руководителей опричнины.

² *Аргамак* — восточная породистая верховая лошадь.

³ *Отороченный* — обшитый по краям.

И любуются, глядя, перешептываясь;
Лишь одна не глядит, не любит, не
Полосатой фатой¹ закрывается...

На святой Руси, нашей матушке,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходит плавно — будто лебедушка;
Смотрит сладко — как голубушка;
Молвит слово — соловей поет;
Горят щеки ее румяные,
Как заря на небе Божиим;
Косы русые, золотистые,
В ленты яркие заплетенные,
По плечам бегут, извиваются,
С грудью белою целуются.
Во семье родилась она купеческой,
Прозывается Аленой Дмитривной.

Как увижу ее, я и сам не свой:
Опускаются руки сильные,
Помрачаются очи бойкие;
Скучно, грустно мне, православный царь,
Одному по свету маяться.
Опостыли мне кони легкие,
Опостыли наряды парчовые,
И не надо мне золотой казны:
С кем казною своей поделюсь теперь?
Перед кем покажу удалство свое?
Перед кем я нарядом похвастаюсь?
Отпусти меня в степи приволжские,
На житье на вольное, на казацкое.
Уж сложу я там буйную головушку
И сложу на копье бусурманское;
И разделят по себе злы татаровья
Коня доброго, саблю острую
И седельце браное² черкасское.
Мои очи слезные коршун выклюет,
Мои кости сирые дождик вымоет,
И без похорон горемычный прах
На четыре стороны развеется...»

¹ *Фата* — легкое покрывало.

² *Браное* (устар.) — узорное, нарядное.

И сказал, смеясь, Иван Васильевич:
«Ну, мой верный слуга! я твоей беде,
Твоему горю пособить постараюсь.
Вот возьми перстенок ты мой яхонтовый¹
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахе смышленной поклоняйся
И пошли дары драгоценные
Ты своей Алене Дмитривне:
Как полюбишься — праздную свадьбу,
Не полюбишься — не прогневайся».

Ой ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Обманул тебя твой лукавый раб,
Не сказал тебе правды истинной,
Не поведал тебе, что красавица
В церкви Божией перевенчана,
Перевенчана с молодым купцом
По закону нашему христианскому...

* * *

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разумеите!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

II

За прилавкою сидит молодой купец,
Статный молодец Степан Парамонович,
По прозванию Калашников;
Шелковые товары раскладывает,
Речью ласковой гостей он заманивает,
Злато, серебро пересчитывает.
Да недобрый день задался ему:
Ходят мимо баре богатые,
В его лавочку не заглядывают.

Отзвонили вечерню во святых церквах;
За Кремлем горит заря туманная;
Набегают тучки на небо, —
Гонит их метелица распеваючи;

¹ *Яхонтовый* — от *яхонт*: старинное название сапфира или рубина (драгоценного камня).

Опустел широкий гостиный двор¹.
Запирает Степан Парамонович
Свою лавочку дверью дубовую
Да замком немецким со пружиною;
Злого пса-ворчуна зубастого
На железную цепь привязывает,
И пошел он домой, призадумавшись,
К молодой хозяйке, за Москву-реку.

И приходит он в свой высокий дом,
И дивится Степан Парамонович:
Не встречает его молода жена,
Не накрыт дубовый стол белой скатертью,
А свеча перед образом еле теплится.
И кличет он старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремеевна,
А куда девалась, затаилась
В такой поздний час Алена Дмитревна?
А что детки мои любезные —
Чай забегались, заигрались,
Спозаранку спать уложились?»

«Господин ты мой, Степан Парамонович,
Я скажу тебе диво дивное:
Что к вечерне пошла Алена Дмитревна;
Вот уж поп прошел с молодой попадьею,
Засветили свечу, сели ужинать, —
А по сю пору твоя хозяйюшка
Из приходской церкви² не вернулась.
А что детки твои малые
Почивать не легли, не играть пошли
Плачем плачут, всё не унимаются».

И смутился тогда думой крепкою
Молодой купец Калашников;
И он стал к окну, глядит на улицу
А на улице ночь темнехонька,
Валит белый снег, расстилается,
Заметает след человеческий.

Вот он слышит в сенях дверью хлопнули
Потом слышит шаги торопливые;

Обернулся, глядит — сила крестная!
Перед ним стоит молода жена,
Сама бледная, простоволосая¹,
Косы русые расплетенные
Снегом-инеем пересыпаны;
Смотрят очи мутные, как безумные;
Уста шепчут речи непонятные.

«Уж ты где, жена, жена, шаталася?
На каком подворье, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одежда твоя вся изорвана?
Уж гуляла ты, пировала ты,
Чай, с сынками всё боярскими?..
Не на то пред святыми иконами
Мы с тобой, жена, обручались,
Золотыми кольцами менялись!..
Как запру я тебя за железный замок,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свету Божьего ты не видела,
Мое имя честное не порочила...»

И, услышав то, Алена Дмитревна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась, как листочек осинový,
Горько-горько она восплакалась,
В ноги мужу повалилася.

«Государь ты мой, красно солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои речи — будто острый нож;
От них сердце разрывается.
Не боюсь смерти лютой²,
Не боюсь я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.

От вечерни домой шла я нонече
Вдоль по улице одинешенька.
И слышалось мне, будто снег хрустит;
Оглянулася — человек бежит.

¹ Простоволосая — с непокрытой головой.

² Лютой — лютой (устаревшее окончание родительного падежа женского рода).

¹ Гостиный двор — торговые ряды.

² Приходская церковь — местная церковь.

Мои ноженьки подкосились,
 Шелковой фатой я закрылася.
 И он сильно схватил меня за руки,
 И сказал мне так тихим шепотом:
 "Что пугаешься, красная красавица?
 Я не вор какой, душегуб лесной.
 Я слуга царя, царя грозного.
 Прозываюсь Кирибеевичем,
 А из славной семьи из Малютиной..."
 Испугалась я пуще прежнего;
 Закружилась моя бедная головушка.
 И он стал меня целовать-ласкать,
 И, цалуя, все приговаривал:
 "Отвечай мне, чего тебе надобно,
 Моя милая, драгоценная!
 Хочешь золота али жемчугу?
 Хочешь ярких камней аль цветной парчи?
 Как царицу, я наряжу тебя,
 Станут все тебе завидовать,
 Лишь не дай мне умереть смертью грешною:
 Полюби меня, обними меня
 Хоть единый раз на прощание!"

И ласкал он меня, цаловал меня;
 На щеках моих и теперь горят,
 Живым пламенем разливаются
 Поцалуи его окаянные...
 А смотрели в калитку соседushки,
 Смеючись, на нас пальцем показывали...

Как из рук его я рванулася
 И домой стремглав бежать бросилась,
 И остались в руках у разбойника
 Мой узорный платок, — твой подарочек,
 И фата моя бухарская.
 Опозорил он, осрамил меня,
 Меня честную, непорочную, —
 И что скажут злые соседushки?
 И кому на глаза покажусь теперь?

Ты не дай меня, свою верную жену,
 Злым охульникам¹ в поругание!

¹ Охульник (от хула — порицание, осуждение) — человек, который порицает, порочит другого.

На кого, кроме тебя, мне надеяться?
 У кого просить стану помощи?
 На белом свете я сиротинушка:
 Родной батюшка уж в сырой земле,
 Рядом с ним лежит моя матушка,
 А мой старший брат, сам ты ведаешь,
 На чужой сторонushке пропал без вести,
 А меньшей мой брат — дитя малое,
 Дитя малое, неразумное...»

Говорила так Алена Дмитриевна,
 Горючьми слезами заливалася.

Посылает Степан Парамонович
 За двумя меньшими братьями;
 И пришли его два брата, поклонились
 И такое слово ему молвили:
 «Ты поведай нам, старшой наш брат,
 Что с тобой случилось, приключилось,
 Что послал ты за нами во темную ночь,
 Во темную ночь морозную?»

«Я скажу вам, братцы любезные,
 Что лиха беда со мною приключилася:
 Опозорил семью нашу честную
 Злой опричник царский Кирибеевич;
 А такой обиды не стерпеть душе
 Да не вынести сердцу молодецкому.
 Уж как завтра будет кулачный бой
 На Москве-реке при самом царе,
 И я выйду тогда на опричника,
 Буду насмерть биться, до последних сил;
 А побьет он меня — выходите вы
 За святую правду-матушку.
 Не сробейте, братцы любезные!
 Вы моложе меня, свежэй силою,
 На вас меньше грехов накопилось,
 Так авось Господь вас помилует!»

И в ответ ему братья молвили:
 «Куда ветер дует в поднебесьи,
 Туда мчатся и тучки послушные,
 Когда сизый орел зовет голосом
 На кровавую долину побоища,

Зовет пир пировать, мертвецов убирать,
К нему малые орлята слетаются:
Ты наш старший брат, нам второй отец;
Делай сам, как знаешь, как ведаешь,
А уж мы тебя родного не выдадим».

* * *

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разумеите!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

III

Над Москвой великой, златоглавою,
Над стеной кремлевской белокаменной
Из-за дальних лесов, из-за синих гор,
По тесовым кровелькам играючи,
Тучки серые разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистые,
Умывается снегами рассыпчатыми,
Как красавица, глядя в зеркальце,
В небо чистое смотрит, улыбается.
Уж зачем ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?

Как сходились, собирались
Удалые бойцы московские
На Москву-реку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потешиться.
И приехал царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велел растянуть цепь серебряную,
Чистым золотом в кольцах спаянную.
Оцепили место в двадцать пять сажень,
Для охотничьего¹ бою, одиночного.
И велел тогда царь Иван Васильевич
Клич кликать звонким голосом:
«Ой, уж где вы, добрые молодцы?
Вы потешьте царя нашего батюшку!

¹ Охотничий — добровольный, для желающих.

Выходите-ка во широкий круг;
Кто побьет кого, того царь наградит.
А кто будет побит, тому Бог простит!»

И выходит удалой Кирибеевич,
Царю в пояс молча кланяется,
Скидает с могучих плеч шубу бархатную,
Подпершись в бок рукою правою,
Поправляет другой шапку алую,
Ожидает он себе противника...
Трижды громкий клич прокликали —
Ни один боец и не тронулся,
Лишь стоят да друг друга поталкивают.

На просторе опричник похаживает,
Над плохими бойцами подсмеивает:
«Присмирели, небойсь, призадумались!
Так и быть, обещаюсь, для праздника,
Отпущу живого с покаянием¹,
Лишь потешу царя нашего батюшку».

Вдруг толпа раздалась в обе стороны —
И выходит Стенап Парамонович,
Молодой купец, удалой боец,
По прозванию Калашников,
Поклонился прежде царю грозному,
После белому Кремлю да святым церквам,
А потом всему народу русскому.
Горят очи его соколиные,
На опричника смотрят пристально.
Супротив него он становится.
Боевые рукавицы натягивает,
Могутные плечи распрямливает
Да кудряву бороду поглаживает.

И сказал ему Кирибеевич:
«А поведай мне, добрый молодец,
Ты какого рода, племени,
Каким именем прозываешься?
Чтобы знать, по ком панихиду² служить,
Чтобы было чем и похвастаться».

¹ С покаянием — со смиренным признанием своей греховности.

² Панихида — церковная служба по умершему.

Отвечает Степан Парамонович:
«А зовут меня Степаном Калашниковым,
А родился я от честнова отца,
И жил я по закону Господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью темною,
Не таился от свету небесного...
И промолвил ты правду истинную:
По одном из нас будут панихиду петь,
И не позже как завтра в час полуденный;
И один из нас будет хвастаться,
С удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смешить
К тебе вышел я теперь, бусурманский сын, —
Вышел я на страшный бой, на последний бой!»

И, услышав то, Кирибеевич
Побледнел в лице, как осенний снег:
Бойки очи его затуманились,
Между сильных плеч пробежал мороз,
На раскрытых устах слово замерло...

Вот молча оба расходятся, —
Богатырский бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибеевич
И ударил впервой купца Калашникова,
И ударил его посередь груди —
Затрепала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степан Парамонович;
На груди его широкой висел медный крест
Со святыми мощами¹ из Киева, —
И погнулся крест и вдавился в грудь;
Как роса из-под него кровь закапала;
И подумал Степан Парамонович:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до последнева!»
Изловчился он, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударил своего ненавистника
Прямо в левый висок со всего плеча.

¹ *Мощи* — высохшие останки тела святого. Религиозные люди верят в чудодейственную силу святых мощей.

И опричник молодой застонал слегка,
Закачался, упал замертво;
Повалился он на холодный снег,
На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыром бору
Под смолистый под корень подрубленная.
И, увидев то, царь Иван Васильевич
Прогневался гневом, топнул о землю
И нахмурил брови черные;
Повелел он схватить удалова купца
И привести его пред лицо свое.

Как возговорил православный царь:
«Отвечай мне по правде, по совести,
Больной волею или нехотя,
Ты убил насмерть мово верного слугу,
Мово лучшего бойца Кирибеевича?»

«Я скажу тебе, православный царь:
Я убил его вольной волею,
А за что про что — не скажу тебе,
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить — и на плаху несть
Мне головушку повинную;
Не оставь лишь малых детушек,
Не оставь молодую вдову,
Да двух братьев моих своей милостью...»

«Хорошо тебе, детинушка,
Удалой боец, сын купеческий,
Что ответ держал ты по совести.
Молодую жену и сирот твоих
Из казны моей я пожалую,
Твоим братьям велю от сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, беспошлинно.
А ты сам ступай, детинушка,
На высокое место лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топор велю наточить-наострить,
Палача велю одеть-нарядить,
В большой колокол прикажу звонить,
Чтобы знали все люди московские,
Что и ты не оставлен моей милостью...»

С рисунка В. Васнецова

Как на площади народ собирается,
Заунывный гудит-воет колокол,
Разглашает всюду весть недобрую.
По высокому месту лобному
Во рубахе красной с яркой запонкой,

С большим топором наостренным,
Руки голые потираючи,
Палач весело похаживает,
Удалова бойца дожидается, —
А лихой боец, молодой купец,
Со родными братьями прощается:

«Уж вы, братцы мои, други кровные,
Поцалуемтесь да обнимемтесь
На последнее расставание.
Поклонитесь от меня Алене Дмитриевне,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моим детушкам не сказывать;
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всем нашим товарищам,
Помолитесь сами в церкви Божией
Вы за душу мою, душу грешную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка бесталанная¹
Во крови на плаху покатила.

Схоронили его за Москвой-рекой,
На чистом поле промеж трех дорог:
Промеж Тульской, Рязанской, Владимирской,
И бугор земли сырой тут насыпали,
И кленовый крест тут поставили.
И гуляют, шумят ветры буйные
Над его безымянной могилкою.
И проходят мимо люди добрые:
Пройдет стар человек — перекрестится,
Пройдет молодец — приосанится,
Пройдет девица — пригорюнится,
А пройдут гуслиеры — споют песенку.

* * *

Гей вы, ребята удалые,
Гуслиеры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали — красно и кончайте,
Каждому правдою и честью воздайте.

¹ Бесталанный (от народн. талан — счастье) — несчастный, обездоленный.

Тороватому¹ боярину слава!
И красавице-боярыне слава!
И всему народу христианскому слава!
Напечатано в 1838 г.

Обдумаем прочитанное

Вы прочитали «Песню про... купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова. Проследим, как поэт «оживляет» далекое прошлое.

1. Перечитайте вступительную статью о поэте. Какие жизненные впечатления Лермонтова, по-вашему, отразились в «Песне...»?

2. Какие картины, нарисованные Лермонтовым в «Песне...», запечатлелись в вашей памяти? Наверняка вы назовете сцену пира у Ивана Грозного, кулачный бой и другие (какие?). Но есть одна сцена, которую нужно воссоздать с помощью фантазии: исполнение «Песни...» гуслирами. Ведь неслучайно Лермонтов назвал свое произведение песней: ее поют гуслиры. Вообразите обстановку, в которой они исполняют произведение. Кто их слушатели? Что сказано о них в поэме? А главное — почему повествование ведется от лица гуслиров?

3. Обратите внимание на то, что Лермонтов отказывается от плавного, непрерывного повествования. Например, промежуток между картиной пира у Ивана Грозного и сценами в лавке и семье Калашникова, несомненно, был заполнен разными событиями. Но поэт выхватывает из потока времени лишь наиболее важные, с его точки зрения, моменты и на них сосредоточивает внимание читателя.

Как вы думаете, чего достигает Лермонтов таким построением «Песни...»?

4. Рисуя картины далекого прошлого, поэт часто ведет повествование в настоящем времени:

Не сияет на небе солнце красное,
Не любятся им тучки синие:
То за трапезой *сидит* во златом венце,
Сидит грозный царь Иван Васильевич.

Вместе с тем незаметно для читателя настоящее время переходит в прошедшее, как бы сплавляется с ним:

И *пирует* царь во славу Божию,
В удовольствие свое и веселие.
Улыбаясь, царь *повелел* тогда
Вина сладкого заморского
Нацедить в свой золоченый ковш
И поднести его опричникам.
— И все *пили*, царя *славили*.

¹ Тороватый (устар.) — щедрый.

Почему в рассказе о прошлом Лермонтов прибегает к настоящему времени? Проанализируйте с этой точки зрения сцену поединка Кирибеевича с Калашниковым.

А теперь разберем «Песню...» подробнее.

Глава I

5. Какое представление складывается у вас об Иване Грозном? Назовите особенно выразительные эпитеты и сравнения, характеризующие его. Почему царь сравнивает себя с месяцем, а своих гостей со звездами? В чем смысл сопоставления Ивана Грозного с ястребом, а Кирибеевича с «голубем сизокрылым»?

6. Что можно сказать о Кирибеевиче на основании его ответа царю? Какое значение для понимания характера молодого опричника имеет последняя строфа главы (до припева)?

Глава II

7. Какие черты сурового быта XVI века, о которых писал автор «Домостроя», отразил Лермонтов в своей «Песне...»? Что добавляет к характеристике Кирибеевича рассказ Алены Дмитриевны? Как «голубь сизокрылый» превращается в «ястреба»?

8. Почему, решив выйти на поединок, Калашников посылает за своими младшими братьями, а они поддерживают его, целиком полагаясь на волю старшего?

Глава III

9. Сравните Кирибеевича и Калашникова.

О каких особенностях героев говорят их портретные зарисовки? Зачем каждый из них вышел на поединок? Почему, готовясь к бою, Кирибеевич кланяется только царю, а Калашников — царю, «...После белому Кремлю да святым церквам, / А потом всему народу русскому»?

Какое значение для понимания замысла автора имеет диалог между Кирибеевичем и Калашниковым перед боем? Кто и почему одержал в нем моральную победу?

Сопоставьте ответ Кирибеевича царю во время пира (глава I) и слова Калашникова после поединка. Как характеризует героев их поведение перед царем?

Перечитайте строки о смерти Кирибеевича. Каким чувством проникнуты они? Чем можно объяснить это чувство? Почему гуслиры, зная, что перед ними «лукавый раб», все же говорят о нем как об «удалом бойце», «буйном молодце»? Похож ли Кирибеевич на опричников, о которых писал Карамзин? Если похож, то чем? А чем отличается от них?

10. Какие стороны характера Ивана Грозного проявляются в главе III? Справедлив ли его суд (ведь Калашников нарушил законы поединка, ударив противника в висок)? Можно ли назвать судом волю одного человека, пусть даже царя?

11. Припевы гуслиров, следующие после каждой главы, время от времени напоминают читателям, что изображаемые события

относятся к далекому прошлому. Перечитайте концовку последней главы. Как Лермонтов показывает, что традиции героического и трагического прошлого живы в памяти народа, и таким образом связывает прошлое с настоящим? Напомним, что как преступник Калашников был похоронен не на кладбище, а за чертой города.

12. Как вы понимаете слова И. Андроникова о «Песне...»: «Поэма заставляла задумываться о судьбе и правах человеческой личности»?

13. Рассмотрите на цветной вклейке репродукцию картины Андрея Петровича Рябушкина «Приглянулась». Чем она напоминает ситуацию, изображенную в «Песне...» М. Ю. Лермонтова? В чем отличие?

14. Выберите одну из картин «Песни...» и попробуйте создать по ней киносценарий. Продумайте обстановку действия, внешний облик действующих лиц, содержание диалогов и монологов, кинокадры, даваемые крупным и дальним планом, титры на экране. Если нужно, определите характер музыкального сопровождения, используйте шумы, игру света и тени.

«ПЕСНЯ ПРО ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА...» И УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

«Лермонтов, можно сказать, был воспитан на песнях народных. В Тарханах и в казачьих станицах на Тереке с детских лет слышал он песни — протяжные и плясовые, колыбельные и хороводные, любовные и величальные, ямщицкие, солдатские, «разбойничьи». Знал исторические песни. <...> Он так глубоко постиг дух народного творчества, что современные исследователи справедливо сравнивают «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» с творениями народных певцов и сказителей. <...>

Только один Пушкин умел создавать творения, столь близкие по духу песням и сказкам народным».

Ираклий Андроников. Судьба Лермонтова

Как и другие великие русские писатели, Лермонтов не подражал устной народной поэзии; он проникся ее духом и, опираясь на ее особенности, создал своеобразное, оригинальное произведение. Каждая сцена, каждая строка «Песни...» отмечены могучим лермонтовским талантом.

1. Вспомните важнейшие особенности былины (герои, построение, стих, язык). Как перекликаются они с «Песней...» Лермонтова?

2. В одной из народных песен о Стеньке Разине есть такое завешание героя:

Схороните меня, братцы, между трех дорог:
Меж Казанской, Астраханской, славной Киевской;
В головах моих поставьте животворный крест,
Во ногах моих положьте саблю вострую.
Буде старый человек пойдет — помолится...
Буде млад человек пойдет — в гусли наиграется...

Сравните этот отрывок с концовкой «Песни...» Лермонтова. В чем сходство и различие? Чем они, по-вашему, объясняются?

3. Отметьте в тексте «Песни...» постоянные эпитеты, отрицательные сравнения, повторы, характерные для устного народного творчества.

Для любознательных

В народной исторической песне¹ «Мастрюк» рассказано о пире, устроенном Иваном Грозным в связи с его женитьбой на молодой черкешенке Марье Темрюковне. Ее брат, шуриин царя, похваляясь на пиру своей силой, сказал, что нет нигде, даже в Москве, бойца, который устоял бы перед ним. Услышав это, князь Никита Романович так обращается к царю:

«Уж ты гой еси, царь-государь,
Царь Иван Васильевич!
Во твоём почетном пиру
Уж как гости все пьют-едят,
Уж и все прохлаждаются²,
Все тобой поношаются³
Царь Иваном Васильевичем.
Как один гость не ест, не пьет —
Молодой-то черкашенин
Мастрюк Темрюкович,
Твой, сударь, шуриин большой.
Он такую речь говорит». <...>

Далее князь передает слова Мастрюка. Царь приказывает кликнуть клич по Москве — вызвать желающих на поединок с Мастрюком. Желающий нашелся — «Митенька».

¹ Историческая песня рассказывала о каких-либо значительных событиях в жизни государства или царей, полководцев, предводителей народных восстаний. В ней исторические события часто переплетались с вымыслом.

² Угощаются.

³ Здесь: получают от тебя угощения.

На лице-то он ни млад, ни стар,
Он и ростом ни мал, ни велик,
Он на ножку припадывает,
Он усы поразглаживает,
Усы за уши закладывает. <...>

Увидев его, черкашенин сказал:

«Что, не этот ли борец?
Я его до рук не допущу,
Я поставлю его на голову,
Спущу цветно платье с ног на голову!»

Поединок, однако, принес победу «Митеньке»:

Сходились они середь двора царского
При всех князьях-боярех,
При самом государе-царе.
Уж и взял, дескать, Митенька,
Взял за могучи плеча
Мастрюка Темрюковича
Да поставил его на голову,
Спустил цветно платье с ног да на голову.

Сестра Мастрюка, Мария Темрюковна, вступаясь за честь семьи, предлагает царю повесить победителя.

Что возговорит царь-государь,
Царь Иван Васильевич:
«Мужика-то я пожалуй
Я полаты белокаменными;
Мужика будут знать, почитать,
Мужика буду жаловать
Уж я ради почетных пиров,
Еще для ради почетных гостей,
Еще для ради заносчивых».

?

Найдите в народной песне строки, близкие к произведению Лермонтова. А чем они отличаются от текста поэта? Каким изображен Иван Грозный в исторической песне, а каким — в «Песне...» Лермонтова? Чем вы объясните различие?

Алексей Константинович ТОЛСТОЙ

(1817—1875)

Натура гуманная, глубоко гуманная! — вот что был Толстой — и как у всякого истинного поэта <...>, эта гуманная натура Толстого сквозит и дышит во всем, что он написал.

И. С. Тургенев

В один из тяжелых периодов Ливонской войны, когда русские терпели поражения, на сторону врага перешел воевода князь Курбский. Поселившись в Литве, он отправил Ивану Грозному несколько посланий, в которых обвинял царя в деспотизме и неудачном ведении боевых действий.

К этим историческим событиям обратился в своей балладе «Василий Шибанов» А. К. Толстой — поэт, известный вам по курсу 6-го класса.

Как всякое художественное произведение, баллада А. К. Толстого не буквально воспроизводит факты жизни: передавая дух эпохи и особенности характеров исторических лиц, автор разрабатывает вымышленный сюжет. В произведении, в частности, упоминаются опричники; на самом деле Курбский бежал из России еще до введения опричнины. Не установлено, был ли Василий Шибанов, слуга князя Курбского, пойман в Литве и привезен в Москву или его послал с письмом к царю Курбский (источники сообщают об этом по-разному).

ВАСИЛИЙ ШИБАНОВ

Князь Курбский от царского гнева бежал,
С ним Васька Шибанов, стреманный.
Дорожен был князь, конь измученный пал —
Как быть среди ночи туманной?

Но рабскую верность Шибанов храня,
Свое отдаст воеводе коня:

«Скачи, князь, до вражьего стану,
Авось я пешой не отстану!»

И князь доскакал. Под литовским шатром
Опальный сидит воевода;
Стоят в изумленье литовцы кругом,
Без шапок толпятся у входа,
Всяк русскому витязю честь воздает,
Недаром дивится литовский народ,
И ходят их головы кругом:
«Князь Курбский нам сделался другом!»

Но князя не радует новая честь,
Исполнен он желчи и злобы;
Готовится Курбский царю перечесть
Души оскорбленной зазнобы¹:
«Что долго в себе я таю и ношу,
То всё я пространно к царю напишу,
Скажу напрямик, без изгиба,
За все его ласки спасибо!»

И пишет боярин всю ночь напролет,
Перо его местию дышит;
Прочтет, улыбнется, и снова прочтет,
И снова без отдыха пишет,
И злыми словами язвит он царя,
И вот уж, когда занялася заря,
Поспело ему на отраду
Послание, полное яду.

Но кто ж дерзновенные князя слова
Отвезть Иоанну возьмется?
Кому не любя на плечах голова,
Чье сердце в груди не сожмется?
Невольню сомненья на князя нашли...
Вдруг входит Шибанов, в поту и в пыли:
«Князь, служба моя не нужна ли?
Вишь, наши меня не догнали!»

И в радости князь посылает раба,
Торопит его в нетерпенье:

¹ Зазноба — здесь: душевная рана, обиды.

«Ты телом здоров, и душа не слаба,
А вот и рубли в награжденье!»
Шибанов в ответ господину: «Добро!
Тебе здесь нужнее твое серебро,
А я передам и за муки
Письмо твое в царские руки».

Звон медный несется, гудит над Москвой;
Царь в смирной одежде¹ трезвонит;
Зовет ли обратно он прежний покой
Иль совесть навеки хоронит?
Но часто и мерно он в колокол бьет,
И звону внимает московский народ,
И молится, полный боязни,
Чтоб день миновался без казни.

В ответ властелину гудят терема,
Звонит с ним и Вяземский² лютый,
Звонит всей опрични крошечная тьма,
И Васька Грязной³, и Малюта,
И тут же, гордясь своею красой,
С девичьей улыбкой, с змеиной душой,
Любимец звонит Иоаннов,
Отверженный Богом Басманов⁴.

Царь кончил; на жезл опираясь, идет,
И с ним всех окольных собрание⁵.
Вдруг едет гонец, раздвигает народ,
Над шапкою держит посланье.
И спрянул с коня он поспешно долой,
К царю Иоанну подходит пешой
И молвит ему, не бледнея:
«От Курбского, князя Андрея!»

И очи царя загорелись вдруг:
«Ко мне? От злодея лихого?
Читайте же, дьяки, читайте мне вслух
Посланье от слова до слова!»

¹ Смирная одежда — траурная одежда.

² Вяземский А. И. — приближенный Ивана IV, опричник.

³ Васька Грязной (Васюк Грязной) — видный опричник.

⁴ Басманов А. Д. — один из вдохновителей опричнины.

⁵ Окольных собрание — общество приближенных царя.

Подай сюда грамоту, дерзкий гонец!»
И в ногу Шибанова острый конец
Жезла своего он вонзает,
Налег на костыль — и внимает:

«Царю, прославляему древле от всех,
Но тонущу в сквернах¹ обильных!
Ответствуй, безумный, каких ради грех
Побил еси добрых и сильных²?
Ответствуй, не ими ль, средь тяжкой войны,
Без счета твердыни врага сражены?
Не их ли ты мужеством славен?
И кто им бысть верностью равен?

Безумный! Иль мнишишь³ бессмертнее нас,
В небытную ересь⁴ прельщенный?
Внимай же! Приидет возмездия час,
Писанием⁵ нам предреченный,
И аз⁶, иже⁷ кровь в непрестанных боях
За тя⁸, аки⁹ воду, лиях и лиях¹⁰,
С тобой пред Судьею¹¹ предстану!»
Так Курбский писал Иоанну.

Шибанов молчал. Из пронзенной ноги
Кровь алым струилася током,
И царь на спокойное око слуги
Взирал испытующим оком.
Стоял неподвижно опричников ряд;
Был мрачен владыки загадочный взгляд,
Как будто исполнен печали;
И все в ожиданье молчали.

И молвил так царь: «Да, боярин твой прав,
И нет уж мне жизни отрадной!

¹ Скверны — грехи.

² Речь идет об истреблении знатных бояр.

³ Мнишишь — мнишь, думаешь.

⁴ Небытная ересь — небывалая ересь (вероотступничество).

⁵ Писание — здесь: Священное Писание, Ветхий и Новый Завет.

⁶ Аз — я.

⁷ Иже — который.

⁸ За тя — за тебя.

⁹ Аки — как.

¹⁰ Лиях — лил.

¹¹ Судья — здесь: Бог.

Кровь добрых и сильных ногами поправ,
Я пес недостойный и смрадный!
Гонец, ты не раб, но товарищ и друг,
И много, знать, верных у Курбского слуг,
Что выдал тебя за бесценок!
Ступай же с Малютой в застенки!»

Пытают и мучат гонца палачи,
Друг к другу приходят на смену.
«Товарищей Курбского ты уличи,
Открой их собачью измену!»
И царь вопрошает: «Ну что же гонец?
Назвал ли он вора друзей наконец?» —
«Царь, слово его всё едино:
Он славит своего господина!»

День меркнет, приходит ночная пора,
Скрыпят у застенка ворота,
Заплечные входят опять мастера,
Опять зачалася работа.
«Ну что же, назвал ли злодеев гонец?» —
«Царь, близок ему уж приходит конец,
Но слово его всё едино,
Он славит своего господина:

“О князь, ты, который предать меня мог
За сладостный миг укоризны,
О князь, я молю, да простит тебе Бог
Измену твою пред отчизной!
Услышь меня, Боже, в предсмертный мой час,
Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но в сердце любовь и прощенье —
Помилуй мои прегрешенья!

Услышь меня, Боже, в предсмертный мой час,
Прости моего господина!
Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но слово мое всё едино:
За грозного, Боже, царя я молюсь,
За нашу святую, великую Русь —
И твердо жду смерти желанной!”»
Так умер Шибанов, стремянный.

Напечатано в 1858 г.

Обдумаем прочитанное

1. В балладе три героя: царь, князь Курбский, Василий Шибанов. Последнего автор дважды называет рабом (найдите эти места). Раб ли он на самом деле? Как ведет себя Василий Шибанов в застенке? Чем он, по-вашему, превосходит своего господина и царя? Почему балладу, в которой действуют три героя, поэт назвал «Василий Шибанов»? Какие качества человека прославляет поэт, рисуя фигуру гонца князя Курбского?

2. В балладе А. К. Толстого много устаревших слов и выражений. Приведите примеры. Зачем поэт употребляет подобные слова?

3. Подготовьте выразительное чтение нескольких понравившихся вам строф из баллады (желательно законченного эпизода). Имейте в виду, что в балладе А. К. Толстого немало так называемых *переносов* — несовпадений фразы с ритмическим строением стиха, когда окончание предложения, начатого в одной стихотворной строке, переносится в следующую строку. Например:

И князь доскакал. Под литовским шатром
Опальный сидит воевода.

Или:

И в ногу Шибанова острый конец
Жезла своего он вонзает.

Готовясь к выразительному чтению, учитывайте переносы: интонацией нужно слегка оттенять конец строки и вместе с тем давать понять слушателям, что мысль еще не закончена, что она развивается и завершается в следующей строке.

4. Какая тема, какие мысли объединяют два произведения об Иване Грозном, напечатанные в хрестоматии?

Приглашаем в библиотеку

Царствованию Ивана Грозного А. К. Толстой посвятил ряд произведений, среди них — роман «Князь Серебряный». Правда, в нем далеко не точно воспроизводятся исторические события: некоторые переставлены во времени, другие созданы творческой фантазией писателя. Но многие особенности эпохи переданы верно. Произведение насыщено приключениями, неожиданными происшествиями. Привлекает внимание любовная история князя. Некоторые сцены (пир у Ивана Грозного, поединки) напоминают «Песню...» Лермонтова.

Николай Васильевич ГОГОЛЬ

(1809—1852)

Гоголь принадлежал к народу по своим вкусам и по складу своего ума.

А. И. Герцен

Писательский успех пришел к Н. В. Гоголю после опубликования веселых, иногда таинственно-фантастических рассказов, собранных в книге «Вечера на хуторе близ Диканьки». Но по мере того как молодой писатель глубже узнавал жизнь, ее отрицательные стороны, недостатки людей, смех его становился грустнее и грустнее, а взгляд на действительность — серьезнее и пронизательнее.

В новом сборнике — «Миргород» — писатель решил противопоставить мелким интересам мелких людей героев прошлого, которые могли бы послужить примером для его современников. Так, рядом с «Повестью о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (а поссорились они и стали непримиримыми врагами из-за пустяка) появилась героическая историческая повесть «Тарас Бульба».

Интересно, что приблизительно в это же время М. Ю. Лермонтов в стихотворении «Бородино» устами старого солдата, участника войны 1812 года, произнес:

Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя,
Богатыри, — не вы! <...>

Оба великих писателя высоко оценивали героическое прошлое русского народа.

Созданию повести «Тарас Бульба» помогло увлечение Гоголя в начале 30-х годов XIX века историей Малороссии (Украины) и историей Средних веков. При помощи Пушкина и Жуковского он даже добился места помощника профессора в Петербургском университете, где читал лекции по истории Средневековья. Гоголь задумал написать «Историю Малороссии» и усиленно собирал для нее материалы. Но историком он не стал: интерес к художественному творчеству победил. Наиболее яркий результат исторических увлечений писателя — повесть «Тарас Бульба». Первый ее вариант был создан в 1834 году, второй — усовершенствованный — в 1842 (в этом варианте, правда, сокращенном, она представлена в учебнике-хрестоматии).

Произведение Гоголя довольно сложное по содержанию и потому требует предварительных пояснений.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПОВЕСТИ «ТАРАС БУЛЬБА»

Повесть посвящена борьбе украинского народа за свою независимость против польских панов. Эту борьбу, отбивая одновременно набеги турок и татар, он вел в XV—XVII веках. Хотя события, изображенные писателем, не приурочены к точным датам, а сюжет и герои повести вымышлены, произведение Гоголя верно воссоздает дух эпохи, особенности жизни, быта и нравов тех далеких времен.

В центре внимания писателя — Запорожская Сечь. Многие крестьяне и люди других сословий — не только с Украины, но и из центральных областей России — в поисках лучшей доли или спасаясь от гнета и преследований, бежали на юг, в низовья Днепра. И здесь, на острове Хортица, одном из самых больших его островов, возник казацкий кош (лагерь). Высокие скалистые берега и возведенные казаками укрепления делали остров неприступным. Среди этих укреплений был деревянный частокол из заостренных сверху и осмоленных снизу бревен, называвшийся *засека*, по-украински — *сечь*. Потому и лагерь стал называться Запорожской Сечью.

Все должности у запорожцев были выборные. Вопросы решались на общей сходке — раде. Во главе войска Сечи стоял кошевой атаман, которому все подчинялись во время военных походов. Это был «неограниченный повелитель», хотя в мирное время его жизнь ничем не отличалась от жизни других запорожцев.

Казацье войско подразделялось на курени, во главе которых стояли куренные атаманы, ведавшие военными и хозяйственными делами. Слово *курень* означало и воинское подразделение,

и жилище запорожцев, то есть шалаш с очагом, на котором казаки готовили пищу; от названия очагов (они дымились — «курились») происходит и само слово *курень*. Казаки одного куреня обычно жили одной семьей, все у них было общее.

В Запорожскую Сечь мог прийти каждый недовольный своей жизнью. Не допускались лишь женщины. Они не смели показаться даже в предместье, мужей видели они в год два-три дня. В тогдашний век, пишет Гоголь, было «стыдно и бесчестно думать казаку о женщине», она была «какое-то странное существо в этом сборище безженных рыцарей».

Слишком старые не встречались в Сечи: никто из запорожцев не умирал своей смертью, чаще всего оставляли они свои головы на поле брани. И в мирное, и особенно в военное время Сечь представляла собой колоссальный лагерь. Она всегда ощущала себя в опасности. Коренные запорожцы все пережили, все испытали на своем веку, многие не раз бывали в битвах с татарами, с польской шляхтой¹, в боях проявляли высокое воинское искусство. Постоянные опасности закаляли их характеры, воспитывали волю и мужество, но вместе с тем способствовали огрублению нравов, нетерпимости к иноверцам, доходившей до фанатизма².

Какими источниками пользовался Гоголь, работая над повестью? Он обстоятельно изучал исторические исследования, в частности книгу Боплана «Описание Украины»³, казацкие летописи, народные предания и старинные песни, в которых ярко и полно сохранился дух запорожского казачества. С восторгом писал Гоголь о народных украинских песнях: «...Везде видна сила, радость, могущество, с какою казак бросает тишину и беспечность жизни домовитой, чтобы вдаться во всю поэзию битв, опасностей и разгульного пиршества с товарищами». Песни, по словам писателя, раскрыли перед ним быт народа, «все изгибы и оттенки его чувств, волнений, страданий, веселий», «дух минувшего века».

В статье «О преподавании всеобщей истории» Гоголь говорил о необходимости так освещать историческое прошлое, чтобы народ и события «были непременно живы» и как бы находились «перед глазами», чтобы народ сохранял «свой мир, свои краски, чтобы народ со своими подвигами пронесся

¹ Шляхта — польское дворянство.

² Фанатизм — доведенная до крайности приверженность каким-либо взглядам или вере.

³ Боплан — французский инженер, провел около 17 лет на Украине, был очевидцем борьбы запорожского казачества с польской шляхтой.

ярко, в таком точно виде и костюме, в каком был он в минувшие времена». Для этого, писал он, нужно собрать «черты самые оригинальные, самые резкие, какие имел изображаемый народ». Этим принципам следует Гоголь и как художник, в чем легко убедиться, читая его героическую повесть «Тарас Бульба», отразившую судьбу целого народа.

ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ НЕПОНЯТНО В СОДЕРЖАНИИ ПОВЕСТИ?

Читая повесть, вы невольно обратите внимание на жестокость, проявленную обеими воюющими сторонами. Рушатся храмы, горят селения, в неимоверных мучениях гибнут люди, и не только воины, но и девушки, старики, даже младенцы. Противники словно стараются превзойти друг друга в изобретении страшных способов умерщвления человека.

Гоголь не придумывает подобные ситуации, а следует исторической правде. Он неоднократно пишет о тогдашнем «грубом, свирепом веке», когда «человек вел еще кровавую жизнь одних воинских подвигов и закалялся в ней душевно, не чувствуя человечества» (то есть человечности, сострадания, жалости). «Дыбом стал бы ныне волос от тех страшных знаков свирепства полудикого века, которые пронесли везде запорожцы», — замечает он в другом месте. От запорожцев не отставали и поляки. Чего стоит, например, чуть ли не торжественная сцена казни Остапа, на которую, как на праздник, стеклись варшавяне!

Писатель не приукрашивает запорожцев. Перед нами не милые, веселые парубки из «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Казаки грубы, своевольны, иногда корыстны и, хотя посещают церковь и воюют за христианскую веру, часто нарушают Христовы заповеди.

Писатель объясняет жестокость запорожцев историческими причинами. В статье «Взгляд на составление Малороссии», говоря о набегах татар на украинские земли, он писал: «Они (запорожцы) поворотили против татар их же образ войны, те же азиатские набеги. Как жизнь их была определена на вечный страх, так точно с своей стороны они решились быть страхом для соседей». А этими беспокойными соседями были также турки и — в описываемое время — поляки.

Гоголь, однако, сумел увидеть в запорожцах и дать крупным планом все лучшее, что должны наследовать их потомки: бесшабашную удачу, беспредельную любовь к родине, готовность к самопожертвованию, глубокое чувство товарищества, боевого

братства, презрение к жизненным благам. По сути, судьба героев повести трагична: они лишены радостей семейной жизни, все время находятся на волосок от смерти и в конце концов гибнут. Любящий отец становится сыноубийцей и кончает жизнь бобылем. Тяжела и горька доля казацкой женщины, особенно матери. Этот трагический ответ, лежащий не только на членах семьи Тараса, но и на его друзьях и соратниках, вызывает сочувствие читателей. Обратите внимание на то, как суровый Тарас плачет, вспоминая погибших товарищей, как на смертном костре находит в себе силы обратиться с прощальными словами к сподвижникам.

При чтении повести у вас могут возникнуть вопросы об отношении писателя и его героев к людям иных национальностей. Например, почему казаки не различают украинцев и русских; сражаясь с врагами, говорят о русской силе, которую никто одолеть не может, и вообще считают себя защитниками Руси? Ответ прост: два народа, вышедшие из единого корня, издревле имевшие общую историю, ощущают себя народами-братьями, сражающимися за общее дело.

А поляки, которых запорожцы называют ляхами? Гоголь их рисует не только как врагов, но и как достойных противников, хотя при этом придает некоторым сценам юмористический характер. С чувством сострадания воссозданы картины голодающего города, находящегося в осаде. Уважение вызывает польский священник, воссылающий Богу молитвы о помощи и милосердии. А церковный орган, сопровождающий молитву, наполняет церковь величественным рокотом грома, переходящим в божественную музыку.

Задержитесь на страницах, где изображено свидание Андрия с панночкой. Казалось бы, Андрий в логове врага. Но эти страницы дышат молодостью и силой любви. Исторические обстоятельства, однако, таковы, что дать волю своим чувствам молодые люди не имеют права. Андрий, жаждущий свободы, оказывается свободен от морали, соединяющей его соплеменников, и превращается в предателя. Панночка остается верна своему роду. Кстати, заметьте, что она, умирающая от голода, не притрагивается к хлебу, принесенному Андрием, пока не узнает о том, что хлеб дан и ее родителям.

Более сложен вопрос об отношении Гоголя и запорожцев к евреям. И писатель, и его герои называют их обидным ныне для евреев словом «жиды». Но во времена Гоголя это слово в устах культурных людей не было оскорбительным: оно происходит от слова «иудей» (в древности было Иудейское царство),

по-немецки — юде. Запорожцы вкладывают в это слово оскорбительный смысл. Но такова историческая правда, казаки были справедливы далеко не во всем и не всегда. Интересно, однако, как писатель рисует евреев. По существу, они представлены одной фигурой — Янкелем. Он неуклюж, смешон, впрочем, не больше, чем другие смешные герои писателя, своекорыстен, жаден. Когда казаки, поддавшись слепому, стихийному чувству мести, решают топить в реке ни в чем не повинных местечковых евреев, Янкель обращается к запорожцам со словами увещевания, называя их «добрыми, хорошими и храбрыми панами», каких «не было еще на свете». Но ничто не помогает: «добрые паны» не слушают. И спасает Янкеля от незаслуженной кары, от несправедливости Тарас. Проходит время. И настает очередь Янкеля отплатить Тарасу добром за добро. Он выбирает безопасный способ доставить Тараса в Варшаву, а там провести его в тюрьму, где томился Остап. Правда, попытка окончилась комично, неудачей (по вине Тараса). Но ясно, что и в жадном ростовщике Гоголь как великий писатель-гуманист сумел найти человеческие черточки. Он показал, что героизм казаков-патриотов рождался в противоречивой действительности, в сложных взаимоотношениях между ними и окружающими людьми.

ТАРАС БУЛЬБА

Редакция 1842 г.

(В сокращении)

I

— А поворотись-ка, сын! Экой ты смешной какой! Что это на вас за поповские подрясники? И эдак все ходят в академии? — Такими словами встретил старый Бульба двух сыновей своих, учившихся в киевской бурсе¹ и приехавших домой к отцу.

Сыновья его только что слезли с коней. Это были два дюжие молодца, еще смотревшие исподлобья, как недавно выпущенные семинаристы. Крепкие, здоровые лица их были покрыты первым пухом волос, которого еще не касалась бритва. Они были очень смущены таким приемом отца и стояли неподвижно, потупив глаза в землю.

— Стойте, стойте! Дайте мне разглядеть вас хорошенько, — продолжал он, поворачивая их, — какие же длинные на вас

свитки²! Экие свитки! Таких свиток еще и на свете не было. А побегу который-нибудь из вас! я посмотрю, не шлепнется ли он на землю, запутавшись в полы.

— Не смейся, не смейся, батьку! — сказал наконец старший из них.

— Смотри ты, какой пышный³! А отчего ж бы не смеяться?

— Да так, хоть ты мне и батько, а как будешь смеяться, то, ей-богу, поколочу!

— Ах ты, сякой-такой сын! Как, батька?.. — сказал Тарас Бульба, отступивши с удивлением несколько шагов назад.

— Да хоть и батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого.

— Как же хочешь ты со мною биться? разве на кулаки?

— Да уж на чем бы то ни было.

— Ну, давай на кулаки! — говорил Тарас Бульба, засучив рукава, — посмотрю я, что за человек ты в кулаке!

И отец с сыном, вместо приветствия после давней отлучки, начали насаживать друг другу тумачи и в бока, и в поясницу, и в грудь, то отступая и оглядываясь, то вновь наступая.

— Смотрите, добрые люди: одурел старый! совсем спятил с ума! — говорила бледная, худощавая и добрая мать их, стоявшая у порога и не успевшая еще обнять ненаглядных детей своих. — Дети приехали домой, больше году их не видали, а он задумал невесть что: на кулаки биться!

— Да он славно бьется! — говорил Бульба, остановившись. — Ей-богу, хорошо! — продолжал он, немного оправляясь, — так, хоть бы даже и не пробовать. Добрый будет козак⁴! Ну, здорово, сынку! почеломкаемся! — И отец с сыном стали целоваться. — Добре, сынку! Вот так колоти всякого, как меня тузил; никому не спускай! А всё-таки на тебе смешное убранство: что это за веревка висит? А ты, бейбас⁴, что стоишь и руки опустил? — говорил он, обращаясь к младшему, — что ж ты, собачий сын, не колотишь меня?

— Вот еще что выдумал! — говорила мать, обнимавшая между тем младшего. — И придет же в голову этакое, чтобы дитя родное било отца. Да будто и до того теперь: дитя молодое, проехало столько пути, утомилось (это дитя было двадцати с лишком лет и ровно в сажень ростом), ему бы теперь нужно опочить и поесть чего-нибудь, а он заставляет его биться!

¹ *Світка* — верхняя длинная одежда из домотканого сукна.

² *Пышный* — здесь: гордый, недотрога.

³ *Козак* — написание Гоголя, совр.: казак.

⁴ *Бейбас* — балбес.

¹ *Бурса, семинария* — духовное учебное заведение.

— Э, да ты мазунчик¹, как я вижу! — говорил Бульба. — Не слушай, сынку, матери: она — баба, она ничего не знает. Какая вам нежба? Ваша нежба — чистое поле да добрый конь: вот ваша нежба! А видите вот эту саблю? вот ваша мать! Это все дрянь, чем набивают головы ваши; и академия, и все те книжки, буквари, и философия — все это *ка зна що*², и плевать на все это! — Здесь Бульба пригнал в строку такое слово, которое даже не употребляется в печати. — А вот, лучше, я вас на той же неделе отправлю на Запорожье. Вот где наука так наука! Там вам школа; там только наберетесь разуму.

— И всего только одну неделю быть им дома? — говорила жалостно, со слезами на глазах, худошавая старуха мать. — И погулять им, бедным, не удастся; не удастся и дому родного узнать, и мне не удастся наглядеться на них!

— Полно, полно выть, старуха! Козак не на то, чтобы возиться с бабами. Ты бы спрятала их обоих себе под юбку, да и сидела бы на них, как на куриных яйцах. Ступай, ступай, да ставь нам скорее на стол все, что есть. Не нужно пампушек, медовиков, маковников и других пундик³; тащи нам всего барана, козу давай, меды сорокалетние! Да горелки побольше, не с выдумками горелки, не с изюмом и всякими вытребеньками⁴, а чистой, пенной горелки, чтобы играла и шипела, как бешеная.

Бульба повел сыновей своих в светлицу, откуда проворно выбежали две красивые девки-прислужницы в червонных монистах⁵, прибиравшие комнаты. Они, как видно, испугались приезда паничей, не любивших спускаться никому, или же просто хотели соблюсти свой женский обычай: вскрикнуть и броситься опрометью, увидевши мужчину, и потом долго закрываться от сильного стыда рукавом. Светлица была убрана во вкусе того времени, о котором живые намеки остались только в песнях да в народных думах, уже не поющих более на Украине боролатыми старцами-слепцами в сопровождении тихого треньканья бандуры, в виду обступившего народа; во вкусе того бранного, трудного времени, когда начались разыгрываться схватки и битвы на Украине за унию⁶. Все было

чисто, вымазано цветной глиною. На стенах — сабли, нагайки, сетки для птиц, невода и ружья, хитро обделанный рог для пороху, золотая уздечка на коня и путы с серебряными бляхами. Окна в светлице были маленькие, с круглыми тусклыми стеклами, какие встречаются ныне только в старинных церквах, сквозь которые иначе нельзя было глядеть, как приподняв подвижное стекло. Вокруг окон и дверей были красные отводы¹. На полках по углам стояли кувшины, бутылки и фляжки зеленого и синего стекла, резные серебряные кубки, позолоченные чарки всякой работы: венецейской, турецкой, черкесской, зашедшие в светлицу Бульбы всякими путями, через третьи и четвертые руки, что было весьма обыкновенно в те удалые времена. Берестовые² скамьи вокруг всей комнаты; огромный стол под образами в парадном углу; широкая печь с запечьями, уступами и выступами, покрытая цветными пестрыми изразцами, — все это было очень знакомо нашим двум молодцам, приходившим каждый год домой на каникулярное время; приходившим потому, что у них не было еще коней, и потому, что не в обычае было позволять школярам ездить верхом. У них были только длинные чубы, за которые мог выдрать их всякий козак, носивший оружие. Бульба только при выпуске их послал им из табуна своего пару молодых жеребцов.

Бульба по случаю приезда сыновей велел созвать всех сотников и весь полковой чин, кто только был налицо; и когда пришли двое из них и есаул³ Дмитро Товкач, старый его товарищ, он им тот же час представил сыновей, говоря: «Вот смотрите, какие молодцы! На Сечь их скоро пошлю». Гости поздравили и Бульбу, и обоих юношей и сказали им, что доброе дело делают и что нет лучшей науки для молодого человека, как Запорожская Сечь.

— Ну ж, паны-браты, садись всякий, где кому лучше, за стол. Ну, сынки! прежде всего выпьем горелки! — так говорил Бульба. — Боже, благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остап, и ты, Андрий! Дай же Боже, чтоб вы на войне всегда были удачливы! Чтобы бусурменов⁴ били, и турков бы били, и татарву били бы; когда и ляхи начнут что против веры нашей чинить, то и ляхов бы били! Ну, подставляй свою чарку; что,

¹ Мазунчик — избалованный, маменькин сынок.

² Ка зна що — не поймешь что (более грубо — черт-те что).

³ Пундики — сладости.

⁴ Вытребеньки — причуды, затей.

⁵ Червонное монисто — красное ожерелье.

⁶ Уния — объединение православной церкви с католической под властью Папы Римского.

¹ Отводы — деревянные украшения.

² Берестовый — сделанный из вяза, который на Украине называют берестом.

³ Есаул — средний офицерский чин в казачьих войсках.

⁴ Бусурман (басурман) — нехристианин; здесь: иноземец.

хороша горелка? А как по-латыни горелка? То-то, сынку, дурни были латынцы: они и не знали, есть ли на свете горелка. Как, бишь, того звали, что латинские вирши¹ писал? Я грамоте разумею не сильно, а потому и не знаю: Гораций², что ли?

«Вишь, какой батько! — подумал про себя старший сын, Остап, — все старый, собака, знает, а еще и прикидывается».

— Я думаю, архимандрит³ не давал вам и понюхать горелки, — продолжал Тарас. — А признайтесь, сынки, крепко стегали вас березовыми и свежим вишняком по спине и по всему, что ни есть у козака? А может, так как вы сделались уже слишком разумные, так, может, и плетюганями пороли? Чай, не только по субботам, а доставалось и в среду и в четверги?

— Нечего, батько, вспоминать, что было, — отвечал хладнокровно Остап, — что было, то прошло!

— Пусть теперь попробует! — сказал Андрий. — Пускай только теперь кто-нибудь зацепит. Вот пусть только подвернется теперь какая-нибудь татарва, будет знать она, что за вещь козацкая сабля!

— Добре, сынку! ей-богу, добре! Да когда на то пошло, то и я с вами еду! ей-богу, еду! Какого дьявола мне здесь ждать? Чтоб я стал гречкосеем, домоводом, глядеть за овцами да за свиньями да бабиться с женой? Да пропади она: я козак, не хочу! Так что же, что нет войны? Я так поеду с вами на Запорожье, погулять. Ей-богу, поеду! — И старый Бульба мало-помалу горячился, горячился, наконец рассердился совсем, встал из-за стола и, приосанившись, топнул ногою. — Завтра же едем! Зачем откладывать! Какого врага мы можем здесь высидеть? На что нам эта хата? К чему нам все это? На что эти горшки? — Сказавши это, он начал колотить и швырять горшки и фляжки.

Бедная старушка, привыкшая уже к таким поступкам своего мужа, печально глядела, сидя на лавке. Она не смела ничего говорить; но, услыша о таком страшном для нее решении, она не могла удержаться от слез; взглянула на детей своих, с которыми угрожала ей такая скорая разлука, — и никто бы не мог описать всей безмолвной силы ее горести, которая, казалось, трепетала в глазах ее и в судорожно сжатых губах. <...>

Тарас был один из числа коренных, старых полковников: весь был он создан для бранной тревоги и отличался грубой прямою своего нрава. Тогда влияние Польши начинало уже оказываться на русском дворянстве. Многие перенимали уже польские обычаи, заводили роскошь, великолепные прислуги, соколов, ловчих, обеды, дворы. Тарасу было это не по сердцу. Он любил простую жизнь козаков и перессорился с теми из своих товарищей, которые были наклонны к варшавской стороне, называя их холопьями польских панов. Вечно неугомонный, он считал себя законным защитником православия. Самоуправно входил в села, где только жаловались на притеснения арендаторов и на прибавку новых пошлин с дыма¹. Сам с своими козаками производил над ними расправу и положил себе правилом, что в трех случаях всегда следует взяться за саблю, именно: когда комиссары² не уважили в чем старшин и стояли пред ними в шапках, когда поглумились над православием и не почтили предкового закона и, наконец, когда враги были бусурманы и турки, против которых он считал во всяком случае позволительным поднять оружие во славу христианства.

Теперь он тешил себя заранее мыслью, как он явится с двумя сыновьями своими на Сечь и скажет: «Вот посмотрите, каких я молодцов привел к вам!»; как представит их всем старым, закаленным в битвах товарищам; как поглядит на первые подвиги их в ратной науке³ и бражничестве, которое почитал тоже одним из главных достоинств рыцаря. Он сначала хотел было отправить их одних. Но при виде их свежести, рослости, могучей телесной красоты вспыхнул воинский дух его, и он на другой же день решился ехать с ними сам, хотя необходимостью этого была одна упрямая воля. Он уже хлопотал и отдавал приказы, выбирал коней и сбрую для молодых сыновей, навещивался и в конюшни и в амбары, отобрал слуг, которые должны были завтра с ними ехать. Есаулу Товкачу передал свою власть вместе с крепким наказом явиться сей же час со всем полком, если только он подаст из Сечи какую-нибудь весть. Хотя он был и навеселе и в голове его еще бродил хмель, однако ж не забыл ничего. Даже отдал приказ напоить коней и всыпать им в ясли крупной и лучшей пшеницы и пришел усталый от своих забот.

¹ Вирши — стихи.

² Гораций — знаменитый древнеримский поэт.

³ Архимандрит — монашеский чин; здесь: настоятель, то есть глава духовного училища.

¹ Пошлина с дыма — оброк с каждой хаты.

² Комиссар — здесь: польский сборщик податей.

³ Ратная наука — военная наука.

— Ну, дети, теперь надобно спать, а завтра будем делать то, что Бог даст. Да не стели нам постели! Нам не нужна постель. Мы будем спать на дворе.

Ночь еще только что обняла небо, но Бульба всегда ложился рано. Он развалился на ковре, накрылся бараньим тулупом, потому что ночной воздух был довольно свеж и потому что Бульба любил укрыться потеплее, когда был дома. Он вскоре захрапел, и за ним последовал весь двор; все, что ни лежало в разных его углах, храпело и зашело; прежде всего заснул сторож, потому что более всех напился для приезда паничей.

Одна бедная мать не спала. Она приникла к изголовью дорогих сыновей своих, лежавших рядом; она расчесывала гребнем их молодые, небрежно включенные кудри и смачивала их слезами; она глядела на них вся, глядела всеми чувствами, вся превратилась в одно зрение и не могла наглядеться. Она вскормила их собственной грудью, она возрастила, взлелеяла их — и только на один миг видит их перед собою. «Сыны мои, сыны мои милые! что будет с вами? что ждет вас?» — говорила она, и слезы остановились в морщинах, изменивших ее когда-то прекрасное лицо. В самом деле, она была жалка, как всякая женщина того удалого века. Она миг только жила любовью, только в первую горячку страсти, в первую горячку юности, — и уже суровый прельститель ее покидал ее для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видела мужа в год два-три дня, и потом несколько лет о нем не бывало слуху. Да и когда виделась с ним, когда они жили вместе, что за жизнь ее была? Она терпела оскорбления, даже побои; она видела из милости только оказываемые ласки, она была какое-то странное существо в этом сборище безжизненных рыцарей, на которых разгульное Запорожье набрасывало суровый колорит свой. <...> Вся любовь, все чувства, все, что есть нежного и страстного в женщине, все обратилось у ней в одно материнское чувство. Она с жаром, с страстью, с слезами, как степная чайка, вилась над детьми своими. Ее сыновей, ее милых сыновей берут от нее, берут для того, чтобы не увидеть их никогда! Кто знает, может быть, при первой битве татарин срубит им головы и она не будет знать, где лежат брошенные тела их, которые расклюет хищная подорожная птица; а за каждую каплю крови их она отдала бы себя всю. Рыдая, глядела она им в очи, когда всемогущий сон начинал уже смыкать их, и думала: «Авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочит денька на два отъезд; может быть, он задумал оттого так скоро ехать, что много выпил».

Месяц с вышины неба давно уже озарял весь двор, наполненный спящими, густую кучу верб и высокий бурьян, в котором потонул частокол, окружавший двор. Она все сидела в головах милых сыновей своих, ни на минуту не сводила с них глаз и не думала о сне. Уже кони, чуя рассвет, все полегли на траву и перестали есть; верхние листья верб начали лепетать, и мало-помалу лепечущая струя спустилась по ним до самого низу. Она просидела до самого света, вовсе не была утомлена и внутренние желала, чтобы ночь протянулась как можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржание жеребенка; красные полосы ясно сверкнули на небе.

Бульба вдруг проснулся и вскочил. Он очень хорошо помнил все, что приказывал вчера.

— Ну, хлопцы, полно спать! Пора, пора! Напойте коней! А где стара? (Так он обыкновенно называл жену свою.) Живее, стара, готовь нам есть: путь лежит великий!

Бедная старушка, лишенная последней надежды, уныло поплелась в хату. Между тем как она со слезами готовила все, что нужно к завтраку, Бульба раздавал свои приказания, возился на конюшне и сам выбирал для детей своих лучшие убранства. Бурсаки вдруг преобразились: на них явились, вместо прежних запачканных сапогов, сафьянные¹ красные, с серебряными подковами; шаровары шириною в Черное море, с тысячью складок и со сборами, перетянулись золотым очкуром²; к очкуру прицеплены были длинные ремешки, с кистями и прочими побрякушками, для трубки. Казакин³ алого цвета, сукна яркого, как огонь, опоясался узорчатым поясом; чеканные турецкие пистолеты были задвинуты за пояс; сабля брякала по ногам. Их лица, еще мало загоревшие, казалось, похорошели и побелели; молодые черные усы теперь как-то ярче оттеняли белизну их и здоровый, мощный цвет юности; они были хороши под черными бараньими шапками с золотым верхом. Бедная мать как увидела их, и слова не могла промолвить, и слезы остановились в глазах ее.

— Ну, сыны, все готово! нечего мешкать! — произнес наконец Бульба. — Теперь, по обычаю христианскому, нужно перед дорогою всем присесть.

Все сели, не выключая даже и хлопцев, стоявших почтительно у дверей.

¹ Сафьян — кожа высокого качества.

² Очкур — шнурок, которым затягивали шаровары.

³ Казакин — мужское верхнее платье со сборками сзади.

— Теперь благослови, мать, детей своих! — сказал Бульба. — Моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь рыцарскую¹, чтобы стояли всегда за веру Христову, а не то — пусть лучше пропадут, чтобы и духу их не было на свете! Подойдите, дети, к матери: молитва материнская и на воде и на земле спасает.

Мать, слабая, как мать, обняла их, вынула две небольшие иконы, надела им, рыдая, на шею.

— Пусть хранит вас... Божья мать... Не забывайте, сынки, мать вашу... прищлите хоть весточку о себе... — Далее она не могла говорить.

— Ну, пойдем, дети! — сказал Бульба.

У крыльца стояли оседланные кони. Бульба вскочил на своего Черта, который бешено отшатнулся, почувствовав на себе двадцатипудовое бремя, потому что Тарас был чрезвычайно тяжел и толст.

Когда увидела мать, что уже и сыны ее сели на коней, она кинулась к меньшому, у которого в чертах лица выражалось более какой-то нежности: она схватила его за стремя, она прилипнула к седлу его и с отчаяньем в глазах не выпускала его из рук своих. Два дюжих козака взяли ее бережно и унесли в хату. Но когда выехали они за ворота, она со всею легкостью дикой козы, несообразной ее летам, выбежала за ворота, с непостижимою силою остановила лошадь и обняла одного из сыновей с какою-то помешанною, бесчувственною горячностью; ее опять увели.

Молодые козаки ехали смутно² и удерживали слезы, боясь отца, который, с своей стороны, был тоже несколько смущен, хотя старался этого не показывать. День был серый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали как-то вразлад. Они, проехавши, оглянулись назад; хутор их как будто ушел в землю; только видны были над землей две трубы скромного их домика да вершины деревьев, по сучьям которых они лазили, как белки; один только дальний луг еще стлался перед ними, — тот луг, по которому они могли припомнить всю историю своей жизни, от лет, когда катались по росистой траве его, до лет, когда поджидали в нем чернобровую козачку, боязливо перелетавшую через него с помощью своих свежих, быстрых ног. Вот уже один только шест над колодцем с привязанным вверху колесом от телеги одиноко торчит в небе; уже равнина,

которую они проехали, кажется издали горою и все собою закрыла. — Прощайте и детство, и игры, и всё, и всё!

II

Все три всадника ехали молчаливо. Старый Тарас думал о давнем: перед ним проходила его молодость, его лета, его протекшие лета, о которых всегда плачет козак, желавший бы, чтобы вся жизнь его была молодость. Он думал о том, кого он встретит на Сечи из своих прежних сотоварищей. Он вычислял, какие уже перемерли, какие живут еще. Слеза тихо круглилась на его зенице, и поседевшая голова его уныло понурилась.

Сыновья его были заняты другими мыслями. Но нужно сказать поболее о сыновьях его. Они были отданы по двенадцатому году в Киевскую академию, потому что все почетные сановники тогдашнего времени считали необходимостью дать воспитание своим детям, хотя это делалось с тем, чтобы после совершенно позабыть его. Они тогда были, как все поступавшие в бурсу, дики, воспитаны на свободе, и там уже они обыкновенно несколько шлифовались и получали что-то общее, делавшее их похожими друг на друга. Старший, Остап, начал с того свое поприще, что в первый год еще бежал. Его возвратили, высекли страшно и засадили за книгу. Четыре раза закапывал он свой букварь в землю, и четыре раза, отодравши его бесчеловечно, покупали ему новый. Но, без сомнения, он повторил бы и в пятый, если бы отец не дал ему торжественного обещания продержат его в монастырских служках целые двадцать лет и не поклялся наперед, что он не увидит Запорожья вовеки, если не выучится в академии всем наукам. Любопытно, что это говорил тот же самый Тарас Бульба, который бранил всю ученость и советовал, как мы уже видели, детям вовсе не заниматься ею. С этого времени Остап начал с необыкновенным старанием сидеть за скучною книгою и скоро стал наряду с лучшими. <...> Остап считался всегда одним из лучших товарищей. Он редко предводительствовал другими в дерзких предприятиях — обобрать чужой сад или огород, но зато он был всегда одним из первых, приходивших под знамена предприимчивого бурсака, и никогда, ни в каком случае, не выдавал своих товарищей. Никакие плети и розги не могли заставить его это сделать. Он был суров к другим побуждениям, кроме войны и разгульной пирушки; по крайней мере, никогда почти о другом не думал. Он был прямодушен

¹ Рыцарскую.

² Смѹтно — здесь: печально.

с равными. Он имел доброту в таком виде, в каком она могла только существовать при таком характере и в тогдашнее время. Он душевно был тронут слезами бедной матери, и это одно только его смущало и заставляло задумчиво опустить голову.

Меньшой брат его, Андрий, имел чувства несколько живее и как-то более развитые. Он учился охотнее и без напряжения, с каким обыкновенно принимается тяжелый и сильный характер. Он был изобретательнее своего брата; чаще являлся предводителем довольно опасного предприятия и иногда с помощью изобретательного ума своего умел увертываться от наказания, тогда как брат его Остап, отложивши всякое попечение, скидал с себя свитку и ложился на пол, вовсе не думая просить о помиловании. Он также кипел жаждою подвига, но вместе с нею душа его была доступна и другим чувствам. Потребность любви вспыхнула в нем живо, когда он перешел за восемнадцать лет. Женщина чаще стала представляться горячим мечтам его; он, слушая философические диспуты, видел ее поминутно, свежую, черноокою, нежную. <...> В последние годы он реже являлся предводителем какой-нибудь ватаги, но чаще бродил один где-нибудь в уединенном закоулке Киева, потопленном в вишневых садах, среди низеньких домиков, заманчиво глядевших на улицу. Иногда он забирался и в улицу аристократов, в нынешнем старом Киеве, где жили малороссийские и польские дворяне и дома были выстроены с некоторою прихотливостию. Один раз, когда он зазевался, наехала почти на него колымага какого-то польского пана, и сидевший на козлах возница с пристрашными усами хлынул его довольно исправно бичом. Молодой бурсак вскипел: с безумною смелостию схватил он мощною рукою своею за заднее колесо и остановил колымагу. Но кучер, опасаясь разделки, ударил по лошадам, они рванули -- и Андрий, к счастью успевший отхватить руку, шлепнулся на землю, прямо лицом в грязь. Самый звонкий и гармонический¹ смех раздался над ним. Он поднял глаза и увидел стоявшую у окна красавицу, какой еще не видывал отроду: черноглазую и белую, как снег, озаренный утренним румянцем солнца. Она смеялась от всей души, и смех придавал сверкающую силу ее ослепительной красоте. Он оторопел. Он глядел на нее, совсем потерявшись, рассеянно обтирая с лица своего грязь, которою еще более замазывался. Кто бы была эта красавица? Он хотел было

узнать от дворни, которая толпою, в богатом убранстве, стояла за воротами, окружив игравшего молодого бандуриста. Но дворня подняла смех, увидевши его запачканную рожу, и не удостоила его ответом. Наконец он узнал, что это была дочь приехавшего на время ковенского воеводы. В следующую же ночь, с свойственною одним бурсакам дерзостью, он пролез чрез частокол в сад, взлез на дерево, которое раскидывалось ветвями на самую крышу дома; с дерева перелез он на крышу и через трубу камина пробрался прямо в спальню красавицы, которая в это время сидела перед свечою и вынимала из ушей своих дорогие серьги. Прекрасная полячка так испугалась, увидевши вдруг перед собою незнакомого человека, что не могла произнести ни одного слова; но когда заметила, что бурсак стоял, потупив глаза и не смея от робости пошевелить рукою, когда узнала в нем того же самого, который хлопнулся перед ее глазами на улице, смех вновь овладел ею. Притом в чертах Андрия ничего не было страшного: он был очень хорош собою. Она от души смеялась и долго забавлялась над ним. Красавица была ветрена, как полячка, но глаза ее, глаза чудесные, пронзительно-ясные, бросали взгляд долгий, как постоянство. Бурсак не мог пошевелить рукою и был связан, как в мешке, когда дочь воеводы смело подошла к нему, надела ему на голову свою блистательную диадему, повесила на губы ему серьги и накинула на него кисейную прозрачную шемизетку¹ с фестонами, вышитыми золотом. Она убирала его и делала с ним тысячу разных глупостей с развязностию дитяти, которою отличаются ветреные полячки и которая повергла бедного бурсака в еще большее смущение. Он представлял смешную фигуру, раскрывши рот и глядя неподвижно в ее ослепительные очи. Раздавшийся в это время у дверей стук испугал ее. Она велела ему спрятаться под кровать, и как только беспокойство прошло, она кликнула свою горничную, пленную татарку, и дала ей приказание осторожно вывести его в сад и оттуда отправить через забор. Но на этот раз бурсак наш не так счастливо перебрался через забор: проснувшийся сторож хватил его порядочно по ногам, и собравшаяся дворня долго колотила его уже на улице, покамест быстрые ноги не спасли его. После этого проходить возле дома было очень опасно, потому что дворня у воеводы была очень многочисленна. Он встретил ее еще раз в костеле: она заметила его и очень приятно усмехнулась, как давнему знакомому. Он видел

¹ *Гармонический* — здесь: благозвучный, красивый.

¹ *Шемизетка* (устар.) — женская кофта, блузка.

ее вскользь еще один раз, и после этого воевода ковенский скоро уехал, и вместо прекрасной черноглазой полячки выглядывало из окон какое-то толстое лицо. Вот о чем думал Андрий, повесив голову и потупив глаза в гриву коня своего.

А между тем степь уже давно приняла их всех в свои зеленые объятия, и высокая трава, обступивши, скрыла их, и только козачьи черные шапки одни мелькали между ее колосьями.

— Э, э, э! что же это вы, хлопцы, так притихли? — сказал наконец Бульба, очнувшись от своей задумчивости. — Как будто какие-нибудь чернецы¹! Ну, разом все думки к нечистому! Берите в зубы люльки², да закурим, да прищпорим коней, да полетим так, чтобы и птица не угналась за нами!

И козаки, принагнувшись к коням, пропали в траве. Уже и черных шапок нельзя было видеть; одна только струя сжимаемой травы показывала след их быстрого бега.

Солнце выглянуло давно на расчищенном небе и живительным, теплотворным светом своим облило степь. Все, что смутно и сонно было на душе у козаков, вмиг слетело; сердца их встрепенулись, как птицы.

Степь чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, все то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Черного моря, было зеленою, девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытоптывали их. Ничего в природе не могло быть лучше. Вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки³; желтый дрок выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесенный бог знает откуда колос пшеницы наливался в гуще. Под тонкими их корнями шныряли куропатки, вытянув свои шеи. Воздух был наполнен тысячею разных птичьих свистов. В небе неподвижно стояли ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался бог весть в каком дальнем озере. Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно

купалась в синих волнах воздуха. Вон она пропала в вышине и только мелькает одною черною точкою. Вон она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем... Черт вас возьми, степи, как вы хороши!..

Наши путешественники останавливались только на несколько минут для обеда, причем ехавший с ними отряд из десяти козаков слезал с лошадей, отвязывал деревянные баклажки с горелкою и тыквы, употребляемые вместо сосудов. Ели только хлеб с салом или коржи, пили только по одной чарке, единственно для подкрепления, потому что Тарас Бульба не позволял никогда напиваться в дороге, и продолжали путь до вечера. Вечером вся степь совершенно переменялась. Все пестрое пространство ее охватывалось последним ярким отблеском солнца и постепенно темнело, так что видно было, как тень перебегала по нем, и она становилась темно-зеленою; испарения подымались гуще, каждый цветок, каждая травка испускала амбру¹, и вся степь курилась благовонием. По небу, изголуба-темному, как будто исполинскою кистью наляпаны были широкие полосы из розового золота; изредка белели клоками легкие и прозрачные облака, и самый свежий, обольстительный, как морские волны, ветерок едва колыхался по верхушкам травы и чуть дотрагивался до щек. Вся музыка, звучавшая днем, утихала и сменялась другою. Пестрые суслики выпалзывают из нор своих, становятся на задние лапки и оглашали степь свистом. Трещание кузнечиков становилось слышнее. Иногда слышался из какого-нибудь уединенного озера крик лебедя и, как серебро, отдавался в воздухе. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлег, раскладывали огонь и ставили на него котел, в котором варили себе кулиш²; пар отделялся и косвенно дымился на воздухе. Поужинав, козаки ложились спать, пустивши по траве спутанных коней своих. Они раскидывались на свитках. На них прямо глядели ночные звезды. Они слышали своим ухом весь бесчисленный мир насекомых, наполнявших траву, весь их треск, свист, стрекотанье, — все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось в свежем воздухе и убаюкивало дремлющий слух. Если же кто-нибудь из них подымался и вставал на время, то ему представлялась степь усеянную блестящими искрами светящихся червей. Иногда ночное небо в разных местах освещалось дальним заревом от выжигаемого по лугам и рекам

¹ Черне́ц — монах.

² Лю́лька — здесь: трубка для курения.

³ Во́лошки — васильки.

¹ Амбра — здесь: аромат, приятный запах.

² Кули́ш — каша с салом.

сухого тростника, и темная вереница лебедей, летевших на север, вдруг освещалась серебряно-розовым светом, и тогда казалось, что красные платки летали по темному небу.

Путешественники ехали без всяких приключений. Нигде не попадались им деревья, все та же бесконечная, вольная, прекрасная степь. По временам только в стороне синели верхушки отдаленного леса, тянувшегося по берегам Днепра. Один только раз Тарас указал сыновьям на маленькую, черневшую в дальней траве точку, сказавши: «Смотрите, детки, вон скачет татарин!» Маленькая головка с усами уставила издали прямо на них узенькие глаза свои, понюхала воздух, как гончая собака, и, как серна, пропала, увидевши, что козачков было тринадцать человек. «А ну, дети, попробуйте догнать татарина!.. И не пробуйте — вовеки не поймаете: у него конь быстрее моего Черта». Однако ж Бульба взял предосторожность, опасаясь где-нибудь скрывшейся засады. Они прискакали к небольшой речке, называвшейся Татаркою, впадающей в Днепр, кинулись в воду с конями своими и долго плыли по ней, чтобы скрыть след свой, и тогда уже, выбравшись на берег, они продолжали далее путь.

Чрез три дни после этого они были уже недалеко от места, бывшего предметом их поездки. В воздухе вдруг заглохло; они почувствовали близость Днепра. Вот он сверкает вдаль и темною полосой отделился от горизонта. Он веял холодными волнами и расстилался ближе, ближе и, наконец, обхватил половину всей поверхности земли. Это было то место Днепра, где он, дотоле спертый порогами, брал наконец свое и шумел, как море, разлившись по воле; где брошенные в средину его острова вытесняли его еще далее из берегов и волны его стлались широко по земле, не встречая ни утесов, ни возвышений. Козаки сошли с коней своих, взойли на паром и чрез три часа плавания были уже у берегов острова Хортицы, где была тогда Сечь, так часто переменявшая свое жилище.

Куча народу бранилась на берегу с перевозчиками. Козаки оправили коней. Тарас приосанился, стянул на себе покрепче пояс и гордо провел рукою по усам. Молодые сыны его тоже осмотрели себя с ног до головы с каким-то страхом и неопределенным удовольствием, — и все вместе въехали в предместье, находившееся за полверсты от Сечи. При въезде их оглушили пятьдесят кузнечных молотов, ударявших в двадцати пяти кузницах, покрытых дерном и вырытых в земле. Сильные кожевники сидели под навесом крылец на улице и мяти своими дюжими руками бычачьи кожи. Крамари под

ятками¹ сидели с кучами кремней, огнивами и порохом. Армянин развесил дорогие платки. Татарин ворочал на рожнях бараньи катки² с тестом. Жид, выставив вперед свою голову, цедил из бочки горелку. Но первый, кто попался им навстречу, это был запорожец, спавший на самой середине дороги, раскинув руки и ноги. Тарас Бульба не мог не остановиться и не полюбоваться на него.

— Эх, как важно развернулся! Фу ты, какая пышная фигура! — говорил он, остановивши коня.

В самом деле, это была картина довольно смелая: запорожец как лев растянулся на дороге. Закинутый гордо чуб его захватывал на пол-аршина земли. Шаровары алого дорогого сукна были запачканы дегтем для показания полного к ним презрения. Полюбовавшись, Бульба пробирался далее по тесной улице, которая была загромождена мастеровыми, тут же отправлявшими ремесло свое, и людьми всех наций, наполнявшими это предместье Сечи, которое было похоже на ярмарку и которое одевало и кормило Сечь, умевшую только гулять да палить из ружей.

Наконец они миновали предместье и увидели несколько разбросанных куреней, покрытых дерном или, по-татарски, войлоком. Иные уставлены были пушками. Нигде не видно было забора или тех низеньких домиков с навесами на низеньких деревянных столбиках, какие были в предместье. Небольшой вал и засека, не хранимые решительно никем, показывали страшную беспечность. Несколько дюжих запорожцев, лежавших с трубками в зубах на самой дороге, посмотрели на них довольно равнодушно и не сдвинулись с места. Тарас осторожно проехал с сыновьями между них, сказавши: «Здравствуйте, панове!» — «Здравствуйте и вы!» — отвечали запорожцы. Везде, по всему полю, живописными кучами пестрел народ. По смуглым лицам видно было, что все они были закалены в битвах, испробовали всяких невзгод. Так вот она, Сечь! Вот то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы! Вот откуда разливается воля и козачество на всю Украину!

Путники выехали на обширную площадь, где обыкновенно собиралась рада. На большой опрокинутой бочке сидел запорожец без рубашки: он держал в руках ее и медленно

¹ Крамарі под ятками — торговцы под навесами.

² Ворочал на рожнях бараньи катки — жарил на вертелах куски баранины в тесте.

зашивал на ней дыры. Им опять перегородила дорогу целая толпа музыкантов, в середине которых отплясывал молодой запорожец, заломивши шапку чертом и вскинув руки. Он кричал только: «Живее играйте, музыканты! Не жалея, Фома, горелки православным христианам!» И Фома, с подбитым глазом, мерял без счета каждому пристававшему по огромнейшей кружке. Около молодого запорожца четверо старых выработывали довольно мелко ногами, вскидывались, как вихорь, на сторону, почти на голову музыкантам, и, вдруг опустившись, неслись вприсядку и били круто и крепко своими серебряными подковами плотно убитую землю. Земля глухо гудела на всю округу, и в воздухе далече отдавались гопак и тропак, выбиваемые звонкими подковами сапогов. Но один всех живее вскрикивал и летел вслед за другими в танце. Чуприна развевалась по ветру, вся открыта была сильная грудь; теплый зимний кожух был надет в рукава, и пот градом лил с него, как из ведра. «Да сними хоть кожух! — сказал наконец Тарас. — Видишь, как парит!» — «Не можно!» — кричал запорожец. «Отчего?» — «Не можно; у меня уж такой нрав: что скину, то пропью». А шапки уж давно не было на молодце, ни пояса на кафтане, ни шитого платка; все пошло куда следует. Толпа росла; к танцующим приставали другие, и нельзя было видеть без внутреннего движения, как все отдирало танец самый вольный, самый бешеный, какой только видел когда-либо свет и который, по своим мощным изобретателям, назван козачком.

— Ох, если бы не конь! — вскрикнул Тарас, — пустился бы, право, пустился бы сам в танец!

А между тем в народе стали попадаться и степенные, уважаемые по заслугам всею Сечью, седые, старые чубы, бывавшие не раз старшинами. Тарас скоро встретил множество знакомых лиц. <...>

III

Уже около недели Тарас Бульба жил с сыновьями своими на Сечи. Остап и Андрий мало занимались военной школой. Сечь не любила затруднять себя военными упражнениями и терять время; юношество воспитывалось и образовывалось в ней одним опытом, в самом пылу битв, которые оттого были почти непрерывны. Промежутки козаки почитали скучным занятием изучением какой-нибудь дисциплины, кроме разве стрельбы в цель да изредка конной скачки и гоньбы за зверем

в степях и лугах; все прочее время отдавалось гульбе — признаку широкого размета душевной воли. Вся Сечь представляла необыкновенное явление. Это было какое-то непрерывное пиршество, бал, начавшийся шумно и потерявший конец свой. Некоторые занимались ремеслами, иные держали лавочки и торговали; но большая часть гуляла с утра до вечера, если в карманах звучала возможность и добытое добро не перешло еще в руки торгашей и шинкарей¹. <...>

Остапу и Андрию казалось чрезвычайно странным, что при них же приходила на Сечь гибель народа, и хоть бы кто-нибудь спросил: откуда эти люди, кто они и как их зовут. Они приходили сюда, как будто бы возвращаясь в свой собственный дом, из которого только за час пред тем вышли. Пришедший являлся только к кошевому, который обыкновенно говорил:

— Здравствуй! Что, во Христа веруешь?

— Верую! — отвечал приходивший.

— И в Троицу Святую веруешь?

— Верую!

— И в церковь ходишь?

— Хожу!

— А ну, перекрестись!

Пришедший крестился.

— Ну, хорошо, — отвечал кошевой, — ступай же в который сам знаешь курень.

Этим оканчивалась вся церемония. И вся Сечь молилась в одной церкви и готова была защищать ее до последней капли крови, хотя и слышать не хотела о посте и воздержании. <...>

Остап и Андрий кинулись со всею пылкостью юношей в это разгульное море и забыли вмиг и отцовский дом, и бурсу, и все, что волновало прежде душу, и предались новой жизни. Все занимало их: разгульные обычаи Сечи и немногосложная управа и законы, которые казались им иногда даже слишком строгими среди такой своевольной республики. Если козак провинился, украл какую-нибудь безделицу, это считалось уже поношением всему козачеству: его, как бесчестного, привязывали к позорному столбу и клали возле него дубину, которою всякий проходящий обязан был нанести ему удар, пока таким образом не забивали его насмерть. Не платившего должника приковывали цепью к пушке, где должен был он сидеть до тех пор, пока кто-нибудь из товарищей не решался его выкупить и заплатить за него долг. Но более всего произвела

¹ Шинкарь — хозяин кабака, шинка.

впечатленья на Андрия страшная казнь, определенная за смертоубийство. Тут же, при нем, вырыли яму, опустили туда живого убийцу и сверх него поставили гроб, заключавший тело им убиенного, и потом обоих засыпали землею. Долго потом все чудился ему страшный обряд казни и все представлялся этот заживо засыпанный человек вместе с ужасным гробом.

Скоро оба молодые козака стали на хорошем счету у козакков. Часто вместе с другими товарищами своего куреня, а иногда со всем куренем и с соседними куренями выступали они в степи для стрельбы несметного числа всех возможных степных птиц, оленей и коз или же выходили на озера, реки и протоки, отведенные по жребию каждому куреню, закидывать невода, сети и тащить богатые тони на продовольствие всего куреня. Хотя и не было тут науки, на которой пробуется козак, но они стали уже заметны между другими молодыми прямою удалью и удачливостью во всем. Бойко и метко стреляли в цель, переплывали Днепр против течения — дело, за которое новичок принимался торжественно в козацкие круги.

Но старый Тарас готовил другую им деятельность. Ему не по душе была такая праздная жизнь — настоящего дела хотел он. Он все придумывал, как бы поднять Сечь на отважное предприятие, где бы можно было разгуляться как следует рыцарю. <...>

IV

<...> Тарас Бульба уже совещался с новым кошевым, как поднять запорожцев на какое-нибудь дело. Кошевой был умный и хитрый козак, знал вдоль и поперек запорожцев и сначала сказал: «Не можно клятвы преступить, никак не можно». А потом, помолчавши, прибавил: «Ничего, можно; клятвы мы не преступим, а так кое-что придумаем. Пусть только соберется народ, да не то чтобы по моему приказу, а просто своею охотою. Вы уж знаете, как это сделать. А мы с старшинами тотчас и прибежим на площадь, будто бы ничего не знаем».

Не прошло часу после их разговора, как уже грянули в литавры¹. Нашлись вдруг и хмельные и неразумные козаки. Миллион козацких шапок высыпал вдруг на площадь. Поднялся говор: «Кто?.. Зачем?.. Из-за какого дела пробили сбор?» Никто

не отвечал. Наконец в том и в другом углу стало раздаваться: «Вот пропадает даром козацкая сила: нет войны!.. Вот старшины забайбачились наповал, позаплыли жиром очи!.. Нет, видно, правды на свете!» Другие козаки слушали сначала, а потом и сами стали говорить: «А и вправду нет никакой правды на свете!» Старшины казались изумленными от таких речей. <...>

В это время большой паром начал причаливать к берегу. Стоявшая на нем толпа людей еще издали махала руками. Это были козаки в оборванных свитках. Беспорядочный наряд — у многих ничего не было, кроме рубашки и коротенькой трубки в зубах, — показывал, что они или только что избегнули какой-нибудь беды, или же до того загулялись, что прогуляли все, что ни было на теле. Из среды их отделился и стал впереди приземистый, плечистый козак, человек лет пятидесяти. Он кричал и махал рукою сильнее всех, но за стуком и криками рабочих не было слышно его слов.

— А с чем приехали? — спросил кошевой, когда паром приворотил к берегу.

Все рабочие, остановив свои работы и подняв топоры и долота, смотрели в ожидании.

— С бедою! — кричал с парома приземистый козак.

— С какою?

— Позвольте, панове запорожцы, речь держать?

— Говори!

— Или хотите, может быть, собрать раду?

— Говори, мы все тут.

Народ весь стеснился в одну кучу.

— А вы разве ничего не слышали о том, что делается на гетьманщине¹?

— А что? — произнес один из куренных атаманов.

— Э! что? Видно, вам татарин заткнул клейтухом² уши, что вы ничего не слышали.

— Говори же, что там делается?

— А то делается, что и родились и крестились, еще не видали такого.

— Да говори нам, что делается, собачий сын! — закричал один из толпы, как видно, потеряв терпение.

— Такая пора теперь завелась, что уже церкви святые теперь не наши.

¹ Гетьманщина (гётманщина) — область, управляемая верховным правителем, гетманом.

² Клейтух — пыж, комок войлока, пеньки или шерсти.

¹ Литавры — ударный музыкальный инструмент.

— Как не наши?

— Теперь у жидов они на аренде. Если жиду вперед не заплатишь, то и обедни нельзя править.

— Что ты толкуешь?

— И если рассобачий жид не положит значка нечистою своею рукою на святой пасхе, то и святить пасхи нельзя. <...>

— Стой, стой! — прервал кошевой, дотоле стоявший, потупив глаза в землю, как и все запорожцы, которые в важных делах никогда не отдавались первому порыву. <...> — Стой! и я скажу слово. А что ж вы — так бы и этак поколотил черт вашего батька! — что ж вы делали сами? Разве у вас сабель не было, что ли? Как же вы пустили такому беззаконию?

— Э, как пустили такому беззаконию! А попробовали бы вы, когда пятьдесят тысяч было одних ляхов! да и — нечего греха таить — были тоже собаки и между нашими, уж приняли их веру.

— А гетьман ваш, а полковники что делали?

— Наделали полковники таких дел, что не приведи бог и нам никому.

— Как?

— А так, что уж теперь гетьман, зажаренный в медном быке, лежит в Варшаве, а полковничьи руки и головы развозят по ярмаркам напоказ всему народу. Вот что наделали полковники!

Всколебалась вся толпа. Сначала пронеслось по всему берегу молчание, подобное тому, как бывает перед свирепой бурей, а потом вдруг поднялись речи, и весь заговорил берег. <...>

— Перевешать всю жидову! — раздалось из толпы. — Пусть же не шьют из поповских риз юбок своим жидовкам! Пусть же не ставят значков на святых пасхах! Перетопить их всех, поганцев, в Днепре!

Слова эти, произнесенные кем-то из толпы, пролетели молнией по всем головам, и толпа ринулась на предместье с желанием перерезать всех жидов.

Бедные сыны Израиля, растерявши все присутствие своего и без того мелкого духа, прятались в пустых горелочных бочках, в печках и даже заползвали под юбки своих жидовок; но козаки везде их находили.

— Ясновельможные паны! — кричал один, высокий и длинный, как палка, жид, высунувши из кучи своих товарищей жалкую свою рожу, исковерканную страхом. — Ясновельможные паны! Слово только дайте нам сказать, одно слово! Мы такое объявим вам, чего еще никогда не слышали, такое важное, что не можно сказать, какое важное!

— Ну, пусть скажут, — сказал Бульба, который всегда любил выслушать обвиняемого.

— Ясные паны! — произнес жид. — Таких панов еще никогда не видывано. Ей-богу, никогда! Таких добрых, хороших и храбрых не было еще на свете!.. — Голос его замирал и дрожал от страха. — Как можно, чтобы мы думали про запорожцев что-нибудь нехорошее! Те совсем не наши, те, что арендаторствуют на Украине! Ей-богу, не наши! То совсем не жида: то черт знает что. То такое, что только поплевать на него, да и бросить! <...>

— Мы никогда еще, — продолжал длинный жид, — не снюхивались с неприятелями. А католиков мы и знать не хотим: пусть им черт приснится! Мы с запорожцами, как братья родные...

— Как? чтобы запорожцы были с вами братья? — произнес один из толпы. — Не дождетесь, проклятые жида! В Днепр их, панове! Всех потопить, поганцев!

Эти слова были сигналом. Жидов расхватили по рукам и начали швырять в волны. Жалобный крик раздался со всех сторон, но суровые запорожцы только смеялись, видя, как жидовские ноги в башмаках и чулках болтались на воздухе. Бедный оратор, накликавший сам на свою шею беду, выскочил из кафтана, за который было его ухватили, в одном пегом и узком камзоле, схватил за ноги Бульбу и жалким голосом молил:

— Великий господин, ясновельможный пан! я знал и брата вашего, покойного Дороша! Был воин на украшение всему рыцарству. Я ему восемьсот цехинов дал, когда нужно было выкупиться из плена у турка.

— Ты знал брата? — спросил Тарас.

— Ей-богу, знал! Великодушный был пан.

— А как тебя зовут?

— Янкель.

— Хорошо, — сказал Тарас и потом, подумав, обратился к козакам и проговорил так: — Жида будет всегда время повесить, когда будет нужно, а на сегодня отдайте его мне. — Сказавши это, Тарас повел его к своему обозу, возле которого стояли козаки его. — Ну, полезай под телегу, лежи там и не пошевелись; а вы, братцы, не выпускайте жида.

Сказавши это, он отправился на площадь, потому что давно уже собиралась туда вся толпа. Все бросили вмиг берег и снарядку челнов, ибо предстоял теперь сухопутный, а не морской поход, и не суда да козацкие чайки — понадобились телеги и кони. <...>

Вся Сечь отрезвилась, и нигде нельзя было сыскать ни одного пьяного, как будто бы их не было никогда между козаками... Те исправляли ободья колес и переменили оси в телегах; те сносили на возы мешки с провиантом, на другие валили оружие; те пригоняли коней и волов. Со всех сторон раздавались топот коней, пробная стрельба из ружей, бряканье саблей, бычачье мычанье, скрип поворачиваемых возов, говор и яркий крик и понуканье — и скоро далеко-далеко вытянулся козачий табор по всему полю. И много досталось бы бежать тому, кто бы захотел пробежать от головы до хвоста его. В деревянной небольшой церкви служил священник молебен, окропил всех святою водою; все целовали крест. Когда тронулся табор и потянулся из Сечи, все запорожцы обратили головы назад.

— Прощай, наша мать! — сказали они почти в одно слово, — пусть же тебя хранит Бог от всякого несчастья! <...>

V

Скоро весь польский юго-запад сделался добычею страха. Всюду пронесли слухи: «Запорожцы!.. показались запорожцы!..» Все, что могло спастись, спасалось. Все подымалось и разбегалось, по обычаю этого нестройного, беспечного века, когда не воздвигали ни крепостей, ни замков, а как попало становил на время соломенное жилище свое человек. Он думал: «Не тратить же на избу работу и деньги, когда и без того будет она снесена татарским набегом!» <...> Пожары охватывали деревни; скот и лошади, которые не угонялись за войском, были избиваемы тут же на месте. Казалось, больше пировали они, чем совершали поход свой. Дыбом стал бы ныне волос от тех страшных знаков свирепства полудикого века, которые пронесли везде запорожцы. <...>

Тарасу любо было видеть, как оба сына его были одни из первых. Остапу, казалось, был на роду написан битвенный путь и трудное знание вершить ратные дела. Ни разу не растерявшись и не смутившись ни от какого случая, с хладнокровием, почти неестественным для двадцатидвухлетнего, он в один миг мог вымерять всю опасность и все положение дела, тут же мог найти средство, как уклониться от нее, но уклониться с тем, чтобы потом верней преодолеть ее. Уже испытанной уверенностью стали теперь означаться его движения, и в них не могли не быть заметны наклонности будущего вождя. Крепостью дышало его тело, и рыцарские его качества уже приобрели широкую силу льва.

— О! да этот будет со временем добрый полковник! — говорил старый Тарас. — Ей-ей, будет добрый полковник, да еще такой, что и батька за пояс заткнет!

Андрей весь погрузился в очаровательную музыку пуль и мечей. Он не знал, что такое значит обдумывать, или рассчитывать, или измерять заранее свои и чужие силы. Бешеную негу и упоенье он видел в битве: что-то пиршественное зрелось ему в те минуты, когда разгорится у человека голова, в глазах все мелькает и мешается, — летят головы, с громом падают на землю кони, а он несется, как пьяный, в свисте пуль в сабельном блеске, и наносит всем удары, и не слышит нанесенных. Не раз дивился отец также и Андрию, видя, как он, понуждаемый одним только запальчивым увлечением, устремлялся на то, на что бы никогда не отважился хладнокровный и разумный, и одним бешеным натиском своим производил такие чудеса, которым не могли не изумиться старые в боях. Дивился старый Тарас и говорил:

— И это добрый — враг бы не взял его! — вояка! не Остап, а добрый, добрый также вояка!

Войско решилось идти прямо на город Дубно, где, носились слухи, было много казны и богатых обывателей. В полтора дня поход был сделан, и запорожцы показались перед городом. Жители решились защищаться до последних сил и крайности и лучше хотели умереть на площадях и улицах перед своими порогами, чем пустить неприятеля в дома. <...>

Запорожцы, протянув вокруг всего города в два ряда свои телеги, расположились так же, как и на Сечи, куренями, курили свои люльки, менялись добытым оружием, играли в чехарду, в чет и нечет и посматривали с убийственным хладнокровием на город. Ночью зажигались костры. Кашевары варили в каждом курене кашу в огромных медных казанах. У горевших всю ночь огней стояла бессонная стража. Но скоро запорожцы начали понемногу скучать бездействием и продолжительною трезвостью, не сопряженною ни с каким делом. Кошевой велел удвоить даже порцию вина, что иногда водилось в войске, если не было трудных подвигов и движений. Молодым, и особенно сынам Тараса Бульбы, не нравилась такая жизнь. Андрей заметно скучал.

— Неразумная голова, — говорил ему Тарас. — Терпи, козак, — атаман будешь! Не тот еще добрый воин, кто не потерял духа в важном деле, а тот добрый воин, кто и на безделье не соскучит, кто все вытерпит, и хоть ты ему что хочь, а он все-таки поставит на своем.

Но не сойтись пылкому юноше с старцем. Другая натура у обоих, и другими очами глядят они на то же дело.

А между тем подоспел Тарасов полк, приведенный Товкачем; с ним было еще два есаула, писарь и другие полковые чины; всех козакон набралось больше четырех тысяч. Было между ними немало и охочекомонных¹, которые сами поднялись, своею волею, без всякого призыва, как только услышали, в чем дело. Есаулы привезли сыновьям Тараса благословенье от старухи матери и каждому по кипарисному образу из Межигорского киевского монастыря. Надели на себя святые образа оба брата и невольно задумались, припомнив старую мать. Что-то пророчит им и говорит это благословенье? Благословенье ли на победу над врагом и потом веселый возврат на отчизну с добычей и славой, на вечные песни бандуристам, или же?.. Но неизвестно будущее, и стоит оно пред человеком подобно осеннему туману, поднявшемуся из болот. Безумно летают в нем вверх и вниз, черкая крыльями, птицы, не распознавая в очи друг друга, голубка — не видя ястреба, ястреб — не видя голубки, и никто не знает, как далеко летает он от своей гибели...

Остап уже занялся своим делом и давно отошел к куреням. Андрий же, сам не зная отчего, чувствовал какую-то духоту на сердце. Уже козаки окончили свою вечерю, вечер давно потухнул; июльская чудная ночь обняла воздух; но он не отходил к куреням, не ложился спать и глядел невольно на всю бывшую пред ним картину. На небе бесчисленно мелькали тонким и острым блеском звезды. Поле далеко было занято раскиданными по нем возами с висячими мазницами², облитыми дегтем, со всяким добром и провиантом, набранным у врага. Возле телег, под телегами и подале от телег — везде были видны разметавшиеся на траве запорожцы. Все они спали в картинных положениях: кто подмостив себе под голову куль, кто шапку, кто употребивши просто бок своего товарища. Сабля, ружье-самопал, короткочубучная трубка с медными бляхами, железными провертками и огнивом были неотлучно при каждом козаке. Тяжелые волы лежали, подвернувши под себя ноги, большими беловатыми массаами и казались издали серыми камнями, раскиданными по отлогостям поля. Со всех сторон из травы уже стал подыматься густой храп спящего воинства, на который отзывались с поля звонкими ржаннями

жеребцы, негодующие на свои спутанные ноги. А между тем что-то величественное и грозное примешалось к красоте июльской ночи. Это были зарева вдали догоравших окрестностей. В одном месте пламя спокойно и величественно стлалось по небу; в другом, встретив что-то горячее и вдруг вырвавшись вихрем, оно свистело и летело вверх, под самые звезды, и оторванные охлопья его гаснули под самыми дальними небесами. <...> Над огнем вились вдали птицы, казавшиеся кучею темных мелких крестиков на огненном поле. Обложенный город, казалось, уснул. Шпицы, и кровли, и частокон, и стены его тихо вспыхивали отблесками отдаленных пожарищ. Андрий обошел козацкие ряды. Костры, у которых сидели сторожа, готовились ежеминутно погаснуть, и самые сторожа спали, перекусивши саламаты и галушек во весь козацкий аппетит. Он подивился немного такой беспечности, подумавши: «Хорошо, что нет близко никакого сильного неприятеля и некого опасаться». Наконец и сам подошел он к одному из возов, взлез на него и лег на спину, подложивши себе под голову сложенные назад руки; но не мог заснуть и долго глядел на небо. Оно все было открыто пред ним; чисто и прозрачно было в воздухе. Густина звезд, составлявшая Млечный Путь, поясом переходившая по небу, вся была залита светом. Временами Андрий как будто позабывался, и какой-то легкий туман дремоты заслонял на миг пред ним небо, и потом оно опять очищалось и вновь становилось видно.

В это время, показалось ему, мелькнул пред ним какой-то странный образ человеческого лица. Думая, что это было простое обаяние сна, которое сейчас же рассеется, он открыл больше глаза свои и увидел, что к нему точно наклонилось какое-то изможденное, высохшее лицо и смотрело прямо ему в очи. Длинные и черные, как уголь, волосы, неприбранные, растрепанные, лезли из-под темного, наброшенного на голову покрывала. И странный блеск взгляда, и мертвенная смуглота лица, выступавшего резкими чертами, заставили бы скорее подумать, что это был призрак. Он схватился невольно рукой за пищаль¹ и произнес почти судорожно:

— Кто ты? Коли дух нечистый, сгинь с глаз; коли живой человек, не в пору завел шутку, — убью с одного прицела!

В ответ на это привидение приставило палец к губам и, казалось, молило о молчании. Он опустил руку и стал вглядываться в него внимательней. По длинным волосам, шее и полу-

¹ Охочекомонные козаки — добровольные козаки.

² Мазница — ведро для дегтя.

¹ Пищаль — старинное тяжелое ружье.

обнаженной смуглой груди распознал он женщину. Но она была не здешняя уроженка. Все лицо было смугло, изнурено недугом; широкие скулы выступали сильно над опавшими под ними щеками; узкие очи подымались дугообразным разрезом кверху, и чем более он всматривался в черты ее, тем более находил в них что-то знакомое. Наконец он не вытерпел и спросил:

— Скажи, кто ты? Мне кажется, как будто я знал тебя или видел где-нибудь?

— Два года назад тому в Киеве.

— Два года назад... в Киеве... — повторил Андрий, стараясь перебрать все, что уцелело в его памяти от прежней бурсацкой жизни. Он посмотрел еще раз на нее пристально и вдруг вскрикнул во весь голос:

— Ты — татарка! служанка панночки, воеводиной дочки!..

— Чшш! — произнесла татарка, сложив с умоляющим видом руки, дрожа всем телом и оборотя в то же время голову назад, чтобы видеть, не проснулся ли кто-нибудь от такого сильного вскрика, произведенного Андрием.

— Скажи, скажи, отчего, как ты здесь? — говорил Андрий, почти задыхаясь, шепотом, прерывавшимся всякую минуту от внутреннего волнения. — Где панночка? жива ли еще она?

— Она тут, в городе.

— В городе? — произнес он, едва опять не вскрикнувши, и почувствовал, что вся кровь вдруг прихлынула к сердцу. — Отчего ж она в городе?

— Оттого, что сам старый пан в городе. Он уже полтора года как сидит воеводой в Дубне.

— Что ж, она замужем? Да говори же, какая ты странная! что она теперь?..

— Она другой день ничего не ела.

— Как?..

— Ни у кого из городских жителей нет уже давно куска хлеба, все давно едят одну землю.

Андрий остолбенел.

— Панночка видала тебя с городского валу вместе с запорожцами. Она сказала мне: «Ступай скажи рыцарю: если он помнит меня, чтобы пришел ко мне; а не помнит — чтобы дал тебе кусок хлеба для старухи, моей матери, потому что я не хочу видеть, как при мне умрет мать. Пусть лучше я прежде, а она после меня. Проси и хватай его за колени и ноги. У него также есть старая мать, — чтоб ради ее дал хлеба!»

Много всяких чувств пробудилось и вспыхнуло в молодой груди козака.

— Но как же ты здесь? Как ты пришла?

— Подземным ходом.

— Разве есть подземный ход?

— Есть.

— Где?

— Ты не выдашь, рыцарь?

— Клянусь крестом святым!

— Спустишься в яр и перейдя проток, там, где тростник.

— И выходит в самый город?

— Прямо к городскому монастырю.

— Идем, идем сейчас!

— Но, ради Христа и святой Марии, кусок хлеба!

— Хорошо, будет. Стой здесь, возле воза, или, лучше, ложись на него: тебя никто не увидит, все спят; я сейчас ворочусь.

И он отошел к возам, где хранились запасы, принадлежавшие их куреню. Сердце его билось. <...>

Он шел, а биение сердца становилось сильнее, сильнее при одной мысли, что увидит ее опять, и дрожали молодые колени. Пришедши к возам, он совершенно позабыл, зачем пришел: поднес руку ко лбу и долго тер его, стараясь припомнить, что ему нужно делать. Наконец вздрогнул, весь исполнился испуга: ему вдруг пришло на мысль, что она умирает от голода. Он бросился к возу и схватил несколько больших черных хлебов себе под руку, но подумал тут же, не будет ли эта пища, годная для дюжего, неприхотливого запорожца, груба и неприлична ее нежному сложению. Тут вспомнил он, что вчера кошевой попрекал кашеваров за то, что сварили за один раз всю гречневую муку на саламату, тогда как бы ее стало на добрых три раза. В полной уверенности, что он найдет вдоволь саламаты в казанах¹, он вытащил отцовский походный казанок и с ним отправился к кашевару их куреня, спавшему у двух десятиведерных казанов, под которыми еще теплилась зола. Заглянувши в них, он изумился, видя, что оба пусты. Нужно было нечеловеческих сил, чтобы все это съесть, тем более что в их курене считалось меньше людей, чем в других. Он заглянул в казаны других куреней — нигде ничего. Поневолe пришла ему в голову поговорка: «Запорожцы как дети: коли мало — съедят, коли много — тоже ничего не оставят». Что делать? Был, однако же, где-то, кажется, на возу отцовского полка, мешок с белым хлебом, который нашли, ограбивши

¹ Казан — котел.

монастырскую пекарню. Он прямо подошел к отцовскому возу, но на возу уже его не было: Остап взял его себе под головы и, растянувшись возле на земле, храпел на все поле. Андрий схватил мешок одной рукой и дернул его вдруг так, что голова Остапа упала на землю, а он сам вскочил впросонках и, сидя с закрытыми глазами, закричал что было мочи: «Держите, держите чертова ляха! да ловите коня, коня ловите!» — «Замолчи, я тебя убью!» — закричал в испуге Андрий, замахнувшись на него мешком. Но Остап и без того уже не продолжал речи, присмирел и пустил такой храп, что от дыхания шевелилась трава, на которой он лежал. Андрий робко оглянулся на все стороны, чтобы узнать, не пробудил ли кого-нибудь из козаков сонный бред Остапа. Одна чубатая голова, точно, приподнялась в ближнем курене и, поведя очами, скоро опустилась опять на землю. Переждав минуты две, он наконец отправился с своею ношею. Татарка лежала, едва дыша.

— Вставай, идем! Все спят, не бойся! Подымешь ли ты хоть один из этих хлебов, если мне будет несподручно захватить все?

Сказав это, он взвалил себе на спину мешки, стащил, проходя мимо одного воза, еще один мешок с просом, взял даже в руки те хлеба, которые хотел было отдать нести татарке, и, несколько понагнувшись под тяжестью, шел отважно между рядами спавших запорожцев.

— Андрий! — сказал старый Бульба в то время, когда он проходил мимо его.

Сердце его замерло. Он остановился и, весь дрожа, тихо произнес:

— А что?

— С тобою баба! Ей, отдеру тебя, вставши, на все бока! Не доведут тебя бабы к добру! — Сказавши это, он оперся головою на локоть и стал пристально рассматривать закутанную в покрывало татарку.

Андрий стоял ни жив ни мертв, не имея духа взглянуть в лицо отцу. И потом, когда поднял глаза и посмотрел на него, увидел, что уже старый Бульба спал, положив голову на ладонь.

Он перекрестился. Вдруг отхлынул от сердца испуг еще скорее, чем прихлынул. Когда же поворотился он, чтобы взглянуть на татарку, она стояла пред ним, подобно темной гранитной статуе, вся закутанная в покрывало, и отблеск отдаленного зарева, вспыхнув, озарил только одни ее очи, помутившиеся, как у мертвеца. Он дернул за рукав ее, и оба

пошли вместе, беспрестанно оглядываясь назад, и наконец опустились отлогостью в низменную ложину — почти яр, называемый в некоторых местах балками, — по дну которой лениво пресмыкался проток, поросший осокой и усеянный кочками. Опустясь в сию ложину, они скрылись совершенно из виду всего поля, занятого запорожским табором. <...> По небольшому бревну перебрались они через проток, за которым возносился противоположный берег, казавшийся выше бывшего у них назади и выступавший совершенным обрывом. Казалось, в этом месте был крепкий и надежный сам собою пункт городской крепости; по крайней мере, земляной вал был тут ниже и не выглядывал из-за него гарнизон. Но зато подальше подымалась толстая монастырская стена. <...> Здесь татарка скинула с себя черевики и пошла босиком, подобрав осторожно свое платье, потому что место было топко и наполнено водою. Пробираясь меж тростников, остановились они перед наваленным хворостом и фашинником¹. Отклонив хворост, нашли они род земляного свода — отверстие, мало чем большее отверстия, бывающего в хлебной печи. Татарка, наклонив голову, вошла первая; вслед за нею Андрий, нагнувшись сколько можно ниже, чтобы можно было пробраться с своими мешками, и скоро очутились оба в совершенной темноте.

VI

Андрий едва двигался в темном и узком земляном коридоре, следуя за татаркой и таща на себе мешки хлеба. <...>

Наконец перед ними показалась маленькая железная дверь. «Ну, слава Богу, мы пришли», — сказала слабым голосом татарка, приподняла руку, чтобы постучать, — и не имела сил. Андрий ударил вместо нее сильно в дверь; раздался гул, показавший, что за дверью был большой простор. Гул этот изменялся, встретив, как казалось, высокие своды. Через минуты две загремели ключи, и кто-то, казалось, сходил по лестнице. Наконец дверь отперлась; их встретил монах, стоявший на узенькой лестнице, с ключами и свечой в руках. Андрий невольно остановился при виде католического монаха, возбуждавшего такое ненавистное презрение в козаках, поступавших с ними бесчеловечней, чем с жидами. Монах тоже несколько отступил назад, увидев запорожского козака,

¹ Фаши́нник — от слова *фаши́на* — связка прутьев, хвороста, камыша.

но слово, невнятно произнесенное татаркою, его успокоило. Он посветил им, запер за ними дверь, ввел их по лестнице вверх, и они очутились под высокими темными сводами монастырской церкви. У одного из алтарей, уставленного высокими подсвечниками и свечами, стоял на коленях священник и тихо молился. Около него с обеих сторон стояли также на коленях два молодые клирошанина¹ в лиловых мантиях, с белыми кружевными шемизетками сверх их и с кадилами в руках. Он молился о ниспослании чуда: о спасении города, о подкреплении падающего духа, о ниспослании терпения, об удалении искушителя, нашептывающего ропот и малодушный, робкий плач на земные несчастья. <...> Окно с цветными стеклами, бывшее над алтарем, озарилось розовым румянцем утра, и упали от него на пол голубые, желтые и других цветов кружки света, осветившие внезапно темную церковь. Весь алтарь в своем далеком углублении показался вдруг в сиянии; кафельный дым остановился в воздухе радужно освещенным облаком. Андрий не без изумления глядел из своего темного угла на чудо, произведенное светом. В это время величественный рев органа наполнил вдруг всю церковь. Он становился гуще и гуще, разрастался, перешел в тяжелые рокоты грома и потом вдруг, обратившись в небесную музыку, донесся высоко под сводами своими поющими звуками, напоминавшими тонкие девичьи голоса, и потом опять обратился он в густой рев и гром и затих. И долго еще громовые рокоты носились, дрожа, под сводами, и дивился Андрий с полукрытым ртом величественной музыке.

В это время почувствовал он, кто-то дернул его за полу кафтана. «Пора!» — сказала татарка. Они перешли через церковь, не замеченные никем, и вышли потом на площадь, бывшую перед нею. Заря уже давно румянилась на небе: все возвещало восхождение солнца. <...> Они повернули в улицы и были остановлены вдруг каким-то беснующимся, который, увидев у Андрия драгоценную ношу, кинулся на него, как тигр, вцепился в него, крича: «Хлеба!» Но сил не было у него, равных бешенству; Андрий оттолкнул его: он полетел на землю. Движимый состраданием, он швырнул ему один хлеб, на который тот бросился, подобно бешеной собаке, изгрыз, искусал его и тут же, на улице, в страшных судорогах испустил дух от долгой отвычки принимать пищу. Почти на каждом шагу поражали их страшные жертвы голода. <...>

¹ К*лирошанин* — дьячок, поющий на *клиросе* (место для певчих в церкви).

При виде сих поражающих свидетельств голода Андрий не вытерпел не спросить татарку:

— Неужели они, однако ж, совсем не нашли, чем пробавить жизнь? Если человеку приходит последняя крайность, тогда, делать нечего, он должен питаться тем, чем дотоле брезговал; он может питаться теми тварями, которые запрещены законом, все может тогда пойти в снедь.

— Все переели, — сказала татарка, — всю скотину. Ни коня, ни собаки, ни даже мыши не найдешь во всем городе. У нас в городе никогда не водилось никаких запасов, все привозилось из деревень.

— Но как же вы, умирая такою лютою смертью, все еще думаете оборонить город?

— Да, может быть, воевода и сдал бы, но вчера утром полковник, который в Буджаках, пустил в город ястреба с запиской, чтобы не отдавали города; что он идет на выручку с полком, да ожидает только другого полковника, чтоб идти обоим вместе. И теперь всякую минуту ждут их... Но вот мы пришли к дому. <...>

Андрий уже было хотел идти прямо в широкую дубовую дверь, украшенную гербом и множеством резных украшений, но татарка дернула его за рукав и указала маленькую дверь в боковой стене. <...> Он не помнил, как взшел и как затворилась за ним дверь. В комнате горели две свечи; лампада теплилась перед образом; под ним стоял высокий столик, по обычаю католическому, со ступеньками для преклонения коленей во время молитвы. Но не того искали глаза его. Он повернулся в другую сторону и увидел женщину, казалось, застывшую и окаменевшую в каком-то быстром движении. <...> Как ни велика была ее бледность, но она не помрачила чудесной красоты ее; напротив, казалось, как будто придала ей что-то стремительное, неотразимо победоносное. И ощутил Андрий в своей душе благоговейную боязнь и стал неподвижен перед нею. Она, казалось, также была поражена видом козака, представшего во всей красе и силе юношеского мужества. <...>

— Нет, я не в силах ничем возблагодарить тебя, великодушный рыцарь, — сказала она, и весь колебался серебряный звук ее голоса. — Один Бог может возблагодарить тебя; не мне, слабой женщине... <...>

В это время вошла в комнату татарка. Она уже успела нарезать ломтями принесенный рыцарем хлеб, несла его на золотом блюде и поставила перед своею панною. Красавица

взглянула на нее, на хлеб и возвела очи на Андрия, — и много было в очах тех. <...> Вдруг красавица, оборотясь к татарке, беспокойно спросила:

— А мать? Ты отнесла ей?

— Она спит.

— А отцу?

— Отнесла. Он сказал, что придет сам благодарить рыцаря.

Она взяла хлеб и поднесла его ко рту. С неизъяснимым наслаждением глядел Андрий, как она ломала его блистающими пальцами своими и ела; и вдруг вспомнил о бесновавшемся от голода, который испустил дух в глазах его, проглотивши кусок хлеба. Он побледнел и, схватив ее за руку, закричал:

— Довольно! не ешь больше! Ты так долго не ела, тебе хлеб будет теперь ядовит.

И она опустила тут же свою руку, положила хлеб на блюдо и, как покорный ребенок, смотрела ему в очи. <...>

— Царица! — вскрикнул Андрий, полный и сердечных, и душевных, и всяких избытков. — Что тебе нужно? чего ты хочешь? прикажи мне! Задай мне службу самую невозможную, какая только есть на свете, — я побегу исполнять ее! Скажи мне сделать то, чего не в силах сделать ни один человек, — я сделаю, я погублю себя. Погублю, погублю! и погубить себя для тебя, клянусь святым крестом, мне так сладко... но не в силах сказать того! У меня три хутора, половина табунов отцовских — мои, все, что принесла отцу мать моя, что даже от него скрывает она, — все мое. Такого ни у кого нет теперь у козак наших оружия, как у меня: за одну рукоять моей сабли дают мне лучший табун и три тысячи овец. И от всего этого откажусь, кину, брошу, сожгу, затоплю, если только ты вымолвишь одно слово или хотя только шевельнешь своею тонкою черною бровью! Но знаю, что, может быть, несу глупые речи, и некстати, и нейдет все это сюда, что не мне, проводшему жизнь в бурсе и на Запорожье, говорить так, как в обычае говорить там, где бывают короли, князья и все что ни есть лучшего в вельможном рыцарстве. Вижу, что ты иное творенье Бога, нежели все мы, и далеки пред тобою все другие боярские жены и дочери-девы. Мы не годимся быть твоими рабами, только небесные ангелы могут служить тебе.

С возрастающим изумлением, вся превратившись в слух, не проронив ни одного слова, слушала дева открытую сердечную речь, в которой, как в зеркале, отражалась молодая, полная сил душа. И каждое простое слово сей речи, выговоренное голосом, летевшим прямо с сердечного дна, было облечено

в силу. И выдалось вперед все прекрасное лицо ее, отбросила она далеко назад досадные волосы, открыла уста и долго глядела с открытыми устами. Потом хотела что-то сказать и вдруг остановилась и вспомнила, что другим назначеньем ведется рыцарь, что отец, братья и вся отчизна его стоят позади его суровыми мстителями, что страшны облегшие город запорожцы, что лютой смерти обречены все они с своим городом... И глаза ее вдруг наполнились слезами; быстро она схватила платок, шитый шелками, набросила себе на лицо его, и он в минуту стал весь влажен; и долго сидела, забросив назад свою прекрасную голову, сжав белоснежными зубами свою прекрасную нижнюю губу, — как бы внезапно почувствовав какое укушение ядовитого гада, — и не снимая с лица платка, чтобы он не видел ее сокрушительной грусти.

— Скажи мне одно слово! — сказал Андрий и взял ее за атласную руку. Сверкающий огонь пробежал по жилам его от сего прикосновенья, и жал он руку, лежавшую бесчувственно в руке его.

Но она молчала, не отнимала платка от лица своего и оставалась неподвижна.

— Отчего же ты так печальна? Скажи мне, отчего ты так печальна?

Бросила прочь она от себя платок, отдернула належавшие на очи длинные волосы косы своей и вся разлилась в жалостных речах, выговаривая их тихим-тихим голосом. <...>

— Не обманывай, рыцарь, и себя и меня, — говорила она, качая тихо прекрасной головой своей, — знаю, и, к великому моему горю, знаю слишком хорошо, что тебе нельзя любить меня; и знаю я, какой долг и завет твой: тебя зовут отец, товарищи, отчизна, а мы — враги тебе.

— А что мне отец, товарищи и отчизна! — сказал Андрий, встряхнув быстро головою и выпрямив весь прямой, как надречная осока¹, стан свой. — Так если ж так, так вот что: нет у меня никого! Никого, никого! — повторил он тем же голосом и сопроводив его тем движеньем руки, с каким упругий, несокрушимый козак выражает решимость на дело, неслыханное и невозможное для другого. — Кто сказал, что моя отчизна Украина? Кто дал мне ее в отчизны? Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для нее всего. Отчизна моя — ты! Вот моя отчизна! И понесу я отчизну сию в сердце моем, понесу ее, пока станет моего веку, и посмотрю, пусть

¹ Осока — серебристый тополь.

кто-нибудь из козачков вырвет ее оттуда! И все, что ни есть, продам, отдам, погублю за такую отчизну!

На миг остолбенев, как прекрасная статуя, смотрела она ему в очи и вдруг зарыдала, и с чудною женскою стремительностью, на какую бывает только способна одна безрасчетно великодушная женщина, созданная на прекрасное сердечное движение, кинулась она к нему на шею, обхватив его снегоподобными, чудными руками, и зарыдала. <...>

В это время вбежала к ним с радостным криком татарка.

— Спасены, спасены! — кричала она, не помня себя. — Наши вошли в город, привезли хлеба, пшена, муки и связанных запорожцев.

Но не слышал никто из них, какие «наши» вошли в город, что привезли с собою и каких связали запорожцев. Полный не на земле вкушаемых чувств, Андрий поцеловал в сии благовонные уста, прильнувшие к щеке его, и небезответны были благовонные уста. Они отозвались тем же, и в сем обоюдном поцелуе ощутилось то, что один только раз в жизни дается чувствовать человеку.

И погиб козак! Пропал для всего козацкого рыцарства! Не видать ему больше ни Запорожья, ни отцовских хуторов своих, ни церкви Божьей! Украйне не видать тоже храбрейшего из своих детей, взявшихся защищать ее. Вырвет старый Тарас седой клоч волос из своей чуприны¹ и проклянет и день и час, в который породил на позор себе такого сына.

VII

Шум и движение происходили в запорожском таборе. Сначала никто не мог дать верного отчета, как случилось, что войска прошли в город². Потом уже оказалось, что весь Переяславский курень, расположившийся перед боковыми городскими воротами, был пьян мертвецки; стало быть, дивиться нечего, что половина была перебита, а другая перевязана прежде, чем все могли узнать, в чем дело. Покамест ближние курени, разбуженные шумом, успели схватиться за оружие, войско уже уходило в ворота, и последние ряды отстреливались от устремившихся на них в беспорядке сонных и полупротрезвившихся запорожцев. Кошевой дал приказ собраться

всем, и когда все стали в круг и затихли, снявши шапки, он сказал:

— Так вот что, панове-братове, случилось в эту ночь. Вот до чего довел хмель! Вот какое поруганье оказал нам неприятель! У вас, видно, уже такое заведение: коли позволишь удвоить порцию, так вы готовы так натянуться, что враг Христова воинства не только снимет с вас шаровары, но в самое лицо вам начихает, так вы того не услышите.

Козаки все стояли понурив головы, зная вину; один только незамайковский куренной атаман Кукубенко отозвался.

— Постой, батько! — сказал он. — Хотя оно и не в законе, чтобы сказать какое возражение, когда говорит кошевой перед лицом всего войска, да дело не так было, так нужно сказать. Ты не совсем справедливо попрекнул все христианское войско. Козаки были бы повинны и достойны смерти, если бы напились в походе, на войне, на трудной, тяжелой работе. Но мы сидели без дела, маячились попусту перед городом. Ни поста, ни другого христианского воздержанья не было: как же может статься, чтобы на безделье не напился человек? Греха тут нет. А мы вот лучше покажем им, что такое нападать на безвинных людей. Прежде били добре, а уж теперь побьем так, что и пят не унесут домой.

Речь куренного атамана понравилась козакам. Они приподняли уже совсем было понурившиеся головы, и многие одобрительно кивнули головой, промолвивши: «Добре сказал Кукубенко!» А Тарас Бульба, стоявший недалеко от кошевого, сказал:

— А что, кошевой, видно, Кукубенко правду сказал? Что ты скажешь на это?

— А что скажу? Скажу: блажен и отец, родивший такого сына! Еще не большая мудрость сказать укорительное слово, но большая мудрость сказать такое слово, которое бы, не поругавшись над бедою человека, ободрило бы его, придало бы духу ему, как шпоры придают духу коню, освеженному водопоем. Я сам хотел вам сказать потом утешительное слово, да Кукубенко догадался прежде.

«Добре сказал и кошевой!» — отозвалось в рядах запорожцев. «Доброе слово!» — повторили другие. И самые седые, стоявшие, как сизые голуби, и те кивнули головою и, моргнувши седым усом, тихо сказали: «Добре сказанное слово!»

— Слушайте же, панове! — продолжал кошевой. — Брать крепость, карабкаться и подкапываться, как делают чужеземные, немецкие мастера, — пусть ей враг прикинется! —

¹ Чуприна — чуб, хохол на голове.

² Речь идет о польском войске, пришедшем на помощь осажденному городу.

и неприлично, и не козацкое дело. А судя по тому, что есть, неприятель вошел в город не с большим запасом; телег что-то было с ним немного. Народ в городе голодный; стало быть, все съест духом, да и коням тоже сена... уж я не знаю, разве с неба кинет им на вилы какой-нибудь их святой... только про это еще Бог знает; а ксендзы-то их горазды на одни слова. За тем или за другим, а уж они выйдут из города. Разделяйся же на три кучи и становись на три дороги перед тремя воротами. Перед главными воротами пять куреней, перед другими по три куреня. Дядькивский и Корсунский курень на засаду! Полковник Тарас с полком на засаду! Тытаревский и Тymoшевский курень на запас, с правого бока обоза! Щербиновский и Стебликивский верхний — с левого боку! Да выбирайтесь из ряда, молодцы, которые позубастее на слово, задирать неприятеля! У ляха пустоголовая натура: брани не вытерпит; и, может быть, сегодня же все они выйдут из ворот. Куренные атаманы, перегляди всякий курень свой: у кого недочет, пополни его останками Переяславского. Перегляди всё снова! Дать на опохмел всем по чарке и по хлебу на козака! Только, верно, всякий еще вчерашним сыт, ибо, некуда деть правды, понаедались все так, что дивлюсь, как ночью никто не лопнул. Да вот еще один наказ: если кто-нибудь, шинкарь, жид, продаст козаку хоть один кухоль сивухи, то я прибую ему на самый лоб свиное ухо, собаке, и повешу ногами вверх! За работу же, братцы! За работу!

Так распоряжал кошевой, и все поклонились ему в пояс и, не надевая шапок, отправились по своим возам и таборам и, когда уже совсем далеко отошли, тогда только надели шапки. Все начали снаряжаться: пробовали сабли и палаши, насыпали порох из мешков в пороховницы, откатывали и ставили возы и выбирали коней.

Уходя к своему полку, Тарас думал и не мог придумать, куда девался Андрий: полонили ли его вместе с другими и связали сонного? Только нет, не таков Андрий, чтобы отдался живым в плен. Между убитыми козаками тоже не было его видно. Задумался крепко Тарас и шел перед полком, не слыша, что его давно называл кто-то по имени.

— Кому нужно меня? — сказал он, наконец очнувшись.

Перед ним стоял жид Янкель.

— Пан полковник, пан полковник! — говорил жид поспешным и прерывистым голосом, как будто бы хотел объявить дело не совсем пустое. — Я был в городе, пан полковник!

Тарас посмотрел на жида и подивился тому, что он уже успел побывать в городе.

— Какой же враг тебя занес туда?

— Я сейчас расскажу, — сказал Янкель. — Как только услышал я на заре шум и козаки стали стрелять, я ухватил кафтан и, не надевая его, побежал туда бегом; дорогою уже надел его в рукава, потому что хотел поскорей узнать, отчего шум, отчего козаки на самой заре стали стрелять. Я взял и прибежал к самым городским воротам в то время, когда последнее войско входило в город. Гляжу — впереди отряда пан хорунжий¹ Галяндович. Он человек мне знакомый: еще с третьего года задолжал сто червонных. Я за ним, будто бы затем, чтобы выправить с него долг, и вошел вместе с ними в город.

— Как же ты: вошел в город, да еще и долг хотел выправить? — сказал Бульба. — И не велел он тебя тут же повесить, как собаку?

— А ей-богу, хотел повесить, — отвечал жид, — уже было его слуги совсем схватили меня и закинули веревку на шею, но взмолился пану, сказал, что подожду долгу, сколько пан хочет, и пообещал еще дать взаймы, как только поможет мне собрать долги с других рыцарей; ибо у пана хорунжего — я все скажу пану — нет и одного червонного в кармане. Хоть у него есть и хутора, и усадьбы, и четыре замка, и степовой земли до самого Шклова, а грошей у него так, как у козака, — ничего нет. <...>

— Что ж ты делал в городе? Видел наших? <...>

— Наших запорожцев не видал. А видал одного пана Андрия.

— Андрия видел? — вскрикнул Бульба. — Что ж ты, где видел его? в подвале? в яме? обещен? связан?

— Кто же бы смел связать пана Андрия? Теперь он такой важный рыцарь... Далибуг², я не узнал! И наплечники в золоте, и нарукавники в золоте, и зеркало³ в золоте, и шапка в золоте, и по поясу золото, и везде золото, и все золото. Так, как солнце взглянет весною, когда в огороде всякая птишка пищит и поет и травка пахнет, так и он весь сияет в золоте. И коня дал ему воевода самого лучшего под верх; два ста червонных стоит один конь.

¹ Хорунжий — знаменосец; хоругвь — знамя.

² Далибуг (польск.) — ей-богу.

³ Зерцало — два скрепленных щита, предохранявших спину и грудь воина.

Бульба остолбенел.

— Зачем же он надел чужое одеянье?

— Потому что лучше, потому и надел... И сам разъезжает, и другие разъезжают; и он учит, и его учат. Как наибогатейший польский пан!

— Кто ж его принудил?

— Я ж не говорю, чтобы его кто принудил. Разве пан не знает, что он по своей воле перешел к ним?

— Кто перешел?

— А пан Андрий.

— Куда перешел?

— Перешел на их сторону, он уж теперь совсем ихний.

— Врешь, свиное ухо!

— Как же можно, чтобы я врал? Дурак я разве, чтобы врал? На свою бы голову я врал? Разве я не знаю, что жиды повесят, как собаку, коли он соврет перед паном?

— Так это выходит, он, по-твоему, продал отчизну и веру?

— Я же не говорю этого, чтобы он продавал что: я сказал только, то он перешел к ним.

— Врешь, чертов жид! Такого дела не было на христианской земле! Ты путаешь, собака!

— Пусть трава прорастет на пороге моего дома, если я путаю! Пусть всякий наплюет на могилу отца, матери, свекора, и отца отца моего, и отца матери моей, если я путаю. Если пан хочет, я даже скажу, и отчего он перешел к ним.

— Отчего?

— У воеводы есть дочка-красавица. Святой Боже, какая красавица!

Здесь жид постарался, как только мог, выразить в лице своем красоту, расставив руки, прищулив глаз и покрививши набок рот, как будто чего-нибудь отведавши.

— Ну, так что же из того?

— Он для нее и сделал все, и перешел. Коли человек влюбится, то он все равно что подошва, которую, коли размоchiшь в воде, возьми согни — она и согнется.

Крепко задумался Бульба. Вспомнил он, что велика власть слабой женщины, что многих сильных погубляла она, что податлива с этой стороны природа Андрия; и стоял он долго как вкопанный на одном и том же месте.

— Слушай, пан, я все расскажу пану, — говорил жид. — Как только услышал я шум и увидел, что проходят в городские ворота, я схватил на всякий случай с собой нитку жемчуга, потому что в городе есть красавицы и дворянки, а коли есть краса-

вицы и дворянки, сказал я себе, то хоть им и есть нечего, а жемчуг все-таки купят. И как только хорунжего слуги пустили меня, я побежал на воеводин двор продавать жемчуг и расспросил все у служанки-татарки. «Будет свадьба сейчас, как только прогонят запорожцев. Пан Андрий обещал прогнать запорожцев».

— И ты не убил тут же на месте его, чертова сына? — вскрикнул Бульба.

— За что же убить? Он перешел по доброй воле. Чем человек виноват? Там ему лучше, туда и перешел.

— И ты видел его в самое лицо?

— Ей-богу, в самое лицо! Такой славный вояка! Всех взрачней. Дай Бог ему здоровья, меня тотчас узнал; и когда я подошел к нему, тотчас сказал...

— Что ж он сказал?

— Он сказал... прежде кивнул пальцем, а потом уже сказал: «Янкель!» А я: «Пан Андрий!» — говорю. «Янкель! скажи отцу, скажи брату, скажи козакам, скажи запорожцам, скажи всем, что отец — теперь не отец мне, брат — не брат, товарищ — не товарищ, и что я с ними буду биться со всеми. Со всеми буду биться!»

— Врешь, чертов Иуда! — закричал, вышед из себя, Тарас. — Врешь, собака! Ты и Христа распял, проклятый Богом человек! Я тебя убью, сатана! Утекай отсюда, не то — тут же тебе и смерть! — И, сказавши это, Тарас выхватил свою саблю.

Испуганный жид припустился тут же во все лопатки, как только могли вынести его тонкие, сухие икры. Долго еще бежал он без оглядки между козацким табором и потом далеко по всему чистому полю, хотя Тарас вовсе не гнался за ним, размыслив, что неразумно вымещать запальчивость на первом подвернувшемся.

Теперь припомнил он, что видел в прошлую ночь Андрия, проходившего по табору с какой-то женщиною, и поник седою головою, а все еще не хотел верить, чтобы могло случиться такое позорное дело и чтобы собственный сын его продал веру и душу.

Наконец повел он свой полк в засаду и скрылся с ним за лесом, который один был не выжжен еще козаками. А запорожцы, и пешие и конные, выступали на три дороги к трем воротам. <...>

В городе услышали козацкое движение. Все высыпали на вал, и предстала пред козаков живая картина: польские витязи, один другого красивей, стояли на валу. Медные шапки сияли, как солнца, оперенные белыми, как лебедь, перьями.

На других были легкие шапочки, розовые и голубые с пере-
гнутыми набекрень верхами; кафтаны с откидными рукавами,
шитые и золотом и просто выложенные шнурками; у тех сабли
и ружья в дорогих оправах, за которые дорого приплачивались
паны, — и много было всяких других убранств. Наперед
стоял спесиво, в красной шапке, убранной золотом, буджа-
ковский полковник. Грузен был полковник, всех выше и тол-
ще, и широкий дорогой кафтан в силу облекал его. На другой
стороне, почти к боковым воротам, стоял другой полковник,
небольшой человек, весь высохший; но малые зоркие очи
глядели живо из-под густо наросших бровей, и оборачивался
он скоро на все стороны, указывая бойко тонкою, сухою рукою
своею, раздавая приказанья; видно было, что, несмотря на ма-
лое тело свое, знал он хорошо ратную науку. Недалеко от него
стоял хорунжий, длинный-длинный, с густыми усами, и, каза-
лось, не было у него недостатка в краске на лице: любил пан
крепкие меды и добрую пирушку. <...>

Козацкие ряды стояли тихо перед стенами. Не было на них
ни на ком золота, только разве кое-где блестело оно на сабель-
ных рукоятках и ружейных оправах. Не любили козаки богато
выражаться на битвах; простые были на них кольчуги и свиты,
и далеко чернели и червонели черные, червонноверхие бараньи
их шапки.

Два козака выехало вперед из запорожских рядов. Один
еще совсем молодой, другой постарее, оба зубастые на слова,
на деле тоже не плохие козаки: Охрим Наш и Мыкыта Голо-
копытенко. Следом за ними выехал и Демид Попович, коре-
настый козак, уже давно маячивший на Сечи, бывший под
Адрианоподем и много натерпевшийся на веку своем: горел
в огне и прибежал на Сечь с обсмаленною, почерневшею головою
и выгоревшими усами. Но раздобрел вновь Попович, пустил
за ухо оселедец¹, вырастил усы, густые и черные как смоль.
И крепок был на едкое слово Попович.

— А, красные жупаны² на всем войске, да хотел бы я знать,
красная ли сила у войска?

— Вот я вас! — кричал сверху дюжий полковник, — всех
перевяжу! Отдавайте, холопы, ружья и коней. Видели, как
перевязал я ваших? Выведите им на вал запорожцев!

И вывели на вал скрученных веревками запорожцев. Впе-
реди их был куренной атаман Хлиб, без шаровар и верхнего

убранства, — так, как схватили его хмельного. И потупил
в землю голову атаман, стыдясь наготы своей перед своими
же козаками и того, что попал в плен, как собака, сонный.
В одну ночь поседела крепкая голова его.

— Не печалься, Хлиб! Выручим! — кричали ему снизу
козаки.

— Не печалься, друзьяка! — отозвался куренной атаман
Бородатый. — В том нет вины твоей, что схватили тебя нагого.
Беда может быть со всяким человеком; но стыдно им, что
выставили тебя на позор, не прикрывши прилично наготы
твоей.

— Вы, видно, на сонных людей храброе войско! — говорил,
поглядывая на вал, Голокопытенко.

— Вот, погодите, обрежем мы вам чубы! — кричали им
сверху.

— А хотел бы я поглядеть, как они нам обрежут чубы! —
говорил Попович, поворотившись перед ними на коне. Потом,
поглядевши на своих, сказал: — А что ж? Может быть, ляхи
и правду говорят. Коли выведет их вон тот пузатый, им всем
будет добрая защита.

— Отчего ж, ты думаешь, будет им добрая защита? —
сказали козаки, зная, что Попович, верно, уже готовился что-
нибудь отпустить.

— А оттого, что позади его упрячется все войско, и уж
черта с два из-за его пуза достанешь которого-нибудь копьем!

Все засмеялись козаки. И долго многие из них еще пока-
чивали головою, говоря: «Ну уж Попович! Уж коли кому
закрутит слово, так только ну...» Да уж и не сказали козаки,
что такое «ну».

— Отступайте, отступайте скорей от стен! — закричал
кошевой. Ибо ляхи, казалось, не выдержали едкого слова,
и полковник махнул рукою.

Едва только посторонились козаки, как грянули с валу
картечью. На валу засуетились, показался сам седой воевода
на коне. Ворота отворились, и выступило войско. Впереди
выехали ровным конным строем шитые гусары. За ними коль-
чужники, потом латники¹ с копьями, потом все в медных шап-
ках, потом ехали особняком лучшие шляхтичи, каждый
одетый по-своему. Не хотели гордые шляхтичи смешаться
в ряды с другими, и у которого не было команды, тот ехал

¹ *Латник* — воин, который носит латы — металлическую броню,
защищающую от ударов холодного оружия.

¹ *Оселедец* — прядь волос на темени.

² *Жупан* — верхняя одежда у поляков и украинцев.

один с своими слугами. Потом опять ряды, и за ними выехал хорунжий; за ним опять ряды, и выехал дюжий полковник; а позади всего уже войска выехал последним низенький полковник.

— Не давать им, не давать им строиться и становиться в ряды! — кричал кошевой. — Разом напирайте на них все курени! Оставляйте прочие ворота! Тытаревский курень, нападай сбоку! Дядькивский курень, нападай с другого! Напирайте на тыл, Кукубенко и Палывода! Мешайте, мешайте и розните их!

И ударили со всех сторон козаки, сбили и смешали их, и сами смешались. Не дали даже и стрельбы произвести; пошло дело на мечи да на копья. Все сбились в кучу, и каждому привел случай показать себя. <...>

Как плавающий в небе ястреб, давши много кругов сильными крылами, вдруг останавливается распластанный на одном месте и бьет оттуда стрелой на раскричавшегося у самой дороги самца-перепела, — так Тарасов сын, Остап, налетел вдруг на хорунжего и сразу накинуд ему на шею веревку. Побагровело еще сильнее красное лицо хорунжего, когда затянула ему горло жестокая петля; схватился он было за пистолет, но судорожно сведенная рука не могла направить выстрела, и даром полетела в поле пуля. Остап тут же, у его же седла, отвязал шелковый шнур, который возил с собою хорунжий для вязания пленных, и его же шнуром связал его по рукам и по ногам, прицепил конец веревки к седлу и поволок его через поле, сзывая громко всех козаков Уманского куреня, чтобы шли отдать последнюю честь атаману.

Как услышали уманцы, что куренного их атамана Борода-того нет уже в живых, бросили поле битвы и прибежали прибрать его тело; и тут же стали совещаться, кого выбрать в куренные. Наконец сказали:

— Да на что совещаться? Лучше не можно поставить в куренные, как Бульбенка Остапа. Он, правда, младший всех нас, но разум у него, как у старого человека.

Остап, сняв шапку, всех поблагодарил козаков-товарищей за честь, не стал отговариваться ни молодостью, ни молодым разумом, зная, что время военное и не до того теперь, а тут же повел их прямо на кучу и уж показал им всем, что даром выбрали его в атаманы. Почувствовали ляхи, что уже становилось дело слишком жарко, отступили и перебежали поле, чтоб собраться на другом конце его. А низенький полковник махнул на стоявшие отдельно, у самых ворот, четыре свежих сотни, и грянули оттуда картечью в козацкие кучи. Но мало

кого достали: пули хватили по быкам козацким, дико глядевшим на битву. Взревели испуганные быки, поворотили на козацкие таборы, переломали возы и многих перетоптали. Но Тарас в это время, вырвавшись из засады с своим полком, с криком бросился напереймы¹. Поворотило назад все бешеное стадо, испуганное криком, и метнулось на ляхские полки, опрокинуло конницу, всех смяло и рассыпало.

— О, спасибо вам, волю! — кричали запорожцы, — служили всё походную службу, а теперь и военную сослужили! — И ударили с новыми силами на неприятеля. <...>

В это время подъехал кошевой и похвалил Остапа, сказавши: «Вот и новый атаман, а ведет войско так, как бы и старый!» Оглянулся старый Бульба поглядеть, какой там новый атаман, и увидел, что впереди всех уманцев сидел на коне Остап, и шапка заломлена набекрень, и атаманская палица в руке. «Вишь ты какой!» — сказал он, глядя на него; и обрадовался старый, и стал благодарить всех уманцев за честь, оказанную сыну.

Козаки вновь отступили, готовясь идти к таборам, а на городском валу вновь показались ляхи, уже с изорванными епанчами². Запеклася кровь на многих дорогах кафтанах, и пылью покрылись красивые медные шапки.

— Что, перевязали? — кричали им снизу запорожцы.

— Вот я вас! — кричал все так же сверху толстый полковник, показывая веревку.

И все еще не переставали грозить запыленные, изнуренные воины, и все, бывшие позаднее, перекинулись с обеих сторон бойкими словами.

Наконец разошлись все. Кто расположился отдыхать, истомившись от боя; кто присыпал землей свои раны и драл на перевязки платки и дорогие одежды, снятые с убитого неприятеля. Другие же, которые были посвежее, стали прибирать тела и отдавать им последнюю почесть. <...>

VIII

Еще солнце не дошло до половины неба, как все запорожцы собрались в круги. Из Сечи пришла весть, что татары во время отлучки козаков ограбили в ней все, вырыли скарб, который втайне держали козаки под землею, избили и забрали в плен

¹ *Напереймы* — наперерез.

² *Епанча* — длинный широкий плащ.

всех, которые оставались, и со всеми забранными стадами и табунами направили путь прямо к Перекопу. Один только козак, Максим Голодуха, вырвался дорогою из татарских рук, заколол мирзу¹, отвязал у него мешок с цехинами² и на татарском коне, в татарской одежде полтора дни и две ночи уходил от погони, загнал насмерть коня, пересел дорогою на другого, загнал и того, и уже на третьем приехал в запорожский табор, разведав на дороге, что запорожцы были под Дубном. Только и успел объявить он, что случилось такое зло; но отчего оно случилось, курнули ли оставшиеся запорожцы, по козацкому обычаю, и пьяными отдались в плен, и как узнали татары место, где был зарыт войсковой скарб, — того ничего не сказал он. Сильно истомился козак, распух весь, лицо пожгло и опалило ему ветром; упал он тут же и заснул крепким сном.

В подобных случаях водилось у запорожцев гнаться в ту же минуту за похитителями, стараясь настигнуть их на дороге, потому что пленные как раз могли очутиться на базарах Малой Азии, в Смирне, на Критском острове, и бог знает, в каких местах не показались бы чубатые запорожские головы. Вот отчего собрались запорожцы. Все до единого стояли они в шапках, потому что пришли не с тем, чтобы слушать по начальству атаманский приказ, но совещаться, как ровные между собою.

— Давай совет прежде старшие! — закричали в толпе.

— Давай совет кошевой! — говорили другие.

И кошевой снял шапку, уж не так, как начальник, а как товарищ, благодарил всех козакон за честь и сказал:

— Много между нами есть старших и советом умнейших, но коли меня почтили, то мой совет: не терять, товарищи, времени и гнаться за татариним. Ибо вы сами знаете, что за человек татарин. Он не станет с награбленным добром ожидать нашего прихода, а мигом размытарит его, так что и следов не найдешь. Так мой совет: идти. Мы здесь уже погуляли. Ляхи знают, что такое козаки; за веру, сколько было по силам, отместили; корысти же с голодного города не много. Итак, мой совет — идти.

— Идти! — раздалось голосно в запорожских куренях.

Но Тарасу Бульбе не прились по душе такие слова, и навесил он еще ниже на очи свои хмурые, исчерна-белые брови, подобные кустам, выросшим по высокому темени горы, которых верхушки вплоть занес иглистый северный иней.

¹ Мирза — татарский князь.

² Цехины — турецкие деньги.

— Нет, не прав совет твой, кошевой! — сказал он. — Ты не так говоришь. Ты позабыл, видно, что в плену остаются наши, захваченные ляхами? Ты хочешь, видно, чтоб мы не уважили первого, святого закона товарищества: оставили бы собратьев своих на то, чтобы с них с живых содрали кожу или, исчетвертовав на части козацкое их тело, развозили бы их по городам и селам, как сделали они уже с гетьманом и лучшими русскими витязями на Украине. Разве мало они поругались и без того над святынею? Что ж мы такое? спрашиваю я всех вас. Что ж за козак тот, который кинул в беде товарища, кинул его, как собаку, пропасть на чужбине? Коли уж на то пошло, что всякий ни во что ставит козацкую честь, позволив себе плюнуть в седые усы свои и попрекнуть себя обидным словом, так не укорит же никто меня. Один остаюсь!

Поколебались все стоявшие запорожцы.

— А разве ты позабыл, brave полковник, — сказал тогда кошевой, — что у татар в руках тоже наши товарищи, что если мы теперь их не выручим, то жизнь их будет продана на вечное невольничество язычникам, что хуже всякой лютой смерти? Позабыл разве, что у них теперь вся казна наша, добытая христианскою кровью?

Задумались все козаки и не знали, что сказать. Никому не хотелось из них заслужить обидную славу. Тогда вышел вперед всех старейший годами во всем запорожском войске Касьян Бовдуг. В чести был он от всех козакон; два раза уже был избираем кошевым и на войнах тоже был сильно добрый козак, но уже давно состарелся и не бывал ни в каких походах; не любил тоже и советов давать никому, а любил старый вояка лежать на боку у козацких кругов, слушая рассказы про всякие бывалые случаи и козацкие походы. Никогда не вмешивался он в их речи, а все только слушал да прижимал пальцем золу в своей коротенькой трубке, которой не выпускал изо рта, и долго сидел он потом, прижмурив слегка очи; и не знали козаки, спал ли он или все еще слушал. Все походы оставался он дома, но сей раз разобрало старого. Махнул рукою по-козацки и сказал:

— А, не куды пошло! Пойду и я; может, в чем-нибудь буду пригоден козачеству!

Все козаки притихли, когда выступил он теперь перед собранием, ибо давно не слышали от него никакого слова. Всякий хотел знать, что скажет Бовдуг.

— Пришла очередь и мне сказать слово, паны-братья! — так он начал. — Послушайте, дети, старого. Мудро сказал

кошевой; и, как голова козацкого войска, обязанный приберегать его и печись¹ о войсковом скарбе, мудрее ничего он не мог сказать. Вот что! Это пусть будет первая моя речь! А теперь послушайте, что скажет моя другая речь. А вот что скажет моя другая речь: большую правду сказал и Тарас-полковник, — дай Боже ему побольше веку и чтоб таких полковников было побольше на Украине! Первый долг и первая честь козака есть соблюсти товарищество. Сколько ни живу я на веку, не слышал я, пань-братья, чтобы козак покинул где или продал как-нибудь своего товарища. И те и другие нам товарищи; меньше их или больше — все равно, все товарищи, все нам дороги. Так вот какая моя речь: те, которым милы захваченные татарами, пусть отправляются за татарами, а которым милы полоненные ляхами и не хочется оставлять правого дела, пусть остаются. Кошевой по долгу пойдет с одной половиною за татарами, а другая половина выберет себе наказного атамана. А наказным атаманом, коли хотите послушать белой головы, не пригоже быть никому другому, как только одному Тарасу Бульбе. Нет из нас никого, равного ему в доблести.

Так сказал Бовдюг и затих; и обрадовались все козаки, что навел их таким образом на ум старый. Все вскинули вверх шапки и закричали:

— Спасибо тебе, батько! Молчал, молчал, долго молчал, да вот наконец и сказал. Недаром говорил, когда собирался в поход, что будешь пригоден козачеству: так и сделалось.

— Что, согласны вы на то? — спросил кошевой.

— Все согласны! — закричали козаки.

— Стало быть, раде конец?

— Конеч раде! — кричали козаки.

— Слушайте ж теперь войскового приказа, дети! — сказал кошевой, выступил вперед и надел шапку, а все запорожцы, сколько их ни было, сняли свои шапки и остались с непокрытыми головами, утупив очи в землю, как бывало всегда между козаками, когда собирался что говорить старший.

— Теперь отделяйтесь, пань-братья! Кто хочет идти, ступай на правую сторону; кто остается, отходи на левую! Куды большая часть куреня переходит, туды и атаман; коли меньшая часть переходит, приставай к другим куреням.

И все стали переходить, кто на правую, кто на левую сторону. Которого куреня большая часть переходила, туда и куренной атаман переходил; которого малая часть, та приста-

вала к другим куреням; и вышло без малого не поровну на всякой стороне. <...> Много было на обеих сторонах дюжих и храбрых козаков. <...> Старый козак Бовдюг захотел также остаться с ними, сказавши: «Теперь не такие мои лета, чтобы гоняться за татарами, а тут есть место, где опочить доброю козацкою смертью. Давно уже просил я у Бога, чтобы если придется кончать жизнь, то чтобы кончить ее на войне за святое и христианское дело. Так оно и случилось. Славнейшей кончины уже не будет в другом месте для старого козака».

Когда отделились все и стали на две стороны в два ряда куренями, кошевой прошел промеж рядов и сказал:

— А что, панове-братове, довольны одна сторона другою?

— Все довольны, батько! — отвечали козаки.

— Ну, так поцелуйтесь же и дайте друг другу прощанье, ибо, бог знает, приведется ли в жизни еще увидеться. Слушайте своего атамана, а исполняйте то, что сами знаете: сами знаете, что велит козацкая честь.

И все козаки, сколько их ни было, перецеловались между собою. Начали первые атаманы и, поведши рукою седые усы свои, поцеловались навкрест и потом взялись за руки и крепко держали руки. Хотел один другого спросить: «Что, пане-брате, увидимся или не увидимся?» — да и не спросили, замолчали, — и загадались обе седые головы. А козаки все до одного прощались, зная, что много будет работы тем и другим; но не повершили, однако ж, тотчас разлучиться, а повершили дожидаться темной ночной поры, чтобы не дать неприятелю увидеть убыль в козацком войске. Потом все отправились по куреням обедать.

После обеда все, которым предстояла дорога, легли отдыхать и спали крепко и долгим сном, как будто чуя, что, может, последний сон доведется им вкушать на такой свободе. Спали до самого заходу солнечного; а как зашло солнце и немного стемнело, стали мазать телеги. Снарядясь, пустили вперед возы, а сами, пошаркавшись еще раз с товарищами, тихо пошли вслед за возами. Конница чинно, без покрика и по-свиста на лошадей, слегка затопотела вслед за пешими, и скоро стало их не видно в темноте. Глухо отдавалась только конская топь да скрип иного колеса, которое еще не расходилось или не было хорошо подмазано за ночную темнотою.

Долго еще оставшиеся товарищи махали им издали руками, хотя не было ничего видно. А когда сопли и воротились по своим местам, когда увидали при осветивших ясно звездах, что половины телег уже не было на месте, что многих,

¹ Печись — заботясь.

многих нет, невесело стало у всякого на сердце, и все задумались против воли, утупивши в землю гульливые свои головы.

Тарас видел, как смутны стали козацкие ряды и как уныние, неприличное храброму, стало тихо обнимать козацкие головы, но молчал: он хотел дать время всему, чтобы пообыклись они и к унынию, наведенному прощаньем с товарищами, а между тем в тишине готовился разом и вдруг разбудить их всех, гикнувши по-козацки, чтобы вновь и с большей силой, чем прежде, воротилась бодрость каждому в душу, на что способна одна только славянская порода — широкая, могучая порода перед другими, что море перед мелководными реками.

<...>

— Я угощаю вас, паны-братья, — так сказал Бульба, — не в честь того, что вы сделали меня своим атаманом, как ни велика подобная честь, не в честь также прощанья с нашими товарищами: нет, в другое время прилично то и другое; не такая теперь перед нами минута. Перед нами дела великого поту, великой козацкой доблести! Итак, выпьем, товарищи, разом выпьем поперед всего за святую православную веру: чтобы пришло, наконец, такое время, чтобы по всему свету разошлась и везде была бы одна святая вера, и все, сколько ни есть бусурменов, все бы сделались христианами! Да за одним уже разом выпьем и за Сечь, чтобы долго она стояла на погибель всему бусурменству, чтобы с каждым годом выходили из нее молодцы один одного лучше, один одного краше. Да уже вместе выпьем и за нашу собственную славу, чтобы сказали внуки и сыны тех внуков, что были когда-то такие, которые не постыдили товарищества и не выдали своих. Так за веру, пане-братове, за веру!

— За веру! — загомонели все, стоявшие в ближних рядах, густыми голосами.

— За веру! — подхватили дальние; и все что ни было, и старое и молодое, выпило за веру.

— За Сичь! — сказал Тарас и высоко поднял над головою руку.

— За Сичь! — отдалось густо в передних рядах. — За Сичь! — сказали тихо старые, моргнувши седым усом; и, встрепенувшись, как молодые соколы, повторили молодые: — За Сичь!

И слышало далече поле, как поминали козаки свою Сичь.

— Теперь последний глоток; товарищи, за славу и всех христиан, какие живут на свете!

И все козаки, до последнего в поле, выпили последний глоток в ковшах за славу и всех христиан, какие ни есть на свете. И долго еще повторялось по всем рядам промеж всеми курениями:

— За всех христиан, какие ни есть на свете!

Уже пусто было в ковшах, а всё еще стояли козаки, поднявши руки. Хоть весело глядели очи их всех, просиявшие вином, но сильно загадались они. Не о корысти и военном прибытке теперь думали они, не о том, кому посчастливится набрать червонцев, дорогого оружия, шитых кафтанов и черкесских коней; но загадались они — как орлы, севшие на вершинах обрывистых, высоких гор, с которых далеко видно расстилающееся беспредельно море, усыпанное, как мелкими птицами, галерами, кораблями и всякими судами, огражденное по сторонам чуть видимыми тонкими поморьями, с прибрежными, как мошки, городами и склонившимися, как мелкая травка, лесами. Как орлы, озирали они вокруг себя очами все поле и чернеющую вдаль судьбу свою. Будет, будет все поле с облогами и дорогами покрыто торчащими их белыми костями, щедро обмывшись козацкою их кровью и покрывшись разбитыми возами, расколотыми саблями и копьями. Далече раскинутся чубатые головы с перекрученными и запекшимися в крови чубами и запущенными книзу усами. Будут, налетев, орлы выдирать и выдергивать из них козацкие очи. Но добро великое в таком широко и вольно разметавшемся смертном ночлеге! Не погибнет ни одно великодушное дело, и не пропадет, как малая порошинка с ружейного дула, козацкая слава. Будет, будет бандурист с седою по грудь бородою, а может, еще полный зрелого мужества, но белоголовый старец, вещий духом, и скажет он про них свое густое, могучее слово. И пойдет дыбом по всему свету о них слава, и все, что ни народится потом, заговорит о них. Ибо далеко разносится могучее слово, будучи подобно гудящей колокольной меди, в которую много повергнул мастер дорогого чистого серебра, чтобы далече по городам, лачугам, палатам и весям разносился красный звон, сзывая равно всех на святую молитву.

IX

В городе не узнал никто, что половина запорожцев выступила в погоню за татарами. С магистратской башни заметили только часовые, что потянулась часть возов за лес; но подумали, что козаки готовились сделать засаду; то же думал

и французский инженер. А между тем слова кошевого не прошли даром, и в городе оказался недостаток в съестных припасах. По обычаю прошедших веков, войска не разочли, сколько им было нужно. Попробовали сделать вылазку, но половина смельчаков была тут же перебита козаками, а половина прогнана в город ни с чем. <...> Тарас уже видел то по движенью и шуму в городе и расторопно хлопотал, строил, раздавал приказы и наказы, устроил в три таборы курени, обнесши их возами в виде крепостей, — род битвы, в которой бывали непобедимы запорожцы; двум курсням повелел забраться в засаду: убил часть поля острыми кольями, изломанным оружием, обломками копьев, чтобы при случае нагнать туда неприятельскую конницу. И когда все было сделано как нужно, сказал речь козакам, не для того, чтобы ободрить и освежить их, — знал, что и без того крепки они духом, — а просто самому хотелось высказать все, что было на сердце.

— Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русского рода, свои князья, а не католические недоверки. Все взяли бусурманы, все пропало. Только остались мы, сирые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая, так же как и мы, земля наша! Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чем стоит наше товарищество! Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей. Вам случалось не одному помногу пропадать на чужбине; видишь — и там люди! также Божий человек, и разговоришься с ним, как с своим; а как дойдет до того, чтобы поведать сердечное слово, — видишь: нет, умные люди, да не те; такие же люди, да не те! Нет, братцы, так любить, как русская душа, — любить не то чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал Бог, что ни есть в тебе, а... — сказал Тарас, и махнул рукой, и потряс седою головою, и усом моргнул, и сказал: — Нет, так любить никто не может! Знаю, подло завелось теперь на земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребах запечатанные меды их. Перенимают черт знает какие бусурманские обычаи; гнушаются языком

своим; свой с своим не хочет говорить; свой своего продает, как продают бездушную тварь на торговом рынке. Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польского магната¹, который желтым чеботом² своим бьет их в морду, дороже для них всякого братства. Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснется оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество! Уж если на то пошло, чтобы умирать, — так никому ж из них не доведется так умирать!.. Никому, никому!.. Не хватит у них на то мыпиной натуры их!

Так говорил атаман и, когда кончил речь, все еще потрясал посеребрившеюся в козацких делах головою. Всех, кто ни стоял, разобрала сильно такая речь, дошед далеко, до самого сердца. Самые старейшие в рядах стали неподвижны, потупив седые головы в землю; слеза тихо накатывалась в старых очах; медленно отирали они ее рукавом. И потом все, как будто сговорившись, махнули в одно время рукою и потрясли бывалыми головами. Знать, видно, много напомнил им старый Тарас знакомого и лучшего, что бывает на сердце у человека, умудренного горем, трудом, удалью и всяким невзгодьем жизни, или хотя и не познавшего их, но много почуявшего молодую жемчужною душою на вечную радость старцам родителям, родившим их.

А из города уже выступало неприятельское войско, гремя в литавры и трубы, и, подбоченившись, выезжали паны, окруженные несметными слугами. Толстый полковник отдавал приказы. И стали наступать они тесно на козацкие таборы, грозя, нацеливаясь пищалями, сверкая очами и блеща медными доспехами. Как только увидели козаки, что подошли они на ружейный выстрел, все разом грянули в семипядные пищаля, и, не перерывая, всё палили они из пищалей. Далеко понеслось громкое хлопанье по всем окрестным полям и нивам, сливаясь в непрерывный гул; дымом затянуло все поле, а запорожцы всё палили, не переводя духу: задние только заряжали да передавали передним, наводя изумление на неприятеля, не могшего понять, как стреляли козаки, не заряжая

¹ *Магнат* — крупный помещик.

² *Чебот* — сапог.

ружей. Уже не видно было за великим дымом, обнявшим то и другое воинство, не видно было, как то одного, то другого не ставало в рядах; но чувствовали ляхи, что густо летели пули и жарко становилось дело; и когда попятились назад, чтобы посторониться от дыма и оглядеться, то многих недосчитались в рядах своих. А у козак, может быть, другой-третий был убит на всю сотню. И всё продолжали палить козаки из пищалей, ни на минуту не давая промежутка. Сам иноземный инженер подивился такой, никогда им не виданной тактике, сказавши тут же, при всех: «Вот brave молодцы-запорожцы! Вот как нужно биться и другим в других землях!» И дал совет поворотить тут же на табор пушки. Тяжело ревнули широкими горлами чугунные пушки; дрогнула, далеко загудевши, земля, и вдвое больше затянуло дымом все поле. Почуяли запах пороха среди площадей и улиц в дальних и ближних городах. Но нацелившие взяли слишком высоко: раскаленные ядра выгнули слишком высокую дугу. Страшно завизжав по воздуху, перелетели они через головы всего табора и углубились далеко в землю, взорвав и взметнув высоко на воздух черную землю. Ухватил себя за волосы французский инженер при виде такого неискусства и сам принялся наводить пушки, не глядя на то, что жарили и сыпали пулями беспрерывно козаки.

Тарас видел еще издали, что беда будет всему Незамайковскому и Стебликивскому куреню, и вскрикнул зычно: «Выбирайтесь скорей из-за возов, и садись всякий на коня!» Но не успели бы сделать то и другое козаки, если бы Остап не ударил в самую середину; выбил фитили у шести пушкарей, у четырех только не мог выбить: отогнали его назад ляхи. А тем временем иноземный капитан сам взял в руку фитиль, чтобы выпалить из величайшей пушки, какой никто из козак не видывал дотоле. Страшно глядела она широкою пастью, и тысяча смертей глядело оттуда. И как грянула она, а за нею следом три другие, четырехкратно потрясши глухо-ответную землю, — много нанесли они горя! Не по одному козаку взрывает старая мать, ударяя себя костистыми руками в дряхлые перси¹. Не одна останется вдова в Глухове, Немирове, Чернигове и других городах. Будет, сердечная, выбегать всякий день на базар, хватаясь за всех проходящих, распознавая каждого из них в очи, нет ли между их одного, милейшего всех. Но много пройдет через город всякого войска, и вечно не будет между ними одного, милейшего всех.

¹ *Пёрси* — грудь.

Так, как будто и не бывало половины Незамайковского куреня! Как градом выбивает вдруг всю ниву, где, что полновесный червонец, красовался всякий колос, так их выбило и положило.

Как же вскинулись козаки! Как схватились все! Как закипел куренной атаман Кукубенко, увидевши, что лучшей половины куреня его нет! Разом вбился он с остальными своими незамайковцами в самую середину. В гневе иссек в капусту первого попавшегося, многих конников сбил с коней, доставши копьем и конника и коня, пробрался к пушкарям и уже отбил одну пушку. А уж там, видит, хлопчет уманский куренной атаман и Степан Гуска уже отбивает главную пушку. Оставил он тех козак и поворотил с своими в другую неприятельскую гущу. Так, где прошли незамайковцы — так там и улица, где поворотились — так уж там и переулочек! Так и видно, как редели ряды и снопами валились ляхи! А у самых возов Вовтузенко, а спереди Черевиченко, а у дальних возов Дёгтяренко, а за ним куренной атаман Вертыхвист. Двух уже шляхтичей поднял на копье Дёгтяренко, да напал наконец на неподатливого третьего. Увертлив и крепок был лях, пышной сбруей украшен и пятьдесят одних слуг привел с собою. Согнул он крепко Дёгтяренко, сбил его на землю и уже, замахнувшись на него саблей, кричал: «Нет из вас, собак-козак, ни одного, кто бы посмел противустать мне!»

«А вот есть же!» — сказал и выступил вперед Мосий Шило. Сильный был он козак, не раз атаманствовал на море и много натерпелся всяких бед. <...>

«Так есть же такие, которые бьют вас, собак!» — сказал он, ринувшись на него. И уж так-то рубились они! И наплечники и зеркала погнулись у обоих от ударов. Разрубил на нем вражий лях железную рубашку, достав лезвием самого тела: зачервонела козацкая рубашка. Но не поглядел на то Шило, а замахнулся всей жилистой рукою (тяжела была коренастая рука) и оглушил его внезапно по голове. Разлетелась медная шапка, зашатался и грянулся лях, а Шило принялся рубить и крестить оглушенного. Не добивай, козак, врага, а лучше поворотись назад! Не поворотился козак назад, и тут же один из слуг убитого хватил его пожом в шею. Поворотился Шило и уж достал было смельчака, но он пропал в пороховом дыме. Со всех сторон поднялось хлопанье из самопалов. Пошатнулся Шило и почуял, что рана была смертельна. Упал он, наложил руку на свою рану и сказал, обратившись к товарищам: «Прощайте, пань-братья, товарищи! Пусть же стоит на вечные

времена православная Русская земля и будет ей вечная честь!» И зажмурил ослабшие свои очи, и вынеслась козацкая душа из сурового тела. А там уже выезжал Задорожный с своими, ломил ряды куренной Вертыхвист и выступал Балаган.

— А что, паны? — сказал Тарас, перекликнувшись с куренными. — Есть еще порох в пороховницах? Не ослабела ли козацкая сила? Не гнутя ли козаки?

— Есть еще, батько, порох в пороховницах. Не ослабела еще козацкая сила; еще не гнутя козаки!

И наперли сильно козаки: совсем смешали все ряды. Низкорослый полковник ударил сбор и велел выкинуть восемь малеванных¹ знамен, чтобы собрать своих, рассыпавшихся далеко по всему полю. Все бежали ляхи к знаменам; но не успели они еще выстроиться, как уже куренной атаман Кукубенко ударил вновь с своими незамайковцами в середину и напал прямо на толстопузоного полковника. Не выдержал полковник и, поворотив коня, пустился вскачь; а Кукубенко далеко гнал его через все поле, не дав ему соединиться с полком. Завидев то с бокового куреня, Степан Гуска пустился ему навпереймы, с арканом в руке, всю пригнувши голову к лошадиной шее, и, улучивши время, с одного раза накинул аркан ему на шею. Весь побагровел полковник, ухватясь за веревку обеими руками и сясь разорвать ее, но уже дюжий размах вогнал ему в самый живот гибельную пику. Там и остался он, пригвожденный к земле. Но недобрать и Гуске! Не успели оглянуться козаки, как уже увидели Степана Гуску, поднятого на четыре копы. Только и успел сказать бедняк: «Пусть же пропадут все враги и ликует вечные веки Русская земля!» И там же испустил дух свой.

Оглянулись козаки, а уж там, сбоку, козак Метельца угощает ляхов, шеломя того и другого; а уж там, с другого, напирает с своими атаман Невылычкий; а у возов ворочает врага и бьется Закрутыгуба; а у дальних возов третий Пысаренко отогнал уже целую ватагу. А уж там, у других возов, схватились и бьются на самых возах.

— Что, паны? — перекликнулся атаман Тарас, проехавши впереди всех. — Есть ли еще порох в пороховницах? Крепка ли еще козацкая сила? Не гнутя ли еще козаки?

— Есть еще, батько, порох в пороховницах; еще крепка козацкая сила; еще не гнутя козаки!

А уж упал с воза Бовдюг. Прямо под самое сердце пришлась ему пуля, но собрал старый весь дух свой и сказал: «Не жаль

расстаться с светом. Дай Бог и всякому такой кончины! Пусть же славится до конца века Русская земля!» И понеслась к вышинам Бовдюгова душа рассказать давно отошедшим старцам, как умеют биться на Русской земле и, еще лучше того, как умеют умирать в ней за святую веру.

Балабан, куренной атаман, скоро после него грянулся также на землю. Три смертельные раны достались ему: от копья, от пули и от тяжелого палаша. А был один из доблестнейших козаков; много совершил он под своим атаманством морских походов, но славнее всех был поход к анатольским берегам. Много набрали они тогда цехинов, дорогой турецкой габы, киндяков и всяких убранных, но мыкнули горе на обратном пути: попались, сердечные, под турецкие ядра. Какхватило их с корабля — половина челнов закружилась и перевернулась, потопивши не одного в воду, но привязанные к бокам камыши спасли челны от потопления. Балабан отплыл на всех веслах, стал прямо к солнцу и через то сделался невиден турецкому кораблю. Всю ночь потом черпаками и шапками выбирали они воду, латая пробитые места; из козацких штанов нарезали парусов, понеслись и убежали от быстреего турецкого корабля. И мало того что прибыли безбедно на Сечу, привезли еще златошвейную ризу архимандриту Межигорского киевского монастыря и на Покров, что на Запорожье, оклад из чистого серебра. И славили долго потом бандуристы удачливость козаков. Поникнул он теперь головою, почуяв предсмертные муки, и тихо сказал: «Сдается мне, паны-братья, умираю хорошею смертью: семерых изрубил, девятерых копьем исколол. Истоптал конем вдоволь, а уж не припомню, скольких достал пулею. Пусть же цветет вечно Русская земля!» И отлетела его душа.

Козаки, козаки! не выдавайте лучшего цвета вашего войска! Уже обступили Кукубенка, уже семь человек только осталось из всего Незамайковского куреня; уже и те отбиваются через силу; уже окровавилась на нем одежда. Сам Тарас, увидя беду его, поспешил на выручку. Но поздно подошли козаки: уже успело ему углубиться под сердце копьё прежде, чем были отогнаны обступившие его враги. Тихо склонился он на руки подхватившим его козакам, и хлынула ручьем молодая кровь, подобно дорожному вину, которое несли в склянном сосуде из погреба неосторожные слуги, поскользнулись тут же у входа и разбили дорожную сулею¹: все разлилось

¹ Малеванный — разрисованный, расписной.

¹ Сулей — большая бутылка.

на землю вино, и схватил себя за голову прибежавший хозяин, сберегавший его про лучший случай в жизни, чтобы если приведет Бог на старости лет встретиться с товарищем юности, то чтобы помянуть бы вместе с ним прежнее, иное время, когда иначе и лучше веселился человек... Повел Кукубенко вокруг себя очами и проговорил: «Благодарю Бога, что довелось мне умереть при глазах ваших, товарищи! Пусть же после нас живут еще лучшие, чем мы, и красуется вечно любимая Христом Русская земля!» И вылетела молодая душа. <...>

— А что, пань? — перекликнулся Тарас с оставшимися куренями. — Есть ли еще порох в пороховницах? Не иступились ли сабли? Не утомилась ли козацкая сила? Не погнулись ли козаки?

— Достанет еще, батько, пороху! Годятся еще сабли; не утомилась козацкая сила; не погнулись еще козаки!

И рванулись снова козаки так, как бы и потерь никаких не потерпели. Уже три только куренных атамана осталось в живых. Червонели уже всюду красные реки; высоко гатились мосты из козацких и вражьих тел. Взглянул Тарас на небо, а уж по небу потянулась вереница кречетов. Ну, будет кому-то пожива! А уж там подняли на копье Метелыцю. Уже голова другого Пысаренка, завертевшись, захлопала очами. Уже подломился и бухнулся о землю начетверо изрубленный Охрим Гуска. «Ну!» — сказал Тарас и махнул платком. Понял тот знак Остап и ударил сильно, вырвавшись из засады, в конницу. Не выдержали сильного напору ляхи, а он их гнал и нагнал прямо на место, где были убиты в землю копья и обломки копьев. Пошли спотыкаться и падать кони и лететь через их головы ляхи. А в это время корсунцы, стоявшие последние за возами, увидевши, что уже достанет ружейная пуля, грянули вдруг из самопалов. Все сбились и растерялись ляхи, и приободрились козаки. «Вот и наша победа!» — раздались со всех сторон запорожские голоса, затрубили в трубы и выкинули победную хоругвь. Везде бежали и крылись разбитые ляхи. «Ну, нет, еще не совсем победа!» — сказал Тарас, глядя на городские ворота, и сказал он правду.

Отворились ворота, и вылетел оттуда гусарский полк, краса всех конных полков. Под всеми всадниками были все как один бурые аргамаки. Впереди других понесся витязь всех бойчее, всех красивее. Так и летели черные волосы из-под медной его шапки; вился завязанный на руке дорогой шарф, шитый руками первой красавицы. Так и оторопел Тарас, когда увидел, что это был Андрий. А он между тем, объятый пылом

и жаром битвы, жадный заслужить навязанный на руку подарок, понесся, как молодой борзой пес, красивейший, быстрее и младший всех в стае. Атукнул на него опытный охотник — и он понесся, пустив прямой чертой по воздуху свои ноги, весь покосившись набок всем телом, взрывая снег и десять раз выпереживая самого зайца в жару своего бега. Остановился старый Тарас и глядел на то, как он чистил перед собою дорогу, разгонял, рубил и сыпал удары направо и налево. Не вытерпел Тарас и закричал: «Как?.. Своих?.. Своих, чертов сын, своих бьешь?..» Но Андрий не различал, кто пред ним был, свои или другие какие; ничего не видел он. Кудри, кудри он видел, длинные, длинные кудри, и подобную речному лебедю грудь, и снежную шею, и плечи, и все, что создано для безумных поцелуев.

«Эй, хлопьята! заманите мне только его к лесу, заманите мне только его!» — кричал Тарас. И вызвалось тот же час тридцать быстрее козаков заманить его. И, поправив на себе высокие шапки, тут же пустились на конях прямо наперез гусарам. Ударили сбоку на передних, сбили их, отделили от задних, дали по гостинцу тому и другому, а Голокопытенко хватил плашмя по спине Андрия, и в тот же час пустились бежать от них, сколько достало козацкой мочи. Как вскинулся Андрий! Как забунтовала по всем жилкам молодая кровь! Ударив острыми шпорами коня, во весь дух полетел он за козаками, не глядя назад, не видя, что позади всего только двадцать человек успело поспевать за ним. А козаки летели во всю прыть на конях и прямо поворотили к лесу. Разогнался на коне Андрий и чуть было уже не настигнул Голокопытенка, как вдруг чья-то сильная рука ухватила за повод его коня. Оглянулся Андрий: пред ним Тарас! Затрясся он всем телом и вдруг стал бледен...

Так школьник, неосторожно задравши своего товарища и получивши за то от него удар линейкою по лбу, вспыхивает, как огонь, бешеный выскакивает из лавки и гонится за испуганным товарищем своим, готовый разорвать его на части; и вдруг наталкивается на входящего в класс учителя: вмиг притихает бешеный порыв и упадает бессильная ярость. Подобно ему, в один миг пропал, как бы не бывал вовсе, гнев Андрия. И видел он перед собою одного только страшного отца.

— Ну, что ж теперь мы будем делать? — сказал Тарас, смотря прямо ему в очи.

Но ничего не знал на то сказать Андрий и стоял, утупивши в землю очи.

— Что, сынку, помогли тебе твои ляхи?

Андрей был безответен.

— Так продать? продать веру? продать своих? Стой же, слезай с коня!

Покорно, как ребенок, слез он с коня и остановился ни жив ни мертв перед Тарасом.

— Стой и не шевелись! Я тебя породил, я тебя и убью! — сказал Тарас и, отступивши шаг назад, снял с плеча ружье.

Бледен как полотно был Андрей; видно было, как тихо шевелились уста его и как он произносил чье-то имя; но это не было имя отчизны, или матери, или братьев — это было имя прекрасной полячки. Тарас выстрелил.

Как хлебный колос, подрезанный серпом, как молодой барашек, почувывая под сердцем смертельное железо, повис он головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубийца и глядел долго на бездыханный труп. Он был и мертвый прекрасен: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобедимого для жен очарования, все еще выражало чудную красоту; черные брови, как траурный бархат, оттеняли его побледневшие черты.

— Чем бы не козак был? — сказал Тарас, — и станом высокий, и чернобровый, и лицо как у дворянина, и рука была крепка в бою! Пропал, пропал бесславно, как подлая собака!

— Батько, что ты сделал? Это ты убил его? — сказал подъехавший в это время Остап.

Тарас кивнул головою.

Пристально поглядел мертвому в очи Остап. Жалко ему стало брата, и проговорил он тут же:

— Предадим же, батько, его честно земле, чтобы не поругались над ним враги и не растаскали бы его тела хищные птицы.

— Погребут его и без нас! — сказал Тарас, — будут у него плакальщики и утешницы!

И минуты две думал он, кинуть ли его на расхищение волкам-сыромахам или пощадить в нем рыцарскую доблесть, которую храбрый должен уважать в ком бы то ни было. Как видит, скачет к нему на коне Голокопытенко:

— Беда, атаман, окрепли ляхи, прибыла на подмогу свежая сила!..

Не успел сказать Голокопытенко, скачет Вовтузенко:

— Беда, атаман, новая валит еще сила!..

Не успел сказать Вовтузенко, Пысаренко бежит бегом, уже без коня:

— Где ты, батьку? Ищут тебя козаки. Уж убит куренной

атаман Невылычкий, Задорожный убит, Черевиченко убит. Но стоят козаки, не хотят умирать, не увидев тебя в очи; хотят, чтобы взглянул ты на них перед смертным часом!

— На коня, Остап! — сказал Тарас и спешил, чтобы застать еще козаков, чтобы поглядеть еще на них и чтобы они взглянули перед смертью на своего атамана.

Но не выехали они еще из лесу, а уж неприятельская сила окружила со всех сторон лес, и меж деревьями везде показались всадники с саблями и копьями. «Остап!.. Остап, не поддавайся!..» — кричал Тарас, а сам, схвативши саблю наголо, начал честить первых попавшихся на все боки. А на Остапа уже наскочило вдруг шестеро; но не в добрый час, видно, наскочило: с одного полетела голова, другой перевернулся, отступивши; угодило копьём в ребро третьего; четвертый был поотважней, уклонился головой от пули, и попала в конскую грудь горячая пуля, — вздыбился бешеный конь, грянулся о землю и задавил под собою всадника. «Добре, сынку!.. Добре, Остап!..» — кричал Тарас. — Вот я следом за тобою!.. А сам все отбивался от наступавших. Рубится и бьется Тарас, сыплет гостинцы тому и другому на голову, а сам глядит все вперед на Остапа и видит, что уже вновь схватилось с Остапом мало не восьмеро разом. «Остап!.. Остап, не поддавайся!..» Но уж одолевают Остапа; уже один накинуд ему на шею аркан, уже вяжут, уже берут Остапа. «Эх, Остап, Остап!..» — кричал Тарас, пробиваясь к нему, рубя в капусту встречных и поперечных. — Эх, Остап, Остап!..» Но как тяжелым камнем хватило его самого в ту же минуту. Все закружилось и перевернулось в глазах его. На миг смешанно сверкнули пред ним головы, копья, дым, блески огня, сучья с древесными листьями, мелькнувшие ему в самые очи. И грохнулся он, как подрубленный дуб, на землю. И туман покрыл его очи.

Х

— Долго же я спал! — сказал Тарас, очнувшись, как после трудного хмельного сна, и стараясь распознать окружающие его предметы. Страшная слабость одолевала его члены. Едва метались пред ним стены и углы незнакомой светлицы. Наконец заметил он, что пред ним сидел Товкач и, казалось, прислушивался ко всякому его дыханию.

«Да, — подумал про себя Товкач, — заснул бы ты, может быть, и навеки!» Но ничего не сказал, погрозил пальцем и дал знак молчать.

— Да скажи же мне, где я теперь? — спросил опять Тарас, напрягая ум и стараясь припомнить бывшее.

— Молчи ж! — прикрикнул сурово на него товарищ. — Чего тебе еще хочется знать? Разве ты не видишь, что весь изрублен? Уж две недели, как мы с тобою скачем не переводя духу и как ты в горячке и жару несешь и городишь чепуху. Вот в первый раз заснул покойно. Молчи ж, если не хочешь нанести сам себе беду.

Но Тарас все старался и силился собрать свои мысли и припомнить бывшее.

— Да ведь меня же схватили и окружили было совсем ляхи? Мне ж не было никакой возможности выбиться из толпы?

— Молчи ж, говорят тебе, чертова детина! — закричал Товкач сердито, как нянька, выведенная из терпенья, кричит неугомонному повесе-ребенку. — Что пользы знать тебе, как выбрался? Довольно того, что выбрался. Нашлись люди, которые тебя не выдали, — ну, и будет с тебя! Нам еще немало ночей скакать вместе. Ты думаешь, что пошел за простого козака? Нет, твою голову оценили в две тысячи червонных.

— А Остап? — вскрикнул вдруг Тарас, понатужился приподняться и вдруг вспомнил, как Остапа схватили и связали в глазах его и что он теперь уже в ляшских руках.

И обняло горе старую голову. Сорвал и сдернул он все перевязки ран своих, бросил их далеко прочь, хотел громко что-то сказать — и вместо того понес чепуху; жар и бред вновь овладели им, и понеслись без толку и связи безумные речи.

А между тем верный товарищ стоял пред ним, бранясь и рассыпая без счету жестокие уморительные слова и упреки. Наконец схватил он его за ноги и руки, спеленал, как ребенка, поправил все перевязки, увернул его в воловью кожу, увязал в лубки и, прикрепивши веревками к седлу, помчался вновь с ним в дорогу.

— Хоть неживого, да довезу тебя! Не попусти, чтобы ляхи поглумились над твоей козацкою порою, на куски рвали бы твое тело да бросали его в воду. Пусть же хоть и будет орел высмыкать¹ из твоего лоба очи, да пусть же степовой наш орел, а не ляшский, не тот, что прилетает из польской земли. Хоть неживого, а довезу тебя до Украйны!

Так говорил верный товарищ. Скакал без отдыху дни и ночи и привез его, бесчувственного, в самую Запорожскую

Сечь. Там принялся он лечить его неумоимо травами и смачиваньями; нашел какую-то знающую жидовку, которая месяц поила его разными снадобьями, и наконец Тарасу стало лучше. Лекарства ли или своя железная сила взяла верх, только он через полтора месяца стал на ноги; раны зажили, и только одни сабельные рубцы давали знать, как глубоко когда-то был ранен старый козак. Однако же заметно стал он пасмурен и печален. Три тяжелые морщины насунулись на лоб его и уже больше никогда не сходили с него. Оглянувшись он теперь вокруг себя: все новое на Сечи, все перемерли старые товарищи. Ни одного из тех, которые стояли за правое дело, за веру и братство. И те, которые отправились с кошевым в угон за татарами, и тех уже не было давно: все положили головы, все сгибли — кто положив на самом бою честную голову, кто от безводья и бескормья среди крымских солончаков, кто в плену пропал, не вынеся позора; и самого прежнего кошевого уже давно не было на свете, и никого из старых товарищей; и уже давно поросла травой когда-то кипевшая козацкая сила. Слышал он только, что был пир, сильный, шумный пир: вся перебита вдребезги посуда; нигде не осталось вина ни капли, расхитили гости и слуги все дорогие кубки и сосуды, — и смутный стоит хозяин дома, думая: «Лучше б и не было того пира». Напрасно старались занять и развеселить Тараса; напрасно бородатые, седые бандуристы, проходя по два и по три, расслабляли его козацкие подвиги. Сурово и равнодушно глядел он на все, и на неподвижном лице его выступала неугасимая горесть, и, тихо понурив голову, говорил он: «Сын мой! Остап мой!»

Запорожцы собирались на морскую экспедицию. <...> Но все это уже не занимало Тараса. Он уходил в луга и степи, будто бы за охотой, но заряд его оставался невыстрелянным. И, положив ружье, полный тоски, садился он на морской берег. Долго сидел он там, понурив голову и все говоря: «Остап мой! Остап мой!» Перед ним сверкало и расстилалось Черное море; в дальнем тростнике кричала чайка; белый ус его серебрился, и слеза капала одна за другою.

И не выдержал наконец Тарас. «Что бы ни было, пойду разведать, что он: жив ли он? в могиле? или уже и в самой могиле нет его? Разведаю во что бы то ни стало!» И через неделю уже очутился он в городе Умани, вооруженный, на коне, с копьём, саблей, дорожной баклагой у седла, походным горшком с саламатой, пороховыми патронами, лошадиными путами и прочим снарядам. Он прямо подъехал к нечистому, запачкан-

¹ *Высмыкать* — здесь: выклеивать.

ному домишке, у которого небольшие окошки едва были видны, закопченные неизвестно чем; труба заткнута была тряпкою, и дырявая крыша вся была покрыта воробьями. Куча всякого сору лежала пред самыми дверьми. Из окна выглядывала голова жида, в чепце с потемневшими жемчугами.

— Муж дома? — сказал Бульба, слезая с коня и привязывая повод к железному крючку, бывшему у самых дверей.

— Дома, — сказала жидовка и поспешила тот же час выйти с пшеницей в корчике для коня и стопой пива для рыцаря.

— Где же твой жид?

— Он в другой светлице молится, — проговорила жидовка, кланяясь и пожелав здоровья в то время, когда Бульба поднес к губам стопу.

— Оставайся здесь, накорми и напои моего коня, а я пойду поговорю с ним один. У меня до него дело.

Этот жид был известный Янкель. <...>

— Слушай, Янкель! — сказал Тарас жиду, который начал перед ним кланяться и запер осторожно дверь, чтобы их не видели. — Я спас твою жизнь, — тебя бы разорвали, как собаку, запорожцы; теперь твоя очередь, теперь сделай мне услугу!

Лицо жида несколько поморщилось.

— Какую услугу? Если такая услуга, что можно сделать, то для чего не сделать?

— Не говори ничего. Вези меня в Варшаву.

— В Варшаву? Как в Варшаву? — сказал Янкель. Брови и плечи его поднялись вверх от изумления.

— Не говори мне ничего. Вези меня в Варшаву. Что бы ни было, а я хочу еще раз увидеть его, сказать ему хоть одно слово.

— Кому сказать слово?

— Ему, Остапу, сыну моему.

— Разве пан не слышал, что уже...

— Знаю, знаю все: за мою голову дают две тысячи червонных. Знают же, они, дурни, цену ей! Я тебе пять тысяч дам. Вот тебе две тысячи сейчас, — Бульба высыпал из кожаного гамана две тысячи червонных, — а остальные — как ворочусь. <...>

— Я бы не просил тебя. Я бы сам, может быть, нашел дорогу в Варшаву; но меня могут как-нибудь узнать и захватить проклятые ляхи, ибо я не горазд на выдумки. А вы, жида, на то уже и созданы. Вы хоть черта проведете; вы знаете все штуки; вот для чего я пришел к тебе! Да и в Варшаве я бы сам собою ничего не получил. Сейчас запрягай воз и вези меня!

— А пан думает, что так прямо взял кобылу, запряг, да и «эй, ну пошел, сивка!». Думает пан, что можно так, как есть, не спрятавши, везти пана?

— Ну, так прятать, прятать как знаешь; в порожнюю бочку, что ли?

— Ай, ай! А пан думает, разве можно спрятать его в бочку? Пан разве не знает, что всякий подумает, что в бочке горелка?

— Ну, так и пусть думает, что горелка.

— Как пусть думает, что горелка? — сказал жид и схватил себя обеими руками за пейсики и потом поднял кверху обе руки.

— Ну, что же ты так оторопел?

— А пан разве не знает, что Бог на то создал горелку, чтобы ее всякий пробовал! Там всё лакомки, ласуны¹: шляхтич будет бежать верст пять за бочкой, продолбит как раз дырочку, тотчас увидит, что не течет, и скажет: «Жид не повезет порожнюю бочку; верно, тут есть что-нибудь. Схватить жида, связать жида, отобрать все деньги у жида, посадить в тюрьму жида!» Потому что все, что ни есть недоброго, все валится на жида; потому что жида всякий принимает за собаку; потому что думают, уж и не человек, коли жид.

— Ну, так положи меня в воз с рыбою!

— Не можно, пан; ей-богу, не можно. По всей Польше люди голодны теперь, как собаки: и рыбу раскрадут, и пана нащупают.

— Так вези меня хоть на черте, только вези!

— Слушай, слушай, пан! — сказал жид, посунувши обшлага рукавов своих и подходя к нему с растопыренными руками. — Вот что мы сделаем. Теперь строят везде крепости и замки; из Неметчины приехали французские инженеры, а потому по дорогам везут много кирпичу и камней. Пан пусть ляжет на дне воза, а верх я закладу кирпичом. Пан здоровый и крепкий с виду, и потому ему ничего, коли будет тяжеленко; а я сделаю в возу снизу дырочку, чтобы кормить пана.

— Делай как хочешь, только вези!

И через час воз с кирпичом выехал из Умани. <...>

XI

<...> Площадь, на которой долженствовала производиться казнь, нетрудно было отыскать: народ валил туда со всех сторон. В тогдашний грубый век это составляло одно из

¹ Ласу́н — сладкоежка.

занимательнейших зрелищ не только для черни, но и для высших классов. <...> Толпа вдруг зашумела, и со всех сторон раздались голоса: «Ведут... ведут!.. козаки!..»

Они шли с открытыми головами, с длинными чубами; бороды у них были отпущены. Они шли не боязливо, не угрюмо, но с какою-то тихою горделивостью; их платья из дорогого сукна износились и болтались на них ветхими лоскутьями; они не глядели и не кланялись народу. Впереди всех шел Остап.

Что почувствовал старый Тарас, когда увидел своего Остапа? Что было тогда в его сердце? Он глядел на него из толпы и не проронил ни одного движения его. Они приблизились уже к лобному месту. Остап остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжелую чашу. Он глянул на своих, поднял руку вверх и произнес громко:

— Дай же, Боже, чтобы все, какие тут ни стоят еретики, не услышали, нечестивые, как мучится христианин! чтобы ни один из нас не промолвил ни одного слова!

После этого он приблизился к эшафоту.

— Добре, сынку, добре! — сказал тихо Бульба и уставил в землю свою седую голову.

Палач сдернул с него ветхие лохмотья; ему увязали руки и ноги в нарочно сделанные станки, и... Не будем смущать читателей картиною адских мук, от которых дыбом поднялись бы их волосы. Они были порождение тогдашнего грубого, свирепого века, когда человек вел еще кровавую жизнь одних воинских подвигов и закалился в ней душою, не чуя человечества. <...> Остап выносил терзания и пытки, как исполин. Ни крика, ни стону не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на руках и ногах кости, когда ужасный хряск их слышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями, когда панянки отворотили глаза свои, — ничто, похожее на стон, не вырвалось из уст его, не дрогнулось лицо его. Тарас стоял в толпе, потупив голову и в то же время гордо приподняв очи, и одобрительно только говорил: «Добре, сынку, добре!»

Но когда подвели его к последним смертным мукам, — казалось, как будто стала подаваться его сила. И повел он очами вокруг себя: Боже, всё неведомые, всё чужие лица! Хоть бы кто-нибудь из близких присутствовал при его смерти! Он не хотел бы слышать рыданий и сокрушения слабой матери или безумных воплей супруги, исторгающей волосы и бьющей себя в белые груди; хотел бы он теперь увидеть твердого мужа, который бы разумным словом освежил его и утешил при кончине. И упал он силою и воскликнул в душевной немощи:

— Батько! где ты! Слышишь ли ты?

— Слышу! — раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллион народа в одно время вздрогнул.

Часть военных всадников бросилась заботливо рассматривать толпы народа. Янкель побледнел как смерть, и когда всадники немного отделились от него, он со страхом оборотился назад, чтобы взглянуть на Тараса; но Тараса уже возле него не было: его и след простыл.

ХII

Отыскался след Тарасов. Сто двадцать тысяч козацкого войска показалось на границах Украины. Это уже не была какая-нибудь малая часть или отряд, выступивший на добычу или на угон за татарами. Нет, поднялась вся нация, ибо переполнилось терпение народа. <...>

А что же Тарас? А Тарас гулял по всей Польше с своим полком, выжег восемнадцать местечек, близ сорока костелов и уже доходил до Кракова. Много избил он всякой шляхты, разграбил богатейшие земли и лучшие замки; распечатали и поразливали по земле козаки вековые меды и вина, сохранно сберегавшиеся в панских погребах; изрубили и пережгли дорогие сукна, одежды и утвари, находимые в кладовых. «Ничего не жалейте!» — повторял только Тарас. <...> И такие поминки по Остапе отправлял он в каждом селении, пока польское правительство не увидело, что поступки Тараса были побольше, чем обыкновенное разбойничество, и <...> Потоцкому поручено было с пятью полками поймать непременно Тараса.

Шесть дней уходили козаки проселочными дорогами от всех преследований; едва выносили кони необыкновенное бегство и спасали козаков. Но Потоцкий на сей раз был достоин возложенного поручения; неутомимо преследовал он их и настиг на берегу Днестра, где Бульба занял для роздыха оставленную развалившуюся крепость.

Над самой кручей у Днестра-реки виднелась она своим оборванным валом и своими развалившимися останками стен. Щебнем и разбитым кирпичом усеяна была верхушка утеса, готовая всякую минуту сорваться и слететь вниз. Тут-то, с двух сторон, прилегающих к полю, обступил его коронный гетьман Потоцкий. Четыре дни бились и боролись козаки, отбиваясь кирпичами и камнями. Но истощились запасы и силы, и решился Тарас пробиться сквозь ряды. И пробился было уже

козаки, и, может быть, еще раз послужили бы им верно быстрые кони, как вдруг среди самого бегу остановился Тарас и вскрикнул: «Стой! выпала люлька с табаком; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьим ляхам!» И нагнулся старый атаман и стал отыскивать в траве свою люльку с табаком, неотлучную спутницу на морях, и на суше, и в походах, и дома. А тем временем набежала вдруг ватага и схватила его под могучие плечи. Двинулся было он всеми членами, но уже не посыпались на землю, как бывало прежде, схватившие его гайдуки¹. «Эх, старость, старость!» — сказал он, и заплакал дебелий² старый козак. Но не старость была виною: сила одолела силу. Мало не тридцать человек повисло у него по рукам и по ногам. «Попалась ворона! — кричали ляхи. — Теперь нужно только придумать, какую бы ему, собаке, лучшую честь воздать». И присудили, с гетьманского позволения, спечь его живого в виду всех. Тут же стояло нагое дерево, вершину которого разбило громом. Притянули его железными цепями к древесному стволу, гвоздем прибили ему руки и, приподняв его повыше, чтобы отовсюду был виден козак, принялись тут же раскладывать под деревом костер. Но не на костер глядел Тарас, не об огне он думал, которым собирались жечь его; глядел он, сердечный, в ту сторону, где отстреливались козаки: ему с высоты все было видно как на ладони.

— Занимайте, хлопцы, занимайте скорее, — кричал он, — горку, что за лесом: туда не подступят они!

Но ветер не донес его слов.

— Вот, пропадут, пропадут ни за что! — говорил он отчаянно и взглянул вниз, где сверкал Днестр. Радость блеснула в очах его. Он увидел выдвинувшиеся из-за кустарника четыре кормы, собрал всю силу голоса и зычно закричал:

— К берегу! к берегу, хлопцы! Спускайтесь подгорной дорожкой, что налево. У берега стоят челны, все забирайте, чтобы не было погони!

На этот раз ветер дунул с другой стороны, и все слова были услышаны козаками. Но за такой совет достался ему тут же удар обухом по голове, который перевернул все в глазах его.

Пустились козаки во всю прыть подгорной дорожкой; а уж погоня за плечами. Видят: путается и загибается дорожка и много дает в сторону извивов. «А, товарищи! не куды пошло!» — сказали все, остановились на миг, подняли свои нагайки,

свистнули — и татарские их кони, отделившись от земли, распластавшись в воздухе, как змеи, перелетели через пропасть и бултыхнули прямо в Днестр. Двое только не достали до реки, грянулись с вышины об камень, пропали там навеки с конями, даже не успевши издать крика. А козаки уже плыли с конями в реке и отвязывали челны. Остановились ляхи над пропастью, дивясь неслыханному козацкому делу и думая: прыгать ли им или нет? Один молодой полковник, живая, горячая кровь, родной брат прекрасной полячки, обворожившей бедного Андрия, не подумал долго и бросился со всех сил с конем за козаками: перевернулся три раза в воздухе с конем своим и прямо грянулся на острые утесы. В куски изорвали его острые камни, пропавшего среди пропасти, и мозг его, смешавшись с кровью, обрызгал росшие по неровным стенам провала кусты.

Когда очнулся Тарас Бульба от удара и глянул на Днестр, уже козаки были на челнах и гребли веслами; пули сыпались на них сверху, но не доставали. И вспыхнули радостные очи у старого атамана.

— Прощайте, товарищи! — кричал он им сверху. — Вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь да хорошенько погуляйте! Что, взяли, чертовы ляхи? Думаете, есть что-нибудь на свете, чего бы побоялся козак? Постойте же, придет время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера! Уже и теперь чуют дальние и близкие народы: подымается из Русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!..

А уже огонь подымался над костром, захватывал его ноги и разостлался пламенем по дереву... Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!

Немалая река Днестр, и много на ней заводьев, речных густых камышей, отмелей и глубоководных мест; блестит речное зеркало, оглашенное звонким ячаньем¹ лебедей, и гордый гоголь² быстро несется по нем, и много куликов, краснозобых курухтанов³ и всяких иных птиц в тростниках и на побережьях. Козаки живо плыли на узких двухрульных челнах, дружно гребли веслами, осторожно минули отмели, всполашивая подымавшихся птиц, и говорили про своего атамана.

¹ Ячанье — стон, жалобный крик лебедей.

² Гоголь — птица из семейства утиных.

³ Курухтан — болотная птица.

¹ Гайдуки — легковооруженные пехотинцы.

² Дебелий — крепкий, большой, грузный.

1. Назовите эпизоды повести, которые вызвали у вас наиболее сильное сопереживание ее героям, заставили задуматься о «трудном и бранном времени», изображенном писателем.

2. Перечитайте страницы, где Тарас Бульба нарисован в кругу семьи. Укажите черты характера героя, которые вы отметили, читая этот эпизод. Какую характеристику Тарасу дает автор?

3. Какими красками писатель рисует степь в разное время суток? Почему обращает внимание на ее бескрайние, вольные просторы?

4. Рассмотрите на цветной вклейке репродукцию картины Александра Павловича Бубнова «Тарас и его сыновья в степи». Подберите из текста повести отрывок, перекликающийся с картиной А. П. Бубнова. Попробуйте определить, где на картине художник изобразил Остапа, а где — Андрия. Почему вы так думаете?

5. Расскажите о нравах и обычаях Запорожской Сечи (предварительно составьте план своего рассказа). Чем гордился Тарас, наблюдая за своими сыновьями? Как характеризуют его эти чувства?

6. Перечитайте главу VI (Андрий у панночки). Сопоставьте слова Андрия: «Кто сказал, что моя отчизна Украина? <...> Отчизна моя — ты! <...> И всё, что ни есть, продам, отдам, погублю за такую отчизну!...» — со словами Тараса: «Так продать? продать веру? продать своих? Стой же, слезай с коня...» Прав ли, по-вашему, отец, решаясь убить сына? Чем отличается отношение Тараса к писателю к Андрию (внимательно прочитайте и обдумайте слова Гоголя в конце главы VI от слов «И погиб козак!»)? Чем можно объяснить это различие?

7. Сравните запорожцев с польскими вояками (глава VII), составьте план своего ответа. Обратите внимание на отношение писателя к тем и другим и на сцены, пронизанные чувством юмора.

8. Какие слова запомнились вам из речи Тараса о товариществе? Что означает в его понимании родство не по крови, а по душе? Как эта речь повлияла на запорожцев?

9. Проследите, как Гоголь рисует второе сражение под Дубном. Что объединяет запорожцев? С какими словами они погибают?

10. Рассмотрите на цветной вклейке репродукцию картины Петра Петровича Соколова «Тарас над телом убитого им Андрия». Какие чувства владеют Тарасом? Почему художник намеренно уходит от изображения битвы, давая ее лишь в качестве фона картины?

11. Что изменилось в характере, поведении и внешности Тараса после битвы под Дубном, смерти Андрия и пленения Остапа? Чем потрясает последняя встреча Тараса с Остапом?

12. Можно ли объяснить действия Тараса в последней главе повести только чувством мести за смерть Остапа? Как Гоголь рисует последние минуты жизни Тараса, создавая величественный образ защитника родной земли? Какого былинного богатыря напоминает Тарас?

13. Рассмотрите иллюстрации художника В. Кибрика к повести «Тарас Бульба». Как он передал непреклонную волю и героизм

Тараса, а на другом рисунке — его скорбь и одиночество? Как выразил различия в характерах братьев?

14. Выучите наизусть понравившийся вам отрывок из повести.

ХАРАКТЕР ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ

Характер литературного героя — это совокупность его внутренних, душевных качеств, которые проявляются в мыслях, чувствах, поведении, поступках, во взаимоотношениях с другими людьми, в отношении к миру. Неслучайно М. Горький назвал литературу «искусством создания характеров».

Большое значение для понимания характера героя имеют описания его внешности, жестов, одежды, манеры говорить, обстановки, его окружающей. Например, убранство светлицы Тараса Бульбы не только знакомит читателя с бытом казачьей семьи прошедших веков, но и характеризует ее владельца как сурового воина. А его речь, обращенная к сыновьям, свидетельствует о решительности, непреклонности воли, даже грубоватости человека, привыкшего проводить жизнь в военных походах, вдали от семьи: «Ваша нежба — чистое поле да добрый конь: вот ваша нежба! А видите вот эту саблю? Вот ваша мать!»

Переживания героя, его думы, чувства либо описываются автором, либо раскрываются в речи самого героя, обращенной к себе (внутренний монолог) или к другим людям.

Вспомним Тараса, потерявшего сыновей: «Он уходил в луга и степи, будто бы за охотой, но заряд его оставался невыстреленным. И, положив ружье, полный тоски, садился он на морской берег. Долго сидел он там, понурив голову и все говоря: «Остап мой, Остап мой!» Перед ним сверкало и расстилалось Черное море, в дальнем тростнике кричала чайка; белый ус его серебрился, и слеза капала одна за другой. И не выдержал наконец Тарас. «Что бы ни было, пойду разведать, что он: жив ли он? в могиле? или уже и в самой могиле нет его? Разведаю во что бы то ни стало!»» Здесь описание переживаний героя сочетается с его прямой речью.

В раскрытии характеров действующих лиц большую роль играет авторская оценка их поведения и поступков, выражаемая с помощью разных форм поэтической речи (эпитетов, метафор, сравнений). Например, стремительность и точность удара Остапа по врагу сравниваются с ударом ястреба, высмотревшего добычу.

Нередко автор непосредственно от себя дает развернутую характеристику героя. С такой авторской характеристикой Тараса мы встречаемся в первой главе повести.

1. Покажите, как в описании светелки Тараса Бульбы проявляется характер ее хозяина.

2. Выберите один из понравившихся вам эпизодов повести и определите, как, с помощью каких художественных средств писатель раскрывает характер героя (или героев). Для выполнения задания можно разбиться на группы: каждая группа работает над выбранным ей эпизодом.

Пишем сочинение

Сочинение (устное или письменное) о характере литературного героя называется *характеристикой*.

Чтобы подготовить такую характеристику, необходимо:

1. Продумать тему сочинения, сформулировать мысли, которые вы будете развивать и доказывать в нем.

2. В соответствии с темой сочинения отобрать эпизоды, главы, отрывки из произведения и внимательно перечитать их. Например, если вы решили писать (или готовить устное) сочинение на тему «Тарас Бульба в семье и в боях», вам следовало бы перечитать отдельные страницы из I, VI—XII глав повести. Если вы остановитесь на теме «Тарас Бульба — предводитель и товарищ запорожцев», надо сосредоточить внимание на главах II, VIII, IX, XII.

3. Выделить главные качества (черты характера) героя, которые раскрываются на отобранных страницах.

4. Составить план сочинения, определив, о каких качествах героя вы будете говорить (писать) сначала, о каких — позднее, о каких — подробнее, о каких — более бегло.

5. Каждую мысль о герое, об особенностях его характера подкреплять убедительными примерами (примером). При этом нужно обращать внимание на то, как писатель создает у читателя представление о характере героя.

6. В конце сочинения сделайте выводы о том, что вы доказывали и что доказали.

Если мы пишем *сравнительную характеристику* героев, то обращаем внимание на общее и различное между ними. Например, предлагается тема «Сыновья Тараса Бульбы». К такому сочинению возможен следующий план:

- внешний облик героев;
- учение в бурсе;
- отношение к отцу и матери;
- особенности характеров братьев, сформированные в Запорожской Сечи;
- поведение в бою и перед лицом смерти. Героизм одного и предательство другого;
- авторская оценка Остапа и Андрия и средства выражения этой оценки;
- ваша оценка братьев и ваши мысли об их судьбе.

Сочинение будет тем убедительнее и интереснее, чем больше оно опирается на примеры, почерпнутые из текста произведения.

Приведенные здесь планы сочинений — это не закон, подлежащий неукоснительному исполнению. Это лишь ориентир в вашей работе, облегчающий путь к самостоятельности суждений и выводов. А такая самостоятельность — важный результат учения.

Напишите (или подготовьте устное) сочинение на одну из названных тем: «Тарас Бульба в семье и боях», «Тарас Бульба — предводитель и товарищ запорожцев», «Сыновья Тараса Бульбы». План к последнему сочинению можете взять из учебника-хрестоматии или составить самостоятельно.

С рисунка Е. Кибрика

Приглашаем в библиотеку

Прочитайте повести Гоголя «Старосветские помещики» или «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Обе они, как и повесть «Тарас Бульба», включены в сборник «Миргород». Подумайте, что отличает выбранное вами произведение от повести «Тарас Бульба» (каковы герои, их образ жизни и мыслей, их интересы, поведение, поступки; изображение природы, пространства, на котором развиваются события; финал повести). Почему жизнь, изображенная Гоголем в одной из этих повестей, привела его к мысли: «Скучно на этом свете, господа!»?

Александр Сергеевич ПУШКИН

(1799—1837)

Сильна ли Русь? Война, и мор,
И бунт, и внешних бурь напор
Ее, беснуясь, потрясали —
Смотрите ж: все стоит она!

А. С. Пушкин.
«Бородинская годовщина»

История Родины никогда не была для Александра Сергеевича Пушкина только страницами учебника. Он всегда чувствовал ее живое дыхание и был современником незабываемых событий из жизни своей страны. Это и Отечественная война с Наполеоном, и радостное возвращение русской армии из Парижа, и восстание декабристов.

Пушкина привлекали в прошлом России не только драматические и переломные моменты, но и сильные характеры, яркие личности, оставившие след в истории отечества: вещей Олег, Борис Годунов, М. И. Кутузов, Степан Разин, Емельян Пугачев и многие другие. Однако первое место в творчестве Пушкина занимает могучая фигура Петра I как государственного и военного деятеля. Не менее, чем личность этого царя, интересовали поэта отношения между людьми в эпоху его правления, когда особую ценность приобретала не родовитость, не знатность происхождения, а готовность участвовать в созидании новой России, мощного государства. Эти интересы Пушкина нашли отражение в романе «Арап Петра Великого», поэмах «Полтава» и «Медный всадник», в ряде стихотворений. К сожалению, его большой исторический труд о Петре остался незаконченным.

Прочитаем поэму «Полтава». Она написана в 1828 году.

В своем произведении Пушкин обращается к славным страницам истории нашей родины. Смело и широко он рисует Полтавскую битву, от исхода которой зависело существование

России как самостоятельного государства. Шведский король Карл XII, много лет воевавший с Россией, мечтал свергнуть Петра, уничтожить регулярное русское войско и разделить нашу страну на малые княжества. Значение Полтавского сражения, состоявшегося 27 июня 1709 года, в том, что оно сохранило свободу и национальную независимость государства. Вот как писал об этом А. С. Пушкин в предисловии к первому изданию поэмы:

«Полтавская битва есть одно из самых важных и самых счастливых происшествий царствования Петра Великого. Она избавила его от опаснейшего врага; утвердила русское владычество на юге; обеспечила новые заведения на севере и доказала государству успех и необходимость преобразования, совершаемого царем.

Ошибка шведского короля вошла в пословицу¹. Его упрекают в неосторожности, находят его поход на Украину безрассудным. <...> Карл, однако ж, сим походом избегнул славной ошибки Наполеона: он не пошел на Москву. И мог ли он ожидать, что Малороссия, всегда беспокойная, не будет увлечена примером своего гетмана² и не возмутится противу недавнего владычества Петра, что Левенгаупт³ три дня сряду будет разбит, что наконец 25 тысяч шведов, предводительствуемых своим королем, побегут перед нарвскими беглецами⁴? Сам Петр долго колебался, избегая главного сражения, *яко зело опасного дела*. В сем походе Карл XII менее, нежели когда-нибудь, вверялся своему счастью; оно уступило гению Петра.

Мазепа есть одно из самых замечательных лиц той эпохи. <...> История представляет его честолюбцем⁵, закоренелым в коварстве и злодеяниях, клеветником Самойловича⁶, своего благодетеля, губителем отца⁷ несчастной своей любовницы,

¹ Погиб (или пропал), как швед под Полтавой! — так говорят о чьем-либо сокрушительном поражении, полной неудаче.

² Гетман — имеется в виду Мазепа Иван Степанович, изменивший Петру I и России.

³ Левенгаупт — граф, шведский генерал. В Полтавском сражении командовал пехотой.

⁴ Нарвские беглецы — русская армия, разбитая шведским королем Карлом XII под Нарвой в 1700 году. Восемь лет потратил Петр на организацию и обучение армии.

⁵ Честолюбец — тот, кто жаждет славы, почета.

⁶ Самойлович Иван Самойлович — гетман Украины. В 1687 году был сослан в Сибирь, и гетманом стал Мазепа.

⁷ Имеется в виду казенный Мазепой Василий Леонтьевич Кочубей — генеральный судья. Имел несколько дочерей. Та, которая здесь упоминается, звалась Матреной, в поэме А. С. Пушкина — Марией.

изменником Петра перед его победою, предателем Карла после его поражения: память его, преданная церкви анафеме¹, не может избежать и проклятия человечества».

Работая над поэмой, Пушкин обращался к историческим источникам, а также к молдавским преданиям, народным украинским песням и думам. Произведения фольклора привлекали Пушкина своей удивительной поэтичностью, выразительностью языка, глубиной чувств и яркостью картин. При чтении поэмы вы почувствуете влияние народных песен, сказочных мотивов на содержание и характер изображения персонажей.

В поэме «Полтава» на первый план выступает историческая тема. Однако автора волновали и другие события Петровской эпохи. В заметке о поэме он пишет об этом: «Прочитав в первый раз в «Войнаровском»² стихи:

Жену страдальца Кочубея
И обольщенную им дочь, —

я изумился, как мог поэт пройти мимо столь страшного обстоятельства».

?

Почему Пушкина интересовала история России, в частности Полтавская битва и роль в ней Петра I?

¹ Анафема — церковное проклятие, отлучение от церкви.

² «Войнаровский» — поэма К. Ф. Рыльева. В этой поэме, как и в «Полтаве», изображен И. С. Мазепа. Андрей Войнаровский — племянник Мазепы.

ПОЛТАВА

The power and glory of the war,
Faithless as their vain votaries, men,
Had pass'd to the triumphant Czar.

Byron¹

ПОСВЯЩЕНИЕ²

Тебе — но голос музы темной
Коснется ль уха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвящение поэта,
Как некогда его любовь,
Перед тобою без ответа
Пройдет, непризнанное вновь?

Узнай, по крайней мере, звуки,
Бывало, милые тебе —
И думай, что во дни разлуки,
В моей изменчивой судьбе,
Твоя печальная пустыня,
Последний звук твоих речей —
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Богат и славен Кочубей.
Его луга необозримы;
Там табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы.
Кругом Полтавы хутора
Окружены его садами,
И много у него добра,

¹ Мощь и слава войны, / Как и люди, их суетные поклонники, / Перешли на сторону торжествующего царя. Байрон (Из поэмы «Мазепа»).

² Посвящение обращено к Марии Волконской, дочери генерала Н. Н. Раевского (героя войны 1812 года), которая последовала за своим мужем-декабристом в сибирскую ссылку.

Мехов, атласа, серебра
И на виду и под замками.
Но Кочубей богат и горд
Не долгогривыми конями,
Не златом, данью крымских орд,
Не родовыми хуторами,
Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей.

И то сказать: в Полтаве нет
Красавицы, Марии равной.
Она свежа, как вешний цвет,
Взлелеянный в тени дубравной.
Как тополь киевских высот,
Она стройна. Ее движенья
То лебедя пустынных вод
Напоминают плавный ход,
То лани быстрые стремленья.
Как пена, грудь ее бела.
Вокруг высокого чела,
Как тучи, локоны чернеют.
Звездой блестят ее глаза;
Ее уста, как роза, рдеют.
Но не единая краса
(Мгновенный цвет!) молвою шумной
В молодой Марии почтена:
Везде прославилась она
Девницей скромной и разумной.
Зато завидных женихов
Ей шлет Украина и Россия;
Но от венца, как от оков,
Бежит пугливая Мария.
Всем женихам отказ — и вот
За ней сам гетман сватов шлет¹.

Он стар. Он удручен годами,
Войной, заботами, трудами;
Но чувства в нем кипят, и вновь
Мазепа ведает любовь.

Мгновенно сердце молодое
Горит и гаснет. В нем любовь

¹ Мазепа в самом деле сватал свою крестницу, но ему отказали. —
Прим. А. С. Пушкина.

Проходит и приходит вновь,
В нем чувство каждый день иное:
Не столь послушно, не слегка,
Не столь мгновенными страстями
Пылает сердце старика,
Окаменелое годами.
Упорно, медленно оно
В огне страстей раскалено;
Но поздний жар уж не остынет
И с жизнью лишь его покинет.

Не серна под утес уходит,
Орла послыша тяжкий лёт;
Одна в сених невеста бродит,
Трепещет и решенья ждет.

И, вся полна негодованьем,
К ней мать идет и, с содроганьем
Схватив ей руку, говорит:
«Бесстыдный! старец нечестивый!
Возможно ль?.. нет, пока мы живы,
Нет! он греха не совершит.
Он, должный быть отцом и другом
Невинной крестницы своей...
Безумец! на закате дней
Он вздумал быть ее супругом».
Мария вздрогнула. Лицо
Покрыла бледность гробовая,
И, охладев как неживая,
Упала дева на крыльцо.

Она опомнилась, но снова
Закрывает очи — и ни слова
Не говорит. Отец и мать
Ей сердце ищут успокоить,
Боязнь и горесть разогнать,
Тревогу смутных дум устроить...
Напрасно. Целые два дня,
То молча плача, то стена,
Мария не пила, не ела,
Шатаясь, бледная как тень,
Не зная сна. На третий день
Ее светлица опустела.

Никто не знал, когда и как
Она сокрылась. Лишь рыбак
Той ночью слышал конский топот,
Казачью речь и женский шепот,
И утром след осьми подков
Был виден на росе лугов.

Не только первый пух ланит¹
Да русы кудри молодые,
Порой и старца строгий вид,
Рубцы чела, власы седые
В воображение красоты
Влагают страстные мечты.

И вскоре слуха Кочубея
Коснулась роковая весть:
Она забыла стыд и честь,
Она в объятиях злодея!
Какой позор! Отец и мать
Молву не смеют понимать.
Тогда лишь истина явилась
С своей ужасной наготой.
Тогда лишь только объяснилась
Душа преступницы молодой.
Тогда лишь только стало явно,
Зачем бежала своею правдою
Она семейственных оков,
Томила тайно, воздыхала
И на приветы женихов
Молчаньем гордым отвечала;
Зачем так тихо за столом
Она лишь гетману внимала,
Когда беседа ликовала
И чаша пенилась вином;
Зачем она всегда певала
Те песни, кои он слагал²,
Когда он беден был и мал,
Когда молва его не знала;
Зачем с неженскою душой
Она любила конный строй,

¹ Ланиты — щеки.

² Предание приписывает Мазепе несколько песен, доныне сохранившихся в памяти народной. — Прим. А. С. Пушкина.

И бранный звон литавр, и клики
Пред бунчуком и булавою
Малороссийского владыки...¹

Богат и знатен Кочубей.
Довольно у него друзей.
Свою омыть он может славу.
Он может возмутить Полтаву;
Внезапно среди его дворца
Он может мщением отца
Постигнуть гордого злодея;
Он может верною рукой
Вонзить... но замысел иной
Волнует сердце Кочубея.

Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.
Суровый был в науке славы
Ей дан учитель: не один
Урок нежданный и кровавый
Задал ей шведский паладин².
Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Венчанный славой бесполезной,
Отважный Карл скользил над бездной.
Он шел на древнюю Москву,
Взметая русские дружины,
Как вихорь гонит прах долины
И клонит пыльную траву.
Он шел путем, где след оставил
В дни наши новый, сильный враг,
Когда падением ославил
Муж рока³ свой попятный шаг.

¹ Бунчук и булава — знаки гетманского достоинства. — Прим. А. С. Пушкина. Бунчук — длинное древко с шаром или острием на конце, с прядями из конских волос и кистями; булава — старинное оружие в виде тяжелой каменной или металлической головки на рукояти.

² Шведский паладин (паладин — рыцарь) — шведский король Карл XII.

³ Муж рока — Наполеон.

Украина глухо волновалась.
Давно в ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны,
Роптали, требуя кичливо,
Чтоб гетман узы их расторг,
И Карла ждал нетерпеливо
Их легкомысленный восторг.
Вокруг Мазепы раздавался
Мятежный крик: пора, пора!
Но старый гетман оставался
Послушным подданным Петра.
Храня суровость обычайну,
Спокойно ведал он Украину,
Молве, казалось, не внимал
И равнодушно пировал.

«Что ж гетман? — юноши твердили, —
Он изнемог; он слишком стар;
Труды и годы угасили
В нем прежний, деятельный жар.
Зачем дрожащею рукою
Еще он носит булаву?
Теперь бы грянуть нам войною
На ненавистную Москву!
Когда бы старый Дорошенко¹,
Иль Самойлович молодой,
Иль наш Палей², иль Гордеенко³
Владели силой войсковой,
Тогда б в снегах чужбины дальной
Не погибали казаки,
И Малороссии печальной
Освобождались уж полки»⁴.

¹ Дорошénко Михаил — один из героев древней Малороссии, непримиримый враг русского владычества. — *Прим. А. С. Пушкина.*

² Палéй Симеон — хвастовский полковник, славный наездник. За своевольные набеги сослан был в Енисейск по жалобам Мазепы. Когда последний оказался изменником, то и Палей, как закоренелый враг его, был возвращен из ссылки и находился в Полтавском сражении. — *Прим. А. С. Пушкина.*

³ Гордeéнкo Костя — кошевой атаман запорожских казаков. Впоследствии передан Карлу XII. Взят в плен и казнен в 1708 году. — *Прим. А. С. Пушкина.*

⁴ 20 000 казаков было послано в Лифляндию. — *Прим. А. С. Пушкина.* (Лифляндия — северная часть Латвии.)

Так, своеволием пылая,
Роптала юность удалая,
Опасных алча перемен,
Забыв отчизны давний плен,
Богдана¹ счастливые споры,
Святые брани, договоры
И славу дедовских времен.
Но старость ходит осторожно
И подозрительно глядит.
Чего нельзя и что возможно,
Еще не вдруг она решит.
Кто снидет в глубину морскую,
Покрытую недвижно льдом?
Кто испытующим умом
Проникнет бездну роковую
Души коварной? Думы в ней,
Плоды подавленных страстей,
Лежат погружены глубоко,
И замысел давнишних дней,
Быть может, зреет одиноко.
Как знать? Но чем Мазена злей,
Чем сердце в нем хитрей и ложней,
Тем с виду он неосторожней
И в обхождении простей.
Как он умеет самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужие тайны разрешать!
С какой доверчивостью лживой,
Как добродушно на пирах
Со старцами старик болтливый
Жалеет он о прошлых днях,
Свободу славит с своевольным,
Поносит власти с недовольным,
С ожесточенным слезы льет,
С глупцом разумну речь ведет!
Не многим, может быть, известно,
Что дух его неукротим,
Что рад и честно и бесчестно
Вредить он недругам своим;

¹ Хмельни́цкий Богдан — украинский гетман, боровшийся в XVII веке против притязаний Польши на Украину.

Что ни единой он обиды,
С тех пор как жив, не забывал,
Что далеко преступны виды
Старик надменный простирает;
Что он не ведает святыни,
Что он не помнит благостыни,
Что он не любит ничего,
Что кровь готов он лить, как воду,
Что презирает он свободу,
Что нет отчизны для него.

Издавна умысел ужасный
Взлелеял тайно злой старик
В душе своей. Но взор опасный,
Враждебный взор его проник.

«Нет, дерзкий хищник, нет, губитель! —
Скрежеща мыслит Кочубей, —
Я пощажу твою обитель,
Темницу дочери моей;
Ты не истлешь средь пожара,
Ты не издохнешь от удара
Казачьей сабли. Нет, злодей,
В руках московских палачей,
В крови, при тщетных отрицаньях,
На дыбе¹, корчась в истязаньях,
Ты проклянешь и день, и час,
Когда ты дочь крестил у нас,
И пир, на коем чести чашу
Тебе я полною наливал,
И ночь, когда голубку нашу
Ты, старый коршун, заклевал!..»

Так! было время: с Кочубеем
Был друг Мазепа; в оны дни,
Как солью, хлебом и елеем²,
Делились чувствами они.
Их кони по полям победы
Скакали рядом сквозь огни;
Нередко долгие беседы

¹ *Дыба* — перекладина или блок с перекинутой через него веревкой, орудие пытки. «Вздернуть на дыбе» — повесить за руки, связанные за спиной.

² *Елей* — освященное масло, употребляемое в церковном обиходе.

Наедине вели они —
Пред Кочубеем гетман скрытный
Души мятежной, несытной
Отчасти бездну открывал
И о грядущих измененьях,
Переговорах, возмущеньях
В речах неясных намекал.
Так, было сердце Кочубея
В то время предано ему.
Но, в горькой злобе свирепея,
Теперь позыву одному
Оно послушно; он голубит
Единую мысль и день и ночь:
Иль сам погибнет, иль погубит —
Отмстит поруганную дочь.

Но предприимчивую злобу
Он крепко в сердце затаил.
«В бессильной горести, ко гробу
Теперь он мысли устремил.
Он зла Мазепе не желает;
Всему виновна дочь одна.
Но он и дочери прощает:
Пусть Богу даст ответ она,
Покрыв семью свою позором,
Забыв и небо, и закон...»

А между тем орлиным взором
В кругу домашнем ищет он
Себе товарищей отважных,
Неколебимых, непродажных.
Во всем открылся он жене:
Давно в глубокой тишине
Уже донос он грозный копил,
И, гнева женского полна,
Нетерпеливая жена
Супруга злобного торопит.
В тиши ночей, на ложе сна,
Как некий дух, ему она
О мщенье шепчет, укоряет
И слезы льет, и ободряет,
И клятвы требует — и ей
Клянется мрачный Кочубей.

Удар обдуман. С Кочубеем
Бесстрашный Искра¹ заодно.
И оба мыслят: «Одолеем;
Врага паденье решено.
Но кто ж, усердьем пламенея,
Ревнуя к общему добру,
Донос на мощного злодея
Предубежденному Петру
К ногам положит, не робея?»

Между полтавских казаков,
Презренных девою несчастной,
Один с младенческих годов
Ее любил любовью страстной.
Вечерней, утренней порой,
На берегу реки родной,
В тени украинских черешен,
Бывало, он Марию ждал,
И ожиданием страдал,
И краткой встречей был утешен.
Он без надежд ее любил,
Не докучал он ей мольбою:
Отказа б он не пережил.
Когда наехали толпою
К ней женихи, из их рядов
Уныл и сир он удалился.
Когда же вдруг меж казаков
Позор Марии огласился,
И беспощадная молва
Ее со смехом поразила,
И тут Мария сохранила
Над ним привычные права.
Но если кто хотя случайно
Пред ним Мазепу называл,
То он бледнел, терзаясь тайно,
И взоры в землю опускал.

.....

Кто при звездах и при луне
Так поздно едет на коне?
Чей это конь неутомимый
Бежит в степи необозримой?

¹ Искра Иван — полтавский полковник, товарищ Кочубея, разделивший с ним его умысел и участь. — *Прим. А. С. Пушкина.*

Казак на север держит путь,
Казак не хочет отдохнуть
Ни в чистом поле, ни в дубраве,
Ни при опасной переправе.

Как стекло, булат его блестит,
Мешок за пазухой звенит,
Не спотыкаясь, конь ретивый
Бежит, размахивая гривой.

Червонцы нужны для гонца,
Булат потеха молодца,
Ретивый конь потеха тоже —
Но шапка для него дороже.

За шапку он оставить рад
Коня, червонцы и булат,
Но выдаст шапку только с бою,
И то лишь с буйной головою.

Зачем он шапкой дорожит?
Затем, что в ней донос зашит,
Донос на гетмана злодея
Царю Петру от Кочубея.

Грозы не чуя между тем,
Неужасаемый ничем,
Мазепа козни продолжает.
С ним полномощный езуит¹
Мятеж народный учреждает
И шаткий трон ему сулит.
Во тьме ночной они как воры
Ведут свои переговоры,
Измену ценят меж собой,
Слагают цифр² универсалов³,
Торгуют царской головой,
Торгуют клятвами вассалов.
Какой-то нищий во дворец

¹ Езуит (иезуит) — римско-католический монах иезуитского ордена. Езуит Зеленский, княгиня Дульская и какой-то болгарский архиепископ, изгнанный из своего отечества, были главными агентами Мазепиной измены. Последний в виде нищего ходил из Польши в Украину и обратно. — *Прим. А. С. Пушкина.*

² Цифр (иначе шифр) — секретная запись.

³ Так назывались манифесты (всенародные объявления) гетманов. — *Прим. А. С. Пушкина.*

Неведомо отколе ходит,
И Орлик¹, гетманов делец,
Его приводит и выводит.
Повсюду тайно сеют яд
Его подосланные слуги:
Там на Дону казачьи круги
Они с Булавиным² мутят;
Там будят диких орд отвагу;
Там за порогами Днепра
Страшают буйную ватагу
Самодержавием Петра.
Мазепа всюду взор кидает
И письма шлет из края в край:
Угрозой хитрой подымает
Он на Москву Бахчисарай.
Король ему в Варшаве внемлет,
В стенах Очакова³ паша⁴,
Во стане Карл и царь. Не дремлет
Его коварная душа;
Он, думой думу развивая,
Верней готовит свой удар;
В нем не слабеет воля злая,
Неутомим преступный жар.

Но как он вздрогнул, как воспрянул,
Когда пред ним незапно грянул
Упадший гром! когда ему,
Врагу России самому,
Вельможи русские⁵ послали
В Полтаве писанный донос
И вместо праведных угроз,
Как жертве, ласки расточали;
И озабоченный войной,
Гнушаясь мнимой клеветой,

¹ Орлик Филипп — генеральный писарь, наперсник Мазепы, после смерти (1710) сего последнего получил от Карла XII пустой титул Малороссийского гетмана. Впоследствии принял магометанскую веру и умер в Бендерах около 1736 года. — *Прим. А. С. Пушкина.*

² Булавин Кондрат Афанасьевич — донской казак, бунтовавший в то время. — *Прим. А. С. Пушкина.*

³ Очаков — тогда турецкая крепость.

⁴ Паша — высший турецкий сановник.

⁵ Вельможи русские — тайный секретарь Шифиров и граф Головкин — друзья и покровители Мазепы.

Донос оставя без вниманья,
Сам царь Иуду¹ утешал
И злобу шумом наказанья
Смирить надолго обещал!

Мазепа, в горести притворной,
К царю возносит глас покорный.
«И знает Бог, и видит свет:
Он, бедный гетман, двадцать лет
Царю служил душою верной;
Его щедротою безмерной
Осыпан, дивно вознесен...
О, как слепа, безумна злоба!..
Ему ль теперь у двери гроба
Начать учение измен
И потемнять благую славу?
Не он ли помощь Станиславу²
С негодованьем отказал,
Стыдясь, отверг венец Украйны,
И договор и письма тайны
К царю, по долгу, отослал?
Не он ли наущеньям хана³
И цареградского салтана
Был глух? Усердием горя,
С врагами белого царя⁴
Умом и саблей рад был спорить,
Трудов и жизни не жалел,
И ныне злобный недруг смел
Его седины опозорить!
И кто же? Искра, Кочубей!
Так долго был его друзьями!..
И с кровожадными слезами,
В холодной дерзости своей,
Их казни требует злодей...

¹ Иуда — предатель, изменник. По Евангелию, один из учеников (апостолов) Иисуса Христа — Иуда Искариот выдал Христа римским властям за тридцать серебряников.

² Лещинский Станислав — польский король.

³ Во время неудачного похода в Крым Казы-Гирей предлагал ему соединиться с ним и вместе напасть на русское войско. — *Прим. А. С. Пушкина.*

⁴ Белый царь — русский царь.

Чьей казни?.. старец непреклонный!
 Чья дочь в объятиях его?
 Но хладно сердца своего
 Он заглушает ропот сонный.
 Он говорит: «В неравный спор
 Зачем вступает сей безумец?
 Он сам, надменный вольнодумец,
 Сам точит на себя топор.
 Куда бежит, зажавши вежды¹?
 На чем он основал надежды?
 Или... но дочери любовь
 Главы отцовской не искупит.
 Любовник гетману уступит,
 Не то моя прольется кровь».

Мария, бедная Мария,
 Краса черкасских дочерей!
 Не знаешь ты, какого змия
 Ласкаешь на груди своей.
 Какой же властью непонятной
 К душе свирепой и развратной
 Так сильно ты привлечена?
 Кому ты в жертву отдана?
 Его кудрявые седины,
 Его глубокие морщины,
 Его блестящий, впалый взор,
 Его лукавый разговор
 Тебе всего, всего дороже:
 Ты мать забыть для них могла,
 Соблазном посланное ложе
 Ты отчей сени² предпочла.
 Своими чудными очами
 Тебя старик заворожил,
 Своими тихими речами
 В тебе он совесть усыпил;
 Ты на него с благоговеньем
 Возводишь ослепленный взор,
 Его лелеешь с умилением —
 Тебе приятен твой позор,
 Ты им, в безумном упоенье,

¹ *Вежды* — веки.

² *Сени* — здесь: жилище, обитель, приют.

Как целомудрием горда —
 Ты прелесть нежную стыда
 В своем утратила паденье...

Что стыд Марии? что молва?
 Что для нее мирские пени¹,
 Когда склоняется в колени
 К ней старца гордая глава,
 Когда с ней гетман забывает
 Судьбы своей и труд, и шум,
 Иль тайны смелых, грозных дум
 Ей, деве робкой, открывает?
 И дней невинных ей не жаль,
 И душу ей одна печаль
 Порой, как туча, затмевает:
 Она унылых пред собой
 Отца и мать воображает;
 Она, сквозь слезы, видит их
 В бездетной старости, одних,
 И, мнится, пеням их внимает...
 О, если б ведала она,
 Что уж узнала вся Украина!
 Но от нее сохранена
 Еще убийственная тайна.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Мазепа мрачен. Ум его
 Смущен жестокими мечтами.
 Мария нежными очами
 Глядит на старца своего.
 Она, обняв его колени,
 Слова любви ему твердит.
 Напрасно: черных помышлений
 Ее любовь не удалит.
 Пред бедной девой с невниманьем
 Он хладно потупляет взор
 И ей на ласковый укор
 Одним ответствует молчаньем.
 Удивлена, оскорблена,
 Едва дыша, встает она
 И говорит с негодованьем:

¹ *Пени* — здесь: упреки, осуждение.

«Послушай, гетман; для тебя
Я позабыла все на свете.
Навек однажды полюбя,
Одно имела я в предмете:
Твою любовь. Я для нее
Сгубила счастье мое,
Но ни о чем я не жалею...
Ты помнишь: в страшной тишине,
В ту ночь, как стала я твоею,
Меня любить ты клялся мне.
Зачем же ты меня не любишь?»

Мазепа

Мой друг, несправедлива ты.
Оставь безумные мечты;
Ты подозреньем сердце губишь:
Нет, душу пылкую твою
Волнуют, ослепляют страсти.
Мария, верь: тебя люблю
Я больше славы, больше власти.

Мария

Неправда: ты со мной хитришь.
Давно ль мы были неразлучны?
Теперь ты ласк моих бежишь;
Теперь они тебе докучны;
Ты целый день в кругу старшин,
В пирах, разъездах — я забыта;
Ты долгой ночью иль один,
Иль с нищим, иль у езуита;
Любовь смиренная моя
Встречает хладную суровость.
Ты пил недавно, знаю я,
Здоровье Дульской. Это новость;
Кто эта Дульская?

Мазепа

И ты

Ревнива? Мне ль, в мои ли лета
Искать надменного привета
Самолюбивой красоты?
И стану ль я, старик суровый,

Как праздный юноша, вздыхать,
Влачить позорные оковы
И жен притворством искушать?

Мария

Нет, объяснись без отговорок
И просто, прямо отвечай.

Мазепа

Покой души твоей мне дорог,
Мария; так и быть: узнай.

Давно замыслили мы дело;
Теперь оно кипит у нас.
Благое время нам пришло;
Борьбы великой близок час.
Без милой вольности и славы
Склоняли долго мы главы
Под покровительством Варшавы,
Под самовластием Москвы.
Но независимой державой
Украине быть уже пора:
И знамя вольности кровавой
Я подымаю на Петра.
Готово все: в переговорах
Со мною оба короля;
И скоро в смутах, в бранных спорах,
Быть может, трон воздвигну я.
Друзей надежных я имею:
Княгиня Дульская и с нею
Мой езуит, да нищий сей
К концу мой замысел приводят.
Чрез руки их ко мне доходят
Наказы, письма королей.
Вот важные тебе признанья.
Довольна ль ты? Твои мечтанья
Рассеяны ль?

Мария

О милый мой,

Ты будешь царь земли родной!
Твоим седидам как пристанет
Корона царская!

Мазепа
Постой,
Не все свершилось. Буря грянет;
Кто может знать, что ждет меня?

Мария
Я близ тебя не знаю страха —
Ты так могущ! О, знаю я:
Трон ждет тебя.

Мазепа
А если плаха?..

Мария
С тобой на плаху, если так.
Ах, пережить тебя могу ли?
Но нет: ты носишь власти знак.

Мазепа
Меня ты любишь?

Мария
Я! люблю ли?

Мазепа
Скажи: отец или супруг
Тебе дороже?

Мария
Милый друг,
К чему вопрос такой? тревожит
Меня напрасно он. Семейю
Стараюсь я забыть мою.
Я стала ей в позор; быть может
(Какая страшная мечта!),
Моим отцом я проклята,
А за кого?

Мазепа
Так я дороже
Тебе отца? Молчишь...

Мария
О Боже!

Мазепа
Что ж? отвечай.

Мария
Реши ты сам.

Мазепа
Послушай: если было б нам,
Ему иль мне, погибнуть надо,
А ты бы нам судьей была,
Кого б ты в жертву принесла,
Кому бы ты была ограда?

Мария
Ах, полно! сердце не смущай!
Ты искунитель.

Мазепа
Отвечай!

Мария
Ты бледен; речь твоя сурова...
О, не сердись! Всем, всем готова
Тебе я жертвовать, поверь;
Но страшны мне слова такие.
Довольно.

Мазепа
Помни же, Мария,
Что ты сказала мне теперь.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
Луна спокойно с высоты

Над Белой Церковью¹ сияет
И пышных гетманов сады
И старый замо́к озаряет.
И тихо, тихо все кругом;
Но в замо́ке шепот и смятенье.
В одной из башен, под окном,
В глубоком, тяжком размышленье,
Окован, Кочубей сидит
И мрачно на небо глядит.

Завтра казнь. Но без боязни
Он мыслит об ужасной казни;
О жизни не жалеет он.
Что смерть ему? желанный сон.
Готов он лечь во гроб кровавый.
Дрема долит. Но, Боже правый!
К ногам злодея, молча, пасть,
Как бессловесное созданье,
Царем быть отдану во власть
Врагу царя на поруганье,
Утратить жизнь — и с нею честь,
Друзей с собой на плаху весть,
Над гробом слышать их проклятья,
Ложась безвинным под топор,
Врага веселый встретить взор
И смерти кинуться в объятья,
Не завещая никому
Вражды к злодею своему!..

И вспомнил он свою Полтаву,
Обычный круг семьи, друзей,
Минувших дней богатство, славу
И песни дочери своей,
И старый дом, где он родился,
Где знал и труд, и мирный сон,
И все, чем в жизни наслаждался,
Что добровольно бросил он,
И для чего? —

Но ключ в заржавом
Замке гремит — и, пробужден,
Несчастный думает: вот он!..

¹ Белая Церковь — местечко недалеко от Киева.

Вот на пути моем кровавом
Мой вождь под знаменем креста,
Грехов могущий разрешитель,
Духовной скорби врач, служитель
За нас распятого Христа,
Его святую кровь и тело
Принесший мне, да укреплюсь,
Да приступлю ко смерти смело
И жизни вечной приобщусь!

И с сокрушением сердечным
Готов несчастный Кочубей
Перед всеильным, бесконечным
Излить тоску мольбы своей.
Но не отшельника святого,
Он гостя узнает иного:
Свиренный Орлик перед ним.
И, отвращением томим,
Страдалец горько вопрошает:
«Ты здесь, жестокий человек?
Зачем последний мой ночлег
Еще Мазепа возмущает?»

Орлик

Допрос не кончен: отвечай.

Кочубей

Я отвечал уже: ступай,
Оставь меня.

Орлик

Еще признанья
Пан гетман требует.

Кочубей

Но в чем?
Давно сознался я во всем,
Что вы хотели. Показанья
Мои все ложны. Я лукав,
Я строю козни. Гетман прав.
Чего вам более?

Орлик

Мы знаем,
Что ты несчетно был богат;
Мы знаем: не единый клад
Тобой в Диканьке¹ укрываем.
Свершится казнь твоя должна;
Твое имение сполна
В казну поступит войсковую —
Таков закон. Я указую
Тебе последний долг: открой,
Где клады, скрытые тобой?

Кочубей

Так, не ошиблись вы: три клада
В сей жизни были мне отрада.
И первый клад мой честь была,
Клад этот пытка отняла;
Другой был клад невозвратимый —
Честь дочери моей любимой.
Я день и ночь над ним дрожал:
Мазепа этот клад украл.
Но сохранил я клад последний,
Мой третий клад: святую месть.
Ее готовлюсь Богу снести.

Орлик

Старик, оставь пустые бредни:
Сегодня покидая свет,
Питайся мыслию суровой.
Шутить не время. Дай ответ,
Когда не хочешь пытки новой:
Где спрятал деньги?

Кочубей

Злой холоп!
Окончишь ли вопрос нелепый?
Повремени: дай лечь мне в гроб,
Тогда ступай себе с Мазепою
Мое наследие считать

Окровавленными перстами,
Мои подвалы разрывать,
Рубить и жечь сады с домами.
С собой возьмите дочь мою;
Она сама вам все расскажет,
Сама все клады вам укажет;
Но ради Господа молю,
Теперь оставь меня в покое.

Орлик

Где спрятал деньги? укажи.
Не хочешь? — Деньги где? скажи,
Иль выйдет следствие плохое.
Подумай: место нам назначь.
Молчишь? — Ну, в пытку. Гей, палач!¹

Палач вошел...

О ночь мучений!

Но где же гетман? где злодей?
Куда бежал от угрызений
Змеиной совести своей?
В светлице девы усыпленной,
Еще незнанием блаженной,
Близ ложа крестницы молодой
Сидит с поникшею главой
Мазепа тихий и угрюмый.
В его душе проходят думы,
Одна другой мрачней, мрачней.
«Умрет безумный Кочубей;
Спасти нельзя его. Чем ближе
Цель гетмана, тем тверже он
Быть должен властью облечен,
Тем перед ним склоняться ниже
Должна вражда. Спасенья нет:
Доносчик и его клевет²
Умрут». Но, броса взор на ложе,
Мазепа думает: «О Боже!
Что будет с ней, когда она

¹ Уже осужденный на смерть, Кочубей был пытан в войске гетмана. По ответам несчастного видно, что его допрашивали о сокровищах, им утаенных. — *Прим. А. С. Пушкина.*

² *Клевет* — соучастник, помощник.

¹ Деревня Кочубей. — *Прим. А. С. Пушкина.*

Услышит слово роковое?
 Досель она еще в покое, —
 Но тайна быть сохранена
 Не может долее. Секира,
 Упав поутру, загремит
 По всей Украине. Голос мира
 Вокруг нее заговорит!..
 Ах, вижу я: кому судьбою
 Волненья жизни суждены,
 Тот стой один перед грозою,
 Не призывай к себе жены.
 В одну телегу впрячь неможно
 Коня и трепетную лань.
 Забылся я неосторожно:
 Теперь плачу безумства дань...
 Все, что цены себе не знает,
 Все, все, чем жизнь мила бывает,
 Бедняжка принесла мне в дар,
 Мне, старцу мрачному, — и что же?
 Какой готовлю ей удар!»
 И он глядит: на тихом ложе
 Как сладок юности покой!
 Как сон ее лелеет нежно!
 Уста раскрылись; безмятежно
 Дыханье груди молодой;
 А завтра, завтра... содрогаясь,
 Мазепа отвращает взгляд,
 Встает и, тихо пробираясь,
 В уединенный сходит сад.

Тиха украинская ночь.
 Прозрачно небо. Звезды блещут.
 Своей дремоты превозмочь
 Не хочет воздух. Чуть трепещут
 Сребристых тополей листы.
 Но мрачны странные мечты
 В душе Мазепы: звезды ночи,
 Как обвинительные очи,
 За ним насмешливо глядят.
 И тополи, стеснившись в ряд,
 Качая тихо головою,
 Как судьи, шепчут меж собою.
 И летней, теплой ночи тьма
 Душна, как черная тюрьма.

Вдруг... слабый крик... невнятный стон
 Как бы из замка слышит он.
 То был ли сон воображенья,
 Иль плач совы, иль зверя вой,
 Иль пытки стон, иль звук иной —
 Но только своего волненья
 Преодолеть не мог старик
 И на протяжный слабый крик
 Другим отвечивал — тем криком,
 Которым он в веселье диком
 Поля сраженья оглашал,
 Когда с Забелой, с Гамалеем¹
 И — с ним... и с этим Кочубеем
 Он в бранном пламени скакал.

Зари багряной полоса
 Объемлет ярко небеса.
 Блеснули доли, холмы, нивы,
 Вершины рощ и волны рек.
 Раздался утра шум игривый,
 И пробудился человек.

Еще Мария сладко дышит,
 Дремой объята, и слышит
 Сквозь легкий сон, что кто-то к ней
 Вошел и ног ее коснулся.
 Она проснулась — но скорей
 С улыбкой взор ее сомкнулся
 От блеска утренних лучей.
 Мария руки протянула
 И с негой томною шепнула:
 «Мазепа, ты?..» Но голос ей
 Иной отвечает... о Боже!
 Вздвогнув, она глядит... и что же?
 Пред нею мать...

М а т ь
 Молчи, молчи;
 Не погуби нас: я в ночи
 Сюда прокралась осторожно
 С единой, слезною мольбой.

¹ Забела Петр Михайлович, Гамалей Андрей Михайлович — украинские деятели конца XVII века, друзья и помощники Мазепы.

Сегодня казнь. Тебе одной
Свирепство их смягчить возможно.
Спаси отца.

Дочь (*в ужасе*)
Какой отец?
Какая казнь?

Мать
Иль ты доныне
Не знаешь?.. нет! ты не в пустыне,
Ты во дворце; ты знать должна,
Как сила гетмана грозна,
Как он врагов своих карает,
Как государь ему внимает...
Но вижу: скорбную семью
Ты отвергаешь для Мазепы;
Тебя я сонну застаю,
Когда свершают суд свирепый,
Когда читают приговор,
Когда готов отцу топор...
Друг другу, вижу, мы чужие...
Опомнись, дочь моя! Мария,
Беги, пади к его ногам,
Спаси отца, будь ангел нам:
Твой взгляд злодеям руки свяжет,
Ты можешь их топор отвести.
Рвись, требуй — гетман не откажет:
Ты для него забыла честь,
Родных и Бога.

Дочь
Что со мною?
Отец... Мазепа... казнь — с мольбою
Здесь, в этом замке мать моя —
Нет, иль ума лишилась я,
Иль это грезы.

Мать
Бог с тобою,
Нет, нет — не грезы, не мечты.

Ужель еще не знаешь ты,
Что твой отец ожесточенный
Бесчестья дочери не снес
И, жаждой мести увлеченный,
Царю на гетмана донес...
Что в истязаниях кровавых
Сознался в умыслах лукавых,
В стыде безумной клеветы,
Что, жертва смелой правоты,
Врагу он выдан головою,
Что пред громадой войсковою¹,
Когда его не осенит
Десница² вышняя Господня,
Он должен быть казнен сегодня,
Что здесь покамест он сидит
В тюремной башне.

Дочь
Боже, Боже!..
Сегодня! — бедный мой отец!

И дева падает на ложе,
Как хладный падает мертвец.

Пестреют шапки. Копья блещут.
Бьют в бубны. Скачут сердюки³.
В строях равняются полки.
Толпы кипят. Сердца трепещут.
Дорога, как змеиный хвост,
Полна народу, шевелится.
Средь поля роковой намост.
На нем гуляет, веселится
Палач и алчно жертвы ждет:
То в руки белые берет,
Играючи, топор тяжелый,
То шутит с чернию веселой.
В гремучий говор все слилось:
Крик женский, брань, и смех, и ропот.
Вдруг восклицанье раздалось,

¹ Громада войсковая — казачье войско.

² Десница — правая рука.

³ Сердюки — войско, состоявшее на собственном иждивении гетмана. — Прим. А. С. Пушкина.

И смолкло все. Лишь конский топот
Был слышен в грозной тишине.
Там, окруженный сердюками,
Вельможный гетман с старшинами
Скакал на вороном коне.
А там по киевской дороге
Телега ехала. В тревоге
Все взоры обратили к ней.
В ней, с миром, с небом примиренный,
Могущей верой укрепленный,
Сидел безвинный Кочубей,
С ним Искра тихий, равнодушный,
Как агнец, жребию послушный.
Телега стала. Раздалось
Моление ликов¹ громогласных.
С кадил куренье поднялось.
За упокой души несчастных
Безмолвно молится народ,
Страдальцы — за врагов. И вот
Идут они, взошли. На плаху,
Крестясь, ложится Кочубей.
Как будто в гробе, тьмы людей
Молчат. Топор блеснул с размаху,
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслед за ней, мигая,
Зарделась кровию трава. —
И, сердцем радуясь во злобе,
Палач за чуб поймал их обе
И напряженной рукой
Потряс их обе над толпой.

Свершилась казнь. Народ беспечный
Идет, рассыпавшись, домой
И про свои заботы вечны
Уже толкует меж собой.
Пустеет поле понемногу.
Тогда чрез пеструю дорогу
Перебежали две жены.
Утомлены, запылены,
Они, казалось, к месту казни
Спешили, полные боязни.

¹ *Ліки* — здесь: церковные хоры.

«Уж поздно», — кто-то им сказал
И в поле перстом указал.
Там роковой намост ломали,
Молился в черных ризах поп,
И на телегу подымали
Два казака дубовый гроб.

Один пред конною толпой
Мазепа, грозен, удалялся
От места казни. Он терзался
Какой-то страшной пустотой.
Никто к нему не приближался,
Не говорил он ничего;
Весь в пене мчался конь его.
Домой приехав, «что Мария?» —
Спросил Мазепа. Слышит он
Ответы робкие, глухие...
Невольным страхом поражен,
Идет он к ней; в светлицу входит:
Светлица тихая пуста —
Он в сад, и там смятенный бродит;
Но вокруг широкого пруда,
В кустах, вдоль сеней безмятежных
Все пусто, нет нигде следов —
Ушла! — Зовет он слуг надежных,
Своих проворных сердюков.
Они бегут. Храпят их кони —
Раздался дикий клик погони,
Верхом — и скачут молодцы
Во весь опор, во все концы.

Бегут мгновенья дорогие.
Не возвращается Мария.
Никто не ведал, не слышал,
Зачем и как она бежала...
Мазепа молча скрежетал.
Затихнув, челядь трепетала.
В груди кипучий яднося,
В светлице гетман заперся.
Близ ложа там во мраке ночи
Сидел он, не смыкая очи,
Нездешней мукою томим.
Поутру, посланные слуги
Один явились за другим.

Чуть кони двигались. Подпруги,
Подковы, узды, чепраки¹,
Все было пеною покрыто,
В крови, растеряно, избито —
Но ни один ему принести
Не мог о бедной деве весть.
И след ее существованья
Пропал как будто звук пустой,
И мать одна во мрак изгнанья
Умчала горе с нищетой.

ПЕСНЬ ТРЕТИЯ

Души глубокая печаль
Стремиться дерзновенно вдаль
Вождю Украины не мешает.
Твердея в умысле своем,
Он с гордым шведским королем
Свои сношенья продолжает.
Меж тем, чтоб обмануть верней
Глаза враждебного сомненья,
Он, окружась толпой врачей,
На ложе мнимого мученья
Стоная молит исцеленья.
Плоды страстей, войны, трудов,
Болезни, дряхлость и печали,
Предтечи смерти, приковали
Его к одру. Уже готов
Он скоро бранный мир оставить;
Святой обряд он хочет править,
Он архипастыря зовет
К одру сомнительной кончины;
И на коварные седины
Елей таинственный течет².

Но время шло. Москва напрасно
К себе гостей ждала всечасно,
Средь старых, вражеских могил
Готовя шведам тризну тайну.
Незапно Карл поворотил
И перенес войну в Украину.

¹ Чепрак — коврик под седлом.

² Церковный обряд помазания елеем совершается над умирающими.

И день настал. Встает с одра
Мазепа, сей страдалец хилый,
Сей труп живой, еще вчера
Стонавший слабо над могилой.
Теперь он мощный враг Петра.
Теперь он, бодрый, пред полками
Сверкает гордыми очами
И саблей машет — и к Десне
Проворно мчится на коне.
Согбенный тяжко жизнью старой,
Так оный хитрый кардинал¹,
Венчавшись римскою тиарой²,
И прям, и здрав, и молод стал.

И весть на крыльях полетела.
Украина смутно зашумела:
«Он перешел, он изменил,
К ногам он Карлу положил
Бунчук покорный». Пламя пышет,
Встает кровавая заря
Войны народной.

Кто опишет
Негодованье, гнев царя?
Гремит анафема в соборах;
Мазепы лик терзает кат³.
На шумной раде, в вольных спорах
Другого гетмана творят.
С берегов пустынных Енисея
Семейства Искры, Кочубея
Поспешно призваны Петром.
Он с ними слезы проливает.
Он их, лаская, осыпает
И новой честью и добром.
Мазепы враг, наездник пылкий,
Старик Палей из мрака ссылки
В Украину едет в царский стан.

¹ Хитрый кардинал — кардинал Монтальто (XVI век). Больной, ходивший на костылях, он был выбран на папский престол (под именем Сикста V) кардиналами, которые думали, пользуясь его слабостью, распоряжаться сами делами католической церкви. Но тотчас после выборов оказалось, что болезнь его была притворной.

² Тиара — головной убор Папы Римского.

³ Кат — палач.

Трепещет бунт осиротелый.
На плахе гибнет Чечель¹ смелый
И запорожский атаман.
И ты, любовник бранной славы,
Для шлема кинувший венец,
Твой близок день, ты вал Полтавы
Вдали завидел наконец.

И царь туда ж помчал дружины.
Они, как буря, притекли —
И оба стана средь равнины
Друг друга хитро облегли.
Не раз избитый в схватке смелой,
Заране кровью опьянелый,
С бойцом желанным наконец
Так грозный сходится боец.
И, злобясь, видит Карл могучий
Уж не расстроенные тучи
Несчастных нарвских беглецов,
А нить полков блестящих, стройных,
Послушных, быстрых и спокойных,
И ряд незыблемый штыков.

Но он решил: завтра бой.
Глубокий сон во стане шведа.
Лишь под палаткою одной
Ведется шепотом беседа.

«Нет, вижу я, нет, Орлик мой,
Поторопились мы некстати:
Расчет и дерзкий и плохой,
И в нем не будет благодати.
Пропала, видно, цель моя.
Что делать? Дал я промах важный:
Ошибся в этом Карле я.
Он мальчик бойкий и отважный;
Два-три сраженья разыграть,
Конечно, может он с успехом,
К врагу на ужин прискакать²,

¹ Чечель отчаянно защищал Батурин против войск князя Меншикова. — *Прим. А. С. Пушкина.* Меньшиков Александр Данилович — один из ближайших помощников Петра I.

² В Дрезден к королю Августу. — *Прим. А. С. Пушкина.*

Ответствовать на бомбу смехом¹,
Не хуже русского стрелка
Прокрасться в ночь ко вражью стану;
Свалить, как нынче, казака
И обменять на рану рану²;
Но не ему вести борьбу
С самодержавным великаном:
Как полк, вертеться он судьбу
Принудить хочет барабаном;
Он слеп, упрям, нетерпелив,
И легкомыслен, и кичлив,
Бог весть какому счастью верит;
Он силы новые врага
Успехом прошлым только мерит —
Сломить ему свои рога.
Стыжусь: воинственным бродягой
Увлёкся я на старость лет;
Был ослеплен его отвагой
И беглым счастьем побед,
Как дева робкая».

Орлик

Сраженья

Дождемся. Время не ушло
С Петром опять войти в сношенья:
Еще поправить можно зло.
Разбитый нами, нет сомненья,
Царь не отвергнет примиренья.

Мазепа

Нет, поздно. Русскому царю
Со мной мириться невозможно.
Давно решила непреложно
Моя судьба. Давно горю
Стесненной злобой. Под Азовом

¹ — Ах, ваше величество, бомба!.. — «Что есть общего между бомбою и письмом, которое тебе диктую? пиши». Это случилось гораздо после. — *Прим. А. С. Пушкина.*

² Ночью Карл, сам осматривая наш лагерь, наехал на казаков, сидевших у огня. Он поскакал прямо к ним и одного из них застрелил из собственных рук. Казаки дали по нем три выстрела и жестоко ранили его в ногу. — *Прим. А. С. Пушкина.*

Однажды я с царем суровым
Во ставке ночью пировал:
Полны вином кипели чаши,
Кипели с ними речи наши.
Я слово смелое сказал.
Смутились гости молодые...
Царь, вспыхнув, чашу уронил
И за усы мои седые
Меня с угрозой ухватил.
Тогда, смирясь в бессильном гневе,
Отмстить себе я клятву дал;
Носил ее — как мать во чреве
Младенца носит. Срок настал.
Так, обо мне воспоминанье
Хранить он будет до конца.
Петру я послан в наказанье;
Я терн в листьях его венца:
Он дал бы грады родовые
И жизни лучшие часы,
Чтоб снова, как во дни былые,
Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для нас надежды:
Кому бежать, решит заря.

Умолк и закрывает вежды
Изменник русского царя.

Горит восток зарею новой.
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.
Полки ряды свои сомкнули.
В кустах рассыпались стрелки.
Катятся ядра, свищут пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые победы,
Сквозь огонь окопов рвутся шведы;
Волнуясь, конница летит;
Пехота движется за нею
И тяжелой твердостью своею
Ее стремление крепит.
И битвы поле роковое

Гремит, пылает здесь и там,
Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.
Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, падают во прах.
Уходит Розен сквозь теснины;
Сдается пылкий Шлипенбах¹.
Тесним мы шведов рать за ратью;
Темнеет слава их знамен,
И бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлен.

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный глас Петра:
«За дело, с Богом!» Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как Божия гроза.
Идет. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могущим седоком.

Уж близок полдень. Жар пылает.
Как пахарь, битва отдыхает.
Кой-где гарцуют казаки.
Равняясь, строятся полки.
Молчит музыка боевая.
На холмах пушки, присмирив,
Прервали свой голодный рев.
И се² — равнину оглашая,
Далече грянуло ура:
Полки увидели Петра.

И он промчался пред полками,
Могущ и радостен, как бой.
Он поле пожирал очами.

¹ Рóзен, Шлипенба́х — шведские генералы.

² Се — вот.

С рисунка И. Репина

За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова¹ —
В пременах жребия земного²,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин³,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин⁴.

И перед синими рядами
Своих воинственных дружин,
Несомый верными слугами,
В качалке, бледен, недвижим,
Страдая раной, Карл явился.
Вожди героя шли за ним.

¹ «Сии птенцы гнезда Петрова» — выражение употреблено в переносном смысле: Петром обученные и воспитанные.

² В пременах жребия земного — в различных обстоятельствах жизни.

³ Шереметев, Брюс, Боур, Репнин — сподвижники Петра I.

⁴ Полудержавный властелин — князь А. Д. Меншиков.

Он в думу тихо погрузился.
Смущенный взор изобразил
Необычайное волнение.
Казалось, Карла приводил
Желанный бой в недоуменье...
Вдруг слабым манием руки
На русских двинул он полки.

И с ними царские дружины
Сошлись в дыму среди равнины:
И грянул бой, Полтавский бой!
В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над падшим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами¹, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся с плеча.
Бросая груды тел на груды,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский — колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть, и ад со всех сторон.

Среди тревоги и волненья
На битву взором вдохновенья
Вожди спокойные глядят,
Движенья ратные следят,
Предвидят гибель и победу
И в тишине ведут беседу.
Но близ московского царя
Кто воин сей под сединами?
Двумя поддержан казаками,
Сердечной ревностью горя,
Он оком опытным героя
Взирает на волнение боя.
Уж на коня не вскочит он,
Одрых, в изгнанье сиротея,
И казаки на клич Палея

Не налетят со всех сторон!
Но что ж его сверкнули очи,
И гневом, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль он, сквозь бранный дым, увидел
Врага Мазепу, и в сей миг
Свои лета возненавидел
Обезоруженный старик?

Мазепа, в думу погруженный,
Взирал на битву, окруженный
Толпой мятежных казаков,
Родных, старшин и сердюков.
Вдруг выстрел. Старец обратился.
У Войнаровского в руках
Мушкетный ствол еще дымился.
Сраженный в нескольких шагах,
Младой казак в крови валялся,
А конь, весь в пене и в пыли,
Почуя волю, дико мчался,
Скрываясь в огненной дали.
Казак на гетмана стремился
Сквозь битву с саблею в руках,
С безумной яростью в очах.
Старик, подъехав, обратился
К нему с вопросом. Но казак
Уж умирал. Потухший зрак
Еще грозил врагу России;
Был мрачен помертвелый лик,
И имя нежное Марии
Чуть лепетал еще язык.

Но близок, близок миг победы.
Ура! мы ломим; гнутся шведы.
О славный час! о славный вид!
Еще напор — и враг бежит.
И следом конница пустилась,
Убийством тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Как роем черной саранчи.

Пирует Петр. И горд, и ясен,
И славы полон взор его.

¹ Бразды — здесь: конские удила, узда.

И царский пир его прекрасен.
При кликах войска своего,
В шатре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих¹
Заздравный кубок подымает.

Но где же первый, званный гость?
Где первый, грозный наш учитель,
Чью долговременную злость
Смирил полтавский победитель?
И где ж Мазепа? где злодей?
Куда бежал Иуда в страхе?
Зачем король не меж гостей?
Зачем изменник не на плахе?

Верхом, в глуши степей нагих,
Король и гетман мчатся оба.
Бегут. Судьба связала их.
Опасность близкая и злоба
Даруют силу королю.
Он рану тяжкую свою
Забыл. Поникнув головою,
Он скачет, русскими гоним,
И слуги верные толпою
Чуть могут следовать за ним.

Обозревая зорким взглядом
Степей широкий полукруг,
С ним старый гетман скачет рядом.
Пред ними хутор... Что же вдруг
Мазепа будто испугался?
Что мимо хутора помчался
Он стороной во весь опор?
Иль этот запустелый двор,
И дом, и сад уединенный,
И в поле отпертая дверь
Какой-нибудь рассказ забвенный
Ему напомнили теперь?
Святой невинности губитель!

¹ За учителей своих — за шведов, в борьбе с которыми выросла мощь русской армии.

Узнал ли ты сию обитель,
Сей дом, веселый прежде дом,
Где ты, вином разгоряченный,
Семьей счастливой окруженный,
Шутил, бывало, за столом?
Узнал ли ты приют укромный,
Где мирный ангел обитал,
И сад, откуда ночью темной
Ты вывел в степь... Узнал, узнал!

Ночные тени степь объемлют.
На бреге синего Днепра
Между скалами чутко дремлют
Враги России и Петра.
Щадят мечты покой героя,
Урон Полтавы он забыл.
Но сон Мазепы смутен был.
В нем мрачный дух не знал покоя.
И вдруг в безмолвии ночном
Его зовут. Он пробудился.
Глядит: над ним, грозя перстом,
Тихонько кто-то наклонился.
Он вздрогнул, как под топором...
Пред ним с развитыми власами,
Сверкая впалыми глазами,
Вся в рубище, худа, бледна,
Стоит, луной освещена...
«Иль это сон?.. Мария... ты ли?»

Мария

Ах, тише, тише, друг!.. Сейчас
Отец и мать глаза закрыли...
Постой... услышать могут нас.

Мазепа

Мария, бедная Мария!
Опомнись! Боже!.. Что с тобой?

Мария

Послушай: хитрости какие!
Что за рассказ у них смешной?
Она за тайну мне сказала,

Что умер бедный мой отец,
И мне тихонько показала
Седую голову — Творец!
Куда бежать нам от алоречья?
Подумай: эта голова
Была совсем не человечья,
А волчья — видишь: какова!
Чем обмануть меня хотела!
Не стыдно ль ей меня пугать?
И для чего? чтоб я не смела
С тобой сегодня убежать!
Возможно ль?

С горестью глубокой
Любовник ей внимал жестокий.
Но, вихрю мыслей предана,
«Однако ж, — говорит она, —
Я помню поле... праздник шумный...
И чернь... и мертвые тела...
На праздник мать меня вела...
Но где ж ты был?.. С тобою розно
Зачем в ночи скитаюсь я?
Пойдем домой. Скорей... уж поздно.
Ах, вижу, голова моя
Полна волнения пустого:
Я принимала за другого
Тебя, старик. Оставь меня.
Твой взор насмешлив и ужасен.
Ты безобразен. Он прекрасен:
В его глазах блестит любовь,
В его речах такая нега!
Его усы белее снега,
А на твоих засохла кровь!...»

И с диким смехом завизжала,
И легче серны молодой
Она вспрыгнула, побежала
И скрылась в темноте ночной.

Редела тень. Восток алеет.
Огонь казачий пламенел.
Пшеницу казаки варили;
Драбанты¹ у брега Днепра

¹ Драба́нты — военная стража.

Коней расседланных поили.
Проснулся Карл. «Ого! пора!
Вставай, Мазепа. Рассветает».
Но гетман уж не спит давно.
Тоска, тоска его снедает;
В груди дыханье стеснено.
И молча он коня седлает,
И скачет с беглым королем,
И страшно взор его сверкает,
С родным прощаясь рубежом.

Прошло сто лет — и что ж осталось
От сильных, гордых сих мужей,
Столь полных волею страстей?
Их поколение миновалось —
И с ним исчез кровавый след
Усилий, бедствий и побед.
В гражданстве северной державы,
В ее воинственной судьбе,
Лишь ты воздвиг, герой Полтавы,
Огромный памятник себе.
В стране, где мельниц ряд крылатый
Оградой мирной обступил
Бендер¹ пустынные раскаты²,
Где бродят буйволы рогаты
Вокруг воинственных могил, —
Останки разоренной сени,
Три углубленные в земле
И мхом поросшие ступени
Гласят о шведском короле.
С них отражал герой безумный,
Один в толпе домашних слуг,
Турецкой рати приступ шумный,
И бросил шпагу под бунчук;
И тщетно там пришлец унылый
Искал бы гетманской могилы:
Забыт Мазепа с давних пор!
Лишь в торжествующей святыне
Раз в год анафемой доныне,
Грозя, гремит о нем собор.

¹ Бенде́ры — город в Бессарабии, куда бежал Карл XII после Полтавской битвы.

² Раска́ты — крепостные сооружения.

Но сохранилась могила,
Где двух страдальцев прах почил:
Меж древних праведных могил
Их мирно церковь приютила¹.
Цветет в Диканьке древний ряд
Дубов, друзьями насажденных;
Они о праотцах казненных
Доныне внукам говорят.
Но дочь преступница... преданья
Об ней молчат: Ее страданья,
Ее судьба, ее конец
Непроницаемую тьмою
От нас закрыты. Лишь порою
Слепой украинский певец,
Когда в селе перед народом
Он песни гетмана бренчит,
О грешной деве мимоходом
Казачкам юным говорит.
1829

Обдумаем прочитанное

1. Назовите картины, наиболее впечатляющие, с вашей точки зрения, и покажите, как сочетаются в них настоящее и прошедшее время. Вспомните, в чем смысл подобного художественного приема.

◆ 2. В отличие от «Песни...» Лермонтова Пушкин включает в поэму комментарии и рассказ о событиях от имени автора. Как вы думаете, почему? Приведите примеры такого авторского текста.

◆ 3. Пушкин считал, что исторические события следует изображать в единстве с семейными. Что потеряла бы поэма «Полтава», в частности обрисовка характера Мазепы, если бы в ней разрабатывалась только тема измены Мазепы и победы русских над шведами? Или только тема любви Марии?

4. Вспомните, как строится сюжет произведения. Подумайте, какие события в поэме можно считать экспозицией (вступлением) и завязкой действия, а какие — кульминацией и развязкой. Какую роль в поэме играет ее финал (концовка)? Обоснуйте свое мнение.

5. Что привлекло вас в характере Кочубея? Какой поступок героя вызывает противоречивое отношение к нему?

6. *Внутренний монолог* — это внутренняя речь героя, обращенная к самому себе. Найдите в первой песни поэмы внутренние монологи

¹ В. Л. Кочубей и И. Искра похоронены в Киево-Печерской лавре.

Кочубея. В каком из них, по-вашему, наиболее полно раскрываются его стремления и переживания? Как они его характеризуют?

7. В основе поэмы лежат подлинные исторические события. Но, как сказано ранее, в действительности у Кочубея было три дочери. Как вы думаете, почему автор изображает Марию его единственной дочерью?

8. Прочитайте вслух диалог Кочубея и Орлика. Что возвышает главного героя над Мазепой и Орликом?

9. Мария нарушила религиозные и семейные традиции, избрав в мужья Мазепу, своего крестного отца. Она одобрила и государственную измену Мазепы. Почему же Пушкин обращается к ней со словами сочувствия («Мария, бедная Мария / Краса черкаских дочерей...»)?

10. Перечитайте строфы поэмы, посвященные Марии. Обратите внимание на описание ее внешности. Какие эпитеты и сравнения помогают представить героиню в блеске красоты и молодости? Как передает поэт ее чувство к Мазепе? Когда Мария увидела истинное лицо Мазепы (Песнь третья)?

◆ 11. Прочитайте отрывок из молдавской легенды, которую, по словам одного из современников Пушкина, поэт не только знал, но и записал: «Богат и велик господарь Истрат Добижя: но он богат не золотом венгерским и не серебром ляпским, а богат дочерью Домницею Дафною. <...> Стан ее был так строен, как одобенская лоза или как византийская тополь. <...> Глаза у нее были голубые, словно лицо неба, брови черные, словно крыло ворона...»

В чем перекликается это описание с содержанием первых строф поэмы «Полтава»? Как вы думаете, почему Пушкин обратился к народной поэзии?

12. Перечитайте строфы из Песни второй, содержащие описания украинской ночи. С помощью каких средств художественной выразительности автор создает пейзаж и передает переживания Кочубея и Мазепы? Какова роль этих описаний в поэме? Одно из них выучите наизусть. Рассмотрите на цветной вклейке репродукцию картины Архипа Ивановича Куинджи «Украинская ночь». Чем перекликается этот пейзаж со строками А. С. Пушкина?

◆ 13. В заметках о «Полтаве» Пушкин писал о Мазепе: «Однако ж какой отвратительный предмет! ни одного доброго, благосклонного чувства! ни одной утешительной черты! соблазн, вражда, измена, лукавство, малодушие, свирепость...» Как воплотились эти черты в поступках Мазепы, его замыслах, речи, взаимоотношениях с Марией, Кочубеем, Петром I, Карлом XII и со своими единомышленниками? Какова роль авторской характеристики в изображении Мазепы? Оцените поведение и характер Мазепы.

14. Перечитайте описание Полтавской битвы. С помощью каких средств художественной выразительности передает поэт напряжение боя и его стремительность? Как звукопись помогает «услышать» гул сражения? Почему в поэме центральное место занимает описание Полтавской битвы?

15. Сопоставьте строки, посвященные Петру I, Карлу XII и гетману Мазепе; обратите внимание на внешний облик героев, их

Но сохранилась могила,
Где двух страдальцев прах почил:
Меж древних праведных могил
Их мирно церковь приютила¹.
Цветет в Диканьке древний ряд
Дубов, друзьями насажденных;
Они о праотцах казненных
Доныне внукам говорят.
Но дочь преступница... преданья
Об ней молчат: Ее страданья,
Ее судьба, ее конец
Непроницаемую тьмою
От нас закрыты. Лишь порою
Слепой украинский певец,
Когда в селе перед народом
Он песни гетмана бренчит,
О грешной деве мимоходом
Казачкам юным говорит.
1829

Обдумаем прочитанное

1. Назовите картины, наиболее впечатляющие, с вашей точки зрения, и покажите, как сочетаются в них настоящее и прошедшее время. Вспомните, в чем смысл подобного художественного приема.

◆ 2. В отличие от «Песни...» Лермонтова Пушкин включает в поэму комментарии и рассказ о событиях от имени автора. Как вы думаете, почему? Приведите примеры такого авторского текста.

◆ 3. Пушкин считал, что исторические события следует изображать в единстве с семейными. Что потеряла бы поэма «Полтава», в частности обрисовка характера Мазепы, если бы в ней разрабатывалась только тема измены Мазепы и победы русских над шведами? Или только тема любви Марии?

4. Вспомните, как строится сюжет произведения. Подумайте, какие события в поэме можно считать экспозицией (вступлением) и завязкой действия, а какие — кульминацией и развязкой. Какую роль в поэме играет ее финал (концовка)? Обоснуйте свое мнение.

5. Что привлекло вас в характере Кочубея? Какой поступок героя вызывает противоречивое отношение к нему?

6. *Внутренний монолог* — это внутренняя речь героя, обращенная к самому себе. Найдите в первой песни поэмы внутренние монологи

¹ В. Л. Кочубей и И. Искра похоронены в Киево-Печерской лавре.

Кочубея. В каком из них, по-вашему, наиболее полно раскрываются его стремления и переживания? Как они его характеризуют?

7. В основе поэмы лежат подлинные исторические события. Но, как сказано ранее, в действительности у Кочубея было три дочери. Как вы думаете, почему автор изображает Марию его единственной дочерью?

8. Прочитайте вслух диалог Кочубея и Орлика. Что возвышает главного героя над Мазепой и Орликом?

9. Мария нарушила религиозные и семейные традиции, избрав в мужья Мазепу, своего крестного отца. Она одобрила и государственную измену Мазепы. Почему же Пушкин обращается к ней со словами сочувствия («Мария, бедная Мария / Краса черкасских дочерей...»)?

10. Перечитайте строфы поэмы, посвященные Марии. Обратите внимание на описание ее внешности. Какие эпитеты и сравнения помогают представить героиню в блеске красоты и молодости? Как передает поэт ее чувство к Мазепе? Когда Мария увидела истинное лицо Мазепы (Песнь третья)?

◆ 11. Прочитайте отрывок из молдавской легенды, которую, по словам одного из современников Пушкина, поэт не только знал, но и записал: «Богат и велик господарь Истрат Добижя: но он богат не золотом венгерским и не серебром ляпским, а богат дочерью Домницею Дафною. <...> Стан ее был так строен, как одобенская лоза или как византийская тополь. <...> Глаза у нее были голубые, словно лицо неба, брови черные, словно крыло ворона...»

В чем перекликается это описание с содержанием первых строф поэмы «Полтава»? Как вы думаете, почему Пушкин обратился к народной поэзии?

12. Перечитайте строфы из Песни второй, содержащие описания украинской ночи. С помощью каких средств художественной выразительности автор создает пейзаж и передает переживания Кочубея и Мазепы? Какова роль этих описаний в поэме? Одно из них выучите наизусть. Рассмотрите на цветной вклейке репродукцию картины Архипа Ивановича Куинджи «Украинская ночь». Чем перекликается этот пейзаж со строками А. С. Пушкина?

◆ 13. В заметках о «Полтаве» Пушкин писал о Мазепе: «Однако ж какой отвратительный предмет! ни одного доброго, благосклонного чувства! ни одной утешительной черты! соблазн, вражда, измена, лукавство, малодушие, свирепость...» Как воплотились эти черты в поступках Мазепы, его замыслах, речи, взаимоотношениях с Марией, Кочубеем, Петром I, Карлом XII и со своими единомышленниками? Какова роль авторской характеристики в изображении Мазепы? Оцените поведение и характер Мазепы.

14. Перечитайте описание Полтавской битвы. С помощью каких средств художественной выразительности передает поэт напряжение боя и его стремительность? Как звукопись помогает «услышать» гул сражения? Почему в поэме центральное место занимает описание Полтавской битвы?

15. Сопоставьте строки, посвященные Петру I, Карлу XII и гетману Мазепе; обратите внимание на внешний облик героев, их

поведение и настроение во время боя. В чем различие и чем оно вызвано?

16. Сравните изображение пира Петра I и бегства его недругов. Как выражается в этих строках авторское отношение к Петру и его врагам?

17. Свободный рассказ о событиях обусловил свободную форму поэмы: разную величину строф, разные схемы рифмовки. Приведите примеры. Выучите наизусть один из фрагментов поэмы (описание природы, диалог персонажей, сцены начала или кульминации Полтавской битвы).

Пишем сочинение

Выберите для сочинения одну из тем: «Незабываемые страницы поэмы «Полтава»», «Судьба Кочубея», «Вероломный гетман», «Герой Полтавы».

Если будете писать об одном из героев поэмы, перечитайте статью о характере литературного героя.

О ПОЭМЕ

Поэма — это большое повествовательное произведение, написанное, как правило, стихами. Слово *поэма* в переводе с греческого означает *творение*.

Предтечами поэм, особенно героических, явились былины — произведения о русских богатырях, защитниках родной земли, сказания об исторических событиях. Образцом русской героической поэмы можно считать «Полтаву» Пушкина, в центре которой — Полтавская битва, определившая судьбу России.

В эпических произведениях, как вы помните, изображаются события, люди и окружающая их обстановка. Поэтому «Полтаву» можно было бы назвать эпическим произведением. Но это не совсем так. Ее сюжетная линия перебивается авторскими (их называют лирическими) отступлениями, в которых выражаются чувства поэта, его отношение к героям и событиям. Вот, например, строки о Мазепе:

Но старость ходит осторожно
И подозрительно глядит.
Чего нельзя и что возможно,
Еще не вдруг она решит.
Кто снидет в глубину морскую,
Покрытую недвижно льдом?

Кто испытующим умом
Проникнет в бездну роковую
Души коварной? Думы в ней,
Плоды подавленных страстей,
Лежат погружены глубоко,
И замысел давнишних дней,
Быть может, зреет одиноко.
Как знать?..

Или о Марии:

Мария, бедная Мария,
Краса черкасских дочерей!
Не знаешь ты, какого змия
Ласкаешь на груди своей.

Несмотря на то что авторских отступлений в поэме немного, понять без них основную идею произведения невозможно. Лирические отступления проникнуты чувством восхищения славой русского оружия, делом Петра и его сподвижников, открытым презрением к личности Мазепы, сочувствием к судьбе Марии. Глубоким лиризмом отличаются украинские пейзажи. В поэме все время слышен голос поэта. И потому с полным правом мы можем назвать «Полтаву» лироэпическим произведением. И не только «Полтаву». Вообще жанр поэмы стоит на грани эпоса и лирики, соединяя в себе признаки этих двух литературных родов. Точно так же к *лироэпическим* произведениям можно отнести балладу.

Возвращаясь к прочитанному...

1. Почему поэму «Полтава» литературоведы считают не только исторической, но и героической? Чем она отличается от поэмы «Руслан и Людмила»?

2. Можно ли «Песню про царя Ивана Васильевича...» отнести к лироэпическим произведениям и назвать героической поэмой?

3. В чем отличие поэмы от баллады? Докажите, что баллада «Василий Шибанов» А. К. Толстого является лироэпическим произведением.

МЕТАФОРА

В 5—6-м классах вы познакомились с такими изобразительно-выразительными средствами языка, как эпитет, сравнение, олицетворение, метафора.

Задержимся на более сложном понятии — **метафоре**. *Метафора* — слово древнегреческое, означает оно «перенесение». Мы говорим: «звезды гаснут», «заря разгорается», хотя, конечно, в небе нет никакого пламени, подобного разведенному костру, никто не зажигал и не гасил звезды. Мы перенесли свойства и признаки одного явления на другое, сходное с ним.

Вдумайтесь в привычные выражения: *бородка ключа, крылья мельницы, зубья пилы, твердость характера, красота увядает, след простыл*, и вы увидите в каждом из них самую настоящую метафору. Нетрудно заметить, что в основе этих словосочетаний лежит сравнение. Так, лопасти ветряной мельницы народ сравнивает с птичьими крыльями, отсюда выражение *крылья мельницы*. На основе сходства зубов человека с острыми зубцами пилы возникло выражение *зубья пилы*. В отличие от сравнения, где называются оба сопоставляемых предмета («Вокруг высокого чела, *как тучи, локоны* чернеют...»), в метафоре слово, которое обозначает то, что сравнивается, и сравнительный союз (*как, как будто, словно, точно*) опущены: «*лопасти мельницы, как крылья*», «*красота теряет свежесть, яркость, как будто увядает*» — это сравнения, а «*крылья мельницы*», «*красота увядает*» — метафоры.

Обратимся к примерам из поэмы Пушкина «Полтава»:

Мгновенно сердце молодое
Горит и гаснет...

Тесним мы шведов рать за ратью;
Темнеет слава их знамен...

На холмах пушки, присмирив,
Прервали свой голодный рев...

Частным случаем метафоры является олицетворение. С его помощью автор изображает предметы и явления природы как живые существа, наделенные даром речи, способностью мыслить и чувствовать. В народной загадке, например, мороз выступает в облике старика, который мост настил. Двенадцать месяцев одушевляются в пьесе-сказке С. Я. Маршака, штопальная игла — в сказке Х. К. Андерсена. Олицетворение не только оживляет картину, но и помогает понять и почувствовать переживания героя. Прочитаем несколько строк о Мазепе:

Но есть еще для нас надежды:
Кому бежать, *реши*т заря.
Умолк и закрывает вежды
Изменник русского царя.

Другой пример из поэмы «Полтава»:

И битвы поле роковое
Гремит, пылает здесь и там,
Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам...

Наконец, отрывок из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Утес»:

...Но остался влажный след в морщине
Старого *утеса*. Одиноко
Он стоит, *задумался* глубоко
И *тихонько* плачет он в пустыне.

Метафора — могучее средство воздействия на воображение, заставляющее читателя пережить те эмоции, которые вкладывает автор в свое произведение. Проникая разумом и чувствами в смысл метафоры, вы неизбежно ощутите силу воздействия поэтического искусства. Метафора — своеобразный рычаг, приводящий в движение ум и душу читателя.

В статье использованы материалы книги
Вс. Рождественского «Читая Пушкина»

?

1. Прочитайте отрывок из поэмы «Полтава»:

Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра...

С помощью каких изобразительно-выразительных средств языка поэт характеризует эпоху Петра I? Вдумайтесь в их смысл.

◆ 2. Прочитайте строки из поэмы от слов: «Но близок, близок миг победы...» и до строчки: «Зачем изменник не на плахе?». На какие изобразительно-выразительные средства языка вы обратили внимание? Какова их роль в описании боя и пира Петра I? Какие чувства поэта они выражают?

3. Какие страницы или отдельные строфы поэмы «Полтава» вам особенно нравятся? Перечитайте их и прокомментируйте, обращая внимание на язык поэмы.

Задание можно выполнить, разбившись на группы: каждая работает над избранными ею страницами (строфами).

◆ 4. Прочитайте одно из стихотворений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова или другого поэта. Какие эпитеты, сравнения, олицетворения

и метафоры привлекли ваше внимание? Почему? Какова их роль в стихотворении?

Приглашаем в библиотеку

Среди произведений Пушкина на темы русской истории — роман «Арап Петра Великого», «Песни о Стеньке Разине», стихотворения «Цир Петра Первого», «Делибаш», «Бонапарт и черногорцы», «Перед гробницею святой...» и другие.

Если вы ведете читательский дневник, постарайтесь уделить в нем одну-две страницы произведениям А. С. Пушкина, его стихам и прозе, книгам о детстве и юности поэта.

К литературному вечеру

К школьному или классному литературному вечеру «Страницы русской истории в стихах и прозе А. С. Пушкина» подготовьте выразительное чтение стихов поэта, избранных отрывков из поэмы «Полтава», художественные пересказы отдельных глав романа «Арап Петра Великого», разбор иллюстраций к произведениям Пушкина, исполнение романсов на стихи поэта.

Николай Семенович ЛЕСКОВ

(1831—1895)

В каждом рассказе Лескова вы чувствуете, что его основная дума — дума не о судьбе лица, а о судьбе России.

М. Горький

Жизнь Н. С. Лескова даровала ему массу разнообразных впечатлений. Отец писателя вышел из рода священнослужителей, получил дворянство по чину, впоследствии стал мелким помещиком; мать была полудворянского-полукупеческого происхождения. Будущий писатель уже с детства знакомился с русской жизнью в богатом разнообразии ее бытовых укладов. Пятнадцати лет от роду он попал на службу и десять лет прослужил мелким чиновником — сперва в Орле, затем в Киеве. Потом бросил казенную службу и стал торговым агентом. Эта деятельность дала Лескову особенно много разнообразных впечатлений. Когда впоследствии его спрашивали, откуда он черпает материал для своих произведений, — он отвечал, указывая на свой лоб: «Вот из этого сундука. Здесь хранятся впечатления шести-семи лет моей коммерческой службы, когда мне приходилось по делам странствовать по России; это самое лучшее время моей жизни, когда я много видел и жил легко».

Писателем Лесков стал уже в тридцатилетнем возрасте (в 1861 году), обладая запасом жизненных наблюдений, который не истощился за долгие годы непрестанной литературной работы.

Писатель создавал в своих произведениях образы людей разных сословий и социальных кругов: и помещиков всяких состояний и нравов, и чиновников всех мастей — от министра

до квартального¹, и «духовных лиц» — от митрополита до дьячка, и военных, и купцов, и интеллигентов² всяких профессий и занятий, и главное — русское крестьянство и выходцев из крестьянства: солдат, мастеровых и всякий рабочий люд. Герой «Левши» — кузнец, тульский оружейник, «Тупейного художника» — крепостной парикмахер и театральный гример, «Человека на часах» — сданный в солдаты дворовый. Лесков говорил одному из литераторов: «Мои священники говорят по-духовному... мужики — по-мужицки, выскочки из них и скоморохи³ — с выкрутасами и т. д. <...> Мои мещане⁴ говорят по-мещански, а шепеляво-картавые аристократы — по-своему. <...> Вот этот народный, вульгарный и вычурный язык, которым написаны многие страницы моих работ, сочинен не мною, а подслушан у мужика, у полуинтеллигента, у краснобаев, у юродивых и святош... Ведь я собирал его много лет по словечкам, по пословицам и отдельным выражениям, схваченным на лету, в толпе, на барках⁵, в рекрутских присутствиях⁶ и в монастырях... Я внимательно и много лет прислушивался к выговору и произношению русских людей на разных ступенях их социального положения. Они все говорят у меня по-своему, а не по-литературному».

Богата и своеобразна речь не только героев Лескова, но и самого автора. Лесков словно любит и наслаждается многообразными возможностями русского слова. В его текстах постоянно попадаются необычные, нелитературные, местные слова, но значение их ясно само по себе или поясняется окружающими словами. Вот и в «Человеке на часах» читателю встретятся *размокорогодило*, вместо *тонет* — *заливается*, *бурканье*, *тихоструйная* речь и просто *тихоструй*, странное на первый взгляд словосочетание *многосторонний такт*. Лесков любил не просто изложить события «от автора», а как бы воспроизвести чей-либо устный рассказ об этих событиях — купца, монаха, отставного солдата или кого-то еще. Иногда

¹ *Квартальный* — полицейский чиновник, ведающий кварталом, участком города.

² *Интеллигент* — здесь: образованный человек.

³ *Скоморох* — здесь: несерьезный человек, потешающий других шутовскими выходками.

⁴ *Мещанин* — мелкий торговец, ремесленник, незначительный чиновник.

⁵ *Барка* — деревянное плоскодонное грузовое судно.

⁶ *Рекрутское присутствие* — учреждение, ведавшее солдатами-новобранцами.

рассказчик не назван, но живые интонации устного повествования сохраняются. Мы видим происходящее глазами рассказчика и через его речь постигаем и оцениваем его самого.

А еще Лесков любил, по собственному признанию, «основывать дело на живом событии, а не на вымысле». Он находил сюжеты для своих произведений в рассказах многочисленных собеседников, среди текущих событий, о которых сообщалось в печати, в исторических книгах, которые постоянно читал и находил поучительными. Эти «живые события» писатель часто именовал в своих произведениях анекдотами. Анекдот для Лескова — не только небольшая комическая история с неожиданной развязкой, каких у него немало, но и бытовое, политическое или даже историческое происшествие, нередко трагического характера.

По статье Б. Я. Бухштаба «Рассказы Лескова»

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ РАССКАЗА «ЧЕЛОВЕК НА ЧАСАХ»

Рассказ написан в 1887 году, но повествуется в нем о событиях почти пятидесятилетней давности. Лесков специально обращает внимание читателей на это, вынося в подзаголовок 1839 год. Такого точного указания на время действия мы не встретим больше ни в одном его произведении. В чем же смысл этого указания? Что особенного случилось в 1839 году? А если на год раньше или на год позже произошло бы описываемое событие — так ли уж важно это для художественного произведения? И почему заинтересовало Лескова то, что отошло в далекое прошлое?

В 1843 году французский путешественник Адольф де Кюстин выпустил нашумевшую впоследствии книгу «Россия в 1839 году». В ней он рассказывал о николаевской России, о засилье чиновников, о палочной дисциплине в стране, о деспотизме самодержца, о тяжелом положении простолюдинов, о телесных наказаниях, которым подвергаются люди низших сословий, о рабской покорности населения. Вот случай, описанный путешественником:

«Русский простолюдин получает на своем веку не меньше побоев, чем делает поклонов. <...> Я видел, как один из курьеров, гонец какого-либо министра или, быть может, лакей какого-то адъютанта императора стащил с облучка молодого кучера и колотил его до тех пор, пока не разбил все лицо

в кровь. На прохожих между тем эта зверская расправа не произвела никакого впечатления, а один из товарищей истязуемого, поивший неподалеку своих лошадей, даже подбежал к месту происшествия по знаку разгневанного фельдъегеря¹ и держал под уздцы лошадь последнего, пока тому не заблаго- рассудилось прекратить экзекуцию. Попробуйте в какой-нибудь другой стране попросить помощи у человека из народа для расправы с его сотоварищем. Но мундир и служебное положение человека, наносившего удары, очевидно, давали ему право на избиение извозчика. <...> Рассказанный случай произошел в лучшей части города в разгар гулянья. Когда несчастного наконец отпустили, он обтер струившуюся кровь самым спокойным образом, взобрался на облучок и продолжал вежливо приветствовать своих товарищей по ремеслу. <...> Благодаря нависшему над головами всех террору рабская покорность становится незыблемым правилом поведения. Жертвы и палачи одинаково убеждены в необходимости слепого повиновения».

В 80-е годы XIX века, когда был создан рассказ «Человек на часах», царь Александр III, пытавшийся «подморозить» Россию, с вожделением и завистью вспоминал времена правления Николая I, годы господства гнета и несправедливости в стране.

И Лесков, как бы перекликаясь с де Кюстином, решил восстановить в памяти читателей 1839 год. Для этого он избрал как будто незначительный случай, произошедший на самом деле.

Рассказ «Человек на часах» написан со слов одного из реальных героев рассказа генерал-лейтенанта Николая Ивановича Миллера, дочь которого одно время была соседкой Лескова. Помимо Н. И. Миллера (в 1839 году он был капитаном, начальником дворцового караула) в рассказе действуют и другие исторические лица: полковник Никита Петрович Свиньин (у Лескова подполковник), обер-полицеймейстер² Сергей Александрович Кокошкин, брат царя великий князь Михаил Павлович и «тихоструйный владыко» — митрополит Филарет (Дроздов).

Но о действительно происшедшем случае Лесков пишет как художник. Мы видим внешность, мимику, жесты героев, слышим их речи, узнаем мысли и переживания (чего, конечно, ни один человек, кроме их самих, знать не мог). Одним словом,

¹ *Фельдъегерь* — посыльный для особо важных поручений.

² *Обер-полицеймейстер* — начальник столичной полиции.

даже рассказывая о действительном факте, писатель не может обойтись без художественного вымысла, хотя сам Лесков утверждал, что вымысла в его произведении «нет нисколько».

?

Почему Лесков любил создавать произведения на основе жизненных фактов? Обязателен ли этот принцип для всех писателей и всех произведений?

ЧЕЛОВЕК НА ЧАСАХ

(1839)

Глава первая

Событие, рассказ о котором ниже сего предлагается вниманию читателей, трогательно и ужасно по своему значению для главного героического лица пьесы, а развязка дела так оригинальна, что подобное ей даже едва ли возможно где-нибудь, кроме России.

Это составляет отчасти придворный, отчасти исторический анекдот, недурно характеризующий нравы и направление очень любопытной, но крайне бедно отмеченной эпохи тридцатых годов совершающегося девятнадцатого столетия.

Вымысла в наступающем рассказе нет нисколько.

Глава вторая

Зимою, около Крещения, в 1839 году в Петербурге была сильная оттепель. Так размокропородило, что совсем как будто весне быть: снег таял, с крыш падали днем капли, а лед на реках посинел и взялся водой. На Неве перед самым Зимним дворцом стояли глубокие полыньи. Ветер дул теплый, западный, но очень сильный: со взморья нагоняло воду, и стреляли пушки¹.

Караул во дворце занимала рота Измайловского полка, которою командовал блестяще образованный и очень хорошо поставленный в обществе молодой офицер, Николай Иванович

¹ Пушечными выстрелами население Петербурга извещалось о возможности наводнения.

Миллер (впоследствии полный генерал и директор лицей). Это был человек с так называемым «гуманным»¹ направлением, которое за ним было давно замечено и немножко вредило ему по службе во внимании высшего начальства.

На самом же деле Миллер был офицер исправный и надежный, а дворцовый караул в тогдaшнее время и не представлял ничего опасного. Пора была самая тихая и безмятежная. От дворцового караула не требовалось ничего, кроме точного стояния на постах, а между тем как раз тут, на караульной очереди капитана Миллера при дворце, произошел весьма чрезвычайный и тревожный случай, о котором теперь едва вспоминают немногие из доживающих свой век тогдашних современников.

Глава третья

Сначала в карауле все шло хорошо: посты распределены, люди расставлены, и все обстояло в совершенном порядке. Государь Николай Павлович был здоров, ездил вечером кататься, возвратился домой и лег в постель. Уснул и дворец. Наступила самая спокойная ночь. В кордегардии² тишина. Капитан Миллер приколот булавками свой белый носовой платок к высокой и всегда традиционно засаленной сафьянной спинке офицерского кресла и сел коротать время за книгой.

Н. И. Миллер всегда был страстный читатель, и потому он не скучал, а читал и не замечал, как уплывала ночь; но вдруг, в исходе второго часа ночи, его встревожило ужасное беспокойство: перед ним является разводный унтер-офицер и, весь бледный, объятый страхом, лепечет скороговоркой:

- Беда, ваше благородие, беда!
- Что такое?!
- Страшное несчастье постигло!

Н. И. Миллер вскочил в неописанной тревоге и едва мог толком дознаться, в чем именно заключались «беда» и «страшное несчастье».

Глава четвертая

Дело заключалось в следующем: часовой, солдат Измайловского полка, по фамилии Постников, стоя на часах снаружи

¹ *Гуманный* — человеколюбивый, милостивый, милосердный, отзывчивый, истинно культурный.

² *Кордегардия* — караульное помещение.

у нынешнего Иорданского подъезда, услышал, что в полынье, которою против этого места покрылась Нева, заливается человек и отчаянно молит о помощи.

Солдат Постников, из дворовых господских людей, был человек очень нервный и очень чувствительный. Он долго слушал отдаленные крики и стоны утопающего и приходил от них в оцепенение. В ужасе он оглядывался туда и сюда на все видимое ему пространство набережной и ни здесь, ни на Неве, как назло, не усматривал ни одной живой души.

Подать помощь утопающему никто не может, и он непременно зальется...

А между тем тонущий ужасно долго и упорно борется.

Уж одно бы ему, кажется, не тратя сил, спускаться на дно, так ведь нет! Его изнеможенные стоны и призывные крики то оборвутся и замолкнут, то опять начинают раздаваться, и притом все ближе и ближе к дворцовой набережной. Видно, что человек еще не потерялся и держит путь верно, прямо на свет фонарей, но только он, разумеется, все-таки не спасется, потому что именно тут, на этом пути, он попадет в иорданскую прорубь¹. Там ему нырок под лед, и конец... Вот и опять стих, а через минуту снова полощется и стонет: «Спасите, спасите!» И теперь уже так близко, что даже слышны всплески воды, как он полощется...

Солдат Постников стал соображать, что спасти этого человека чрезвычайно легко. Если теперь сбежать на лед, то тонущий непременно тут же и есть. Бросить ему веревку, или протянуть шестик, или подать ружье, и он спасен. Он так близко, что может схватиться рукою и выскочить. Но Постников помнит и службу и присягу; он знает, что он часовой, а часовой ни за что и ни под каким предлогом не смеет покинуть своей будки.

С другой же стороны, сердце у Постникова очень непокорное: так и ноет, так и стучит, так и замирает... Хоть вырви его да сам себе под ноги брось, — так беспокойно с ним делается от этих стонов и воплей... Страшно ведь слышать, как другой человек погибает, и не подать этому погибающему помощи, когда, собственно говоря, к тому есть полная возможность, потому что будка с места не убежит и ничто иное вредное не случится. «Иль сбежать, а?.. Не увидят?.. Ах, Господи, один бы конец! Опять стонет...»

¹ К празднику Крещения перед Зимним дворцом делалась большая прорубь, над которой 6 января совершался церковный обряд освящения воды.

За один получас, пока это длилось, солдат Постников совсем истерзался сердцем и стал ощущать «сомнения рассудка». А солдат он был умный и исправный, с рассудком ясным, и отлично понимал, что оставить свой пост есть такая вина со стороны часового, за которою сейчас же последует военный суд, а потом гонка сквозь строй шпицрутенами¹ и каторжная работа, а может быть, даже и «расстрел»; но со стороны вздувшейся реки опять наплывают все ближе и ближе стоны, и уже слышно бурканье и отчаянное барахтанье.

— То-о-ну!.. Спасите, тону!

Тут вот сейчас и есть иорданская прорубь... Конеч!

Постников еще раз-два оглянулся во все стороны. Нигде ни души нет, только фонари трясутся от ветра и мерцают, да по ветру, прерываясь, долетает этот крик... может быть, последний крик...

Вот еще всплеск, еще однозвучный вопль, и в воде забулькотало.

Часовой не выдержал и покинул свой пост.

Глава пятая

Постников бросился к сходням, сбежал с сильно бьющимся сердцем на лед, потом в наплывшую воду полыньи и, скоро рассмотрев, где бьется заливающийся утопленник, протянул ему ложу своего ружья.

Утопавший схватился за приклад, а Постников потянул его за штык и вытащил на берег.

Спасенный и спаситель были совершенно мокры, и как из них спасенный был в сильной усталости и дрожал и падал, то спаситель его, солдат Постников, не решился его бросить на льду, а вывел его на набережную и стал осматриваться, кому бы его передать. А меж тем, пока все это делалось, на набережной показались сани, в которых сидел офицер существовавшей тогда придворной инвалидной команды² (впоследствии упраздненной).

Этот столь не вовремя для Постникова подоспевший господин был, надо полагать, человек очень легкомысленного характера, и притом немножко бестолковый, и изрядный наглец. Он соскочил с саней и начал спрашивать:

¹ Шпицрутены — длинные прутья или палки, которыми били наказываемых, прогоняя их «сквозь строй».

² Инвалидная команда — команда из старослужащих увечных, дряхлых (солдатская служба длилась 25 лет).

— Что за человек?.. Что за люди?

— Тонул, заливался, — начал было Постников.

— Как тонул? Кто? Ты тонул? Зачем в таком месте?

А тот только отпырхивается, а Постникова уже нет: он взял ружье на плечо и опять стал в будку.

Смекнул или нет офицер, в чем дело, но он больше не стал исследовать, а тотчас же подхватил к себе в сани спасенного человека и покатыл с ним на Морскую, в съезжий дом¹ Адмиралтейской части.

Тут офицер сделал приставу² заявление, что привезенный им мокрый человек тонул в полынье против дворца и спасен им, господином офицером, с опасностью для его собственной жизни.

Тот, которого спасли, был и теперь весь мокрый, иззябший и изнемогший. От испуга и от страшных усилий он впал в беспамятство, и для него было безразлично, кто спасал его.

Около него хлопотал заспанный полицейский фельдшер, а в канцелярии писали протокол по словесному заявлению инвалидного офицера и, с свойственною полицейским людям подозрительностью, недоумевали, как он сам весь сух из воды вышел? А офицер, который имел желание получить себе установленную медаль «За спасение погибавших», объяснял это счастливым стечением обстоятельств, но объяснял нескладно и невероятно. Пошли будить пристава, послали наводить справки.

А между тем во дворце по этому делу образовались уже другие, быстрые течения.

Глава шестая

В дворцовой караульне все сейчас упомянутые обороты после принятия офицером спасенного утопленника в свои сани были неизвестны. Там Измайловский офицер и солдаты знали только то, что их солдат, Постников, оставив будку, кинулся спасать человека, и как это есть большое нарушение воинских обязанностей, то рядовой Постников теперь непременно пойдет под суд и под палки, а всем начальствующим лицам, начиная от ротного до командира полка, достанутся страшные неприятности, против которых ничего нельзя ни возражать, ни оправдываться.

¹ Съезжий дом — полицейское управление определенной части города.

² Пристав — начальник полиции.

Мокрый и дрожащий солдат Постников, разумеется, сейчас же был сменен с поста и, будучи приведен в кордегардию, чистосердечно рассказал Н. И. Миллеру все, что нам известно, и со всеми подробностями, доходившими до того, как инвалидный офицер посадил к себе спасенного утопленника и велел своему кучеру скакать в Адмиралтейскую часть.

Опасность становилась все больше и неизбежнее. Разумеется, инвалидный офицер все расскажет приставу, а пристав тотчас же доведет об этом до сведения обер-полицеймейстера Кокошкина, а тот доложит утром государю, и пойдет «горячка».

Долго рассуждать было некогда, надо было призывать к делу старших.

Николай Иванович Миллер тотчас же послал тревожную записку своему батальонному командиру подполковнику Свиныну, в которой просил его как можно скорее приехать в дворцовую караульную и всеми мерами пособить совершившейся страшной беде.

Это было уже около трех часов, а Кокошкин являлся с докладом к государю довольно рано утром, так что на все думы и на все действия оставалось очень мало времени.

Глава седьмая

Подполковник Свинын не имел той жалостливости и того мягкосердечия, которые всегда отличали Николая Ивановича Миллера: Свинын был человек не бессердечный, но прежде всего и больше всего «службист» (тип, о котором нынче опять вспоминают с сожалением). Свинын отличался строгостью и даже любил щеголять требовательностью дисциплины. Он не имел вкуса ко злу и никому не искал причинить напрасное страдание; но если человек нарушал какую бы то ни было обязанность службы, то Свинын был неумолим. Он считал неуместным входить в обсуждение побуждений, какие руководили в данном случае движением виновного, а держался того правила, что на службе всякая вина виновата. А потому в караульной роте все знали, что придется претерпеть рядовому Постникову за оставление своего поста, то он и оттерпит, и Свинын об этом скорбеть не станет.

Таким этот штаб-офицер¹ был известен начальству и товарищам, между которыми были люди, не симпатизировавшие

¹ *Штаб-офицер* — офицер в чине полковника, подполковника или майора.

Свиныну, потому что тогда еще не совсем вывелся «гуманизм» и другие ему подобные заблуждения. Свинын был равнодушен к тому, порицают или хвалят его «гуманисты». Просить и умолять Свинына или даже пытаться его разжалобить — было дело совершенно бесполезное. От всего этого он был закален крепким закалом карьерных людей того времени, но и у него, как у Ахиллеса, было слабое место¹.

Свинын тоже имел хорошо начатую служебную карьеру, которую он, конечно, тщательно оберегал и дорожил тем, чтобы на нее, как на парадный мундир, ни одна пылинка не села; а между тем несчастная выходка человека из вверенного ему батальона непременно должна была бросить дурную тень на дисциплину всей его части. Виноват или не виноват батальонный командир в том, что один из его солдат сделал под влиянием увлечения благороднейшим состраданием, — этого не станут разбирать те, от кого зависит хорошо начатая и тщательно поддерживаемая служебная карьера Свинына, а многие даже охотно подкатят ему бревно под ноги, чтобы дать путь своему ближнему или подвинуть молодца, протежируемого² людьми в случае³. Государь, конечно, рассердится и непременно скажет полковому командиру, что у него «слабые офицеры», что у них «люди распущены». А кто это наделал? — Свинын. Вот так это и пойдет повторяться, что «Свинын слаб», и так, может, покор слабостью и останется несмываемым пятном на его, Свинына, репутации. Не быть ему тогда ничем достопримечательным в ряду современников и не оставить своего портрета в галерее исторических лиц государства Российского.

Изучением истории тогда хотя мало занимались, но, однако, в нее верили и особенно охотно сами стремились участвовать в ее сочинении.

Глава восьмая

Как только Свинын получил около трех часов ночи тревожную записку от капитана Миллера, он тотчас же вскочил

¹ Древнегреческий мифологический герой Ахиллес, как рассказывает предание, был сыном морской богини Фетиды и смертного Пелея. Мать, чтобы оградить сына от опасностей, грозивших смертным, решила искупать его в водах священной реки Стикс, делавших человека неуязвимым. Окуная сына в воду, Фетида держала его за пятку, и только пятка осталась уязвимой.

² *Протежировать* — оказывать покровительство, поддержку.

³ *Люди в случае* — старинное выражение, означавшее, что кто-то находится под покровительством сильных мира сего.

с постели, оделся по форме и, под влиянием страха и гнева, прибыл в караульную Зимнего дворца. Здесь он немедленно же произвел допрос рядовому Постникову и убедился, что невероятный случай совершился. Рядовой Постников опять вполне чистосердечно подтвердил своему батальонному командиру все то же самое, что произошло на его часах и что он, Постников, уже раньше показал своему ротному капитану Миллеру. Солдат говорил, что он «Богу и государю виноват без милосердия», что он стоял на часах и, заслышав стоны человека, тонувшего в полынье, долго мучился, долго был в борьбе между служебным долгом и состраданием, и, наконец, на него напало искушение, и он не выдержал этой борьбы: покинул будку, соскочил на лед и вытащил тонувшего на берег, а здесь, как на грех, попался проезжавшему офицеру дворцовой инвалидной команды.

Подполковник Свиный был в отчаянии, он дал себе единственно возможное удовлетворение, сорвав свой гнев на Постникове, которого тотчас же прямо отсюда послал под арест в казарменный карцер, а потом сказал несколько колкостей Миллеру, попрекнув его «гуманерией»¹, которая ни на что не пригодна в военной службе; но все это было недостаточно для того, чтобы поправить дело. Подыскать если не оправдание, то хотя извинение такому поступку, как оставление часовым своего поста, было невозможно, и оставался один исход — скрыть все дело от государя...

Но есть ли возможность скрыть такое происшествие?

По-видимому, это представлялось невозможным, так как о спасении погибавшего знали не только все караульные, но знал и тот ненавистный инвалидный офицер, который до сих пор, конечно, успел довести обо всем этом до ведома генерала Кокошкина.

Куда теперь скакать? К кому бросаться? У кого искать помощи и защиты?

Свиный хотел скакать к великому князю Михаилу Павловичу² и рассказать ему все чистосердечно. Такие маневры тогда были в ходу. Пусть великий князь, по своему пылкому характеру, рассердится и накричит, но его нрав и обычай были таковы, что чем он сильнее окажет на первый раз резкости и даже тяжело обидит, тем он потом скорее смирится и сам же заступится. Подобных случаев бывало немало, и их иногда нарочно искали. «Брань на воротах не висла», и Свиный очень

хотел бы свести дело к этому благоприятному положению, но разве можно ночью достигнуть во дворец и тревожить великого князя? А дожидаться утра и явиться к Михаилу Павловичу после того, когда Кокошкин побывает с докладом у государя, будет уже поздно. И пока Свиный волновался среди таких затруднений, он обмяк, и ум его начал прозревать еще один выход, до сей поры скрывавшийся в тумане.

Глава девятая

В ряду известных военных приемов есть один такой, чтобы в минуту наивысшей опасности, угрожающей со стен осаждаемой крепости, не удаляться от нее, а прямо идти под ее стенами. Свиный решил не делать ничего того, что ему приходило в голову сначала, а немедленно ехать прямо к Кокошкину.

Об обер-полицеймейстере Кокошкине в Петербурге говорили тогда много ужасающего и нелепого, но, между прочим, утверждали, что он обладает удивительным многосторонним тактом и при содействии этого такта не только «умеет сделать из мухи слона, но так же легко умеет сделать из слона муху».

Кокошкин в самом деле был очень суров и очень грозен и внушал всем большой страх к себе, но он иногда мирволил шалунам и добрым весельчакам из военных, а таких шулунов тогда было много, и им не раз случалось находить себе в его лице могущественного и усердного защитника. Вообще он много мог и много умел сделать, если только захочет. Таким его знали и Свиный и капитан Миллер. Миллер тоже укрепил своего батальонного командира отважиться на то, чтобы ехать немедленно к Кокошкину и довериться его великодушию и его «многостороннему такту», который, вероятно, продиктует генералу, как вывернуться из этого досадного случая, чтобы не ввести в гнев государя, чего Кокошкин, к чести его, всегда избегал с большим старанием.

Свиный надел шинель, устремил глаза вверх и, воскликнув несколько раз: «Господи, Господи!» — поехал к Кокошкину.

Это был уже в начале пятый час утра.

Глава десятая

Обер-полицеймейстера Кокошкина разбудили и доложили ему о Свиныне, приехавшем по важному и не терпящему отлагательств делу.

¹ Гуманностью.

² Брат царя, командовал гвардией.

Генерал немедленно встал и вышел к Свиныну в архалучке¹, потирая лоб, зевая и ежась. Все, что рассказывал Свинын, Кокошкин выслушивал с большим вниманием, но спокойно. Он во все время этих объяснений и просьб о снижении произнес только одно:

— Солдат бросил будку и спас человека?

— Точно так, — ответил Свинын.

— А будка?

— Оставалась в это время пустою.

— Гм... Я это знал, что она оставалась пустою. Очень рад, что ее не украли.

Свинын из этого еще более уверился, что ему уже все известно и что он, конечно, уже решил себе, в каком виде он представит об этом при утреннем докладе государю, и решения этого изменять не станет. Иначе такое событие, как оставление часовым своего поста в дворцовом карауле, без сомнения, должно было бы гораздо сильнее встревожить энергического обер-полицеймейстера.

Но Кокошкин не знал ничего. Пристав, к которому явился инвалидный офицер со спасенным утопленником, не видал в этом деле никакой особенной важности. В его глазах это вовсе даже не было таким делом, чтобы ночью тревожить усталого обер-полицеймейстера, да и притом самое событие представлялось приставу довольно подозрительным, потому что инвалидный офицер был совсем сух, чего никак не могло быть, если он спасал утопленника с опасностью для собственной жизни. Пристав видел в этом офицере только честолобца и лгуна, желающего иметь одну новую медаль на грудь, и потому, пока его дежурный писал протокол, пристав придерживал у себя офицера и старался выпытать у него истину через расспрос мелких подробностей.

Приставу тоже не было приятно, что такое происшествие случилось в его части и что утопавшего вытащил не полицейский, а дворцовый офицер.

Спокойствие же Кокошкина объяснялось просто, во-первых, страшною усталостью, которую он в это время испытывал после целодневной суеты и ночного участия при тушении двух пожаров, а во-вторых, тем, что дело, сделанное часовым Постниковым, его, г-на обер-полицеймейстера, прямо не касалось.

Впрочем, Кокошкин тотчас же сделал соответственное распоряжение.

Он послал за приставом Адмиралтейской части и приказал ему немедленно явиться вместе с инвалидным офицером и со

спасенным утопленником, а Свинына просил подождать в маленькой приемной перед кабинетом. Затем Кокошкин удалился в кабинет и, не затворяя за собою дверей, сел за стол и начал было подписывать бумаги; но сейчас же склонил голову на руки и заснул за столом в кресле.

Глава одиннадцатая

Тогда еще не было ни городских телеграфов, ни телефонов, а для спешной передачи приказаний начальства скакали по всем направлениям «сорок тысяч курьеров»¹, о которых сохранился долговечное воспоминание в комедии Гоголя.

Это, разумеется, не было так скоро, как телеграф или телефон, но зато сообщало городу значительное оживление и свидетельствовало о неусыпном бдении начальства.

Пока из Адмиралтейской части явились запыхавшийся пристав и офицер-спаситель, а также и спасенный утопленник, нервный и энергический генерал Кокошкин вздремнул и освежился. Это было заметно в выражении его лица и в проявлении его душевных способностей.

Кокошкин потребовал всех явившихся в кабинет и вместе с ними пригласил и Свинына.

— Протокол? — односложно спросил освеженным голосом у пристава Кокошкин.

Тот молча подал ему сложенный лист бумаги и тихо прошептал:

— Должен просить дозволить мне доложить вашему превосходительству несколько слов по секрету...

— Хорошо.

Кокошкин отошел в амбразуру² окна, а за ним и пристав.

— Что такое?

Послышался неясный шепот пристава и ясные покрякивания генерала.

— Гм... Да!.. Ну что ж такое?.. Это могло быть... Они на том стоят, чтобы сухими выскакивать... Ничего больше?

— Ничего-с.

Генерал вышел из амбразуры, присел к столу и начал читать. Он читал протокол про себя, не обнаруживая ни страха, ни сомнений, и затем непосредственно обратился с громким и твердым вопросом к спасенному:

¹ Неточная цитата из «Ревизора» Н. В. Гоголя.

² Амбразура — здесь: проем.

¹ Архалучек, или архалук, — домашний короткий кафтан.

— Как ты, братец, попал в полынью против дворца?
 — Виноват, — отвечал спасенный.
 — То-то! Был пьян?
 — Виноват, пьян не был, а был выпимши.
 — Зачем в воду попал?
 — Хотел перейти поближе через лед, сбился и попал в воду.
 — Значит, в глазах было темно?
 — Темно, кругом темно было, ваше превосходительство!
 — И ты не мог рассмотреть, кто тебя вытащил?
 — Виноват, ничего не рассмотрел. Вот они, кажется. —
 Он указал на офицера и добавил: — Я не мог рассмотреть, был испугавшись.

— То-то и есть, шляется, когда надо спать! Всмотрись же теперь и помни навсегда, кто твой благодетель. Благородный человек жертвовал за тебя своею жизнью!

— Век буду помнить.
 — Имя ваше, господин офицер?
 Офицер назвал себя по имени.
 — Слышишь?
 — Слушаю, ваше превосходительство.
 — Ты православный?
 — Православный, ваше превосходительство.
 — В поминанье за здравие это имя запиши.
 — Запишу, ваше превосходительство.
 — Молись Богу за него и ступай вон: ты больше не нужен.
 Тот поклонился в ноги и выкатился, без меры довольный тем, что его отпустили.

Свиньин стоял и недоумевал, как это такой оборот все принимает милостию Божиею!

Глава двенадцатая

Кокошкин обратился к инвалидному офицеру:

— Вы спасли этого человека, рискуя собственной жизнью?
 — Точно так, ваше превосходительство.
 — Свидетелей этого происшествия не было, да по позднему времени и не могло быть?
 — Да, ваше превосходительство, было темно, и на набережной никого не было, кроме часовых.
 — О часовых незачем поминать: часовой охраняет свой пост и не должен отвлекаться ничем посторонним. Я верю тому, что написано в протоколе. Ведь это с ваших слов?

Слова эти Кокошкин произнес с особенным ударением, точно как будто пригрозил или прикрикнул.

Но офицер не сробел, а вылупив глаза и выпучив грудь, ответил:

— С моих слов и совершенно верно, ваше превосходительство.

— Ваш поступок достоин награды.

Тот начал благодарно кланяться.

— Не за что благодарить, — продолжал Кокошкин. — Я доложу о вашем самоотверженном поступке государю императору, и грудь ваша, может быть, сегодня же будет украшена медалью. А теперь можете идти домой, напейтесь теплого и никуда не выходите, потому что, может быть, вы понадобится.

Инвалидный офицер совсем засиял, откланялся и вышел.

Кокошкин поглядел ему вслед и проговорил:

— Возможная вещь, что государь пожелает сам его видеть.

— Слушаю-с, — отвечал понятиливо пристав.

— Вы мне больше не нужны.

Пристав вышел и, затворив за собою дверь, тотчас, по набойной привычке, перекрестился.

Инвалидный офицер ожидал пристава внизу, и они отправились вместе в гораздо более теплых отношениях, чем когда сюда вступали.

В кабинете у обер-полицеймейстера остался один Свиньин, на которого Кокошкин сначала посмотрел долгим, пристальным взглядом и потом спросил:

— Вы не были у великого князя?

В то время, когда упоминали о великом князе, то все знали, что это относится к великому князю Михаилу Павловичу.

— Я прямо явился к вам, — отвечал Свиньин.

— Кто караульный офицер?

— Капитан Миллер.

Кокошкин опять окинул Свиньина взглядом и потом сказал:

— Вы мне, кажется, что-то прежде иначе говорили.

Свиньин даже не понял, к чему это относится, и промолчал, а Кокошкин добавил:

— Ну все равно: спокойно поживайте.

Аудиенция кончилась.

Глава тринадцатая

В час пополудни инвалидный офицер действительно был опять потребован к Кокошкину, который очень ласково объявил ему, что государь весьма доволен, что среди офицеров

инвалидной команды его дворца есть такие бдительные и самоотверженные люди, и жалует ему медаль «За спасение погибавших». При сем Кокошкин собственноручно вручил герою медаль, и тот пошел щеголять ею. Дело, стало быть, можно было считать совсем сделанным, но подполковник Свинын чувствовал в нем какую-то незаконченность и почитал себя призванным поставить *point sur les i*¹.

Он был так встревожен, что три дня проболел, а на четвертый встал, съездил в Петровский домик², отслужил благодарственный молебен перед иконою Спасителя и, возвратясь домой с успокоенною душой, послал попросить к себе капитана Миллера.

— Ну, слава Богу, Николай Иванович, — сказал он Миллеру, — теперь гроза, над нами тяготевшая, совсем прошла, и наше несчастное дело с часовым совершенно уладилось. Теперь, кажется, мы можем вздохнуть спокойно. Всем этим мы, без сомнения, обязаны сначала милосердию Божию, а потом генералу Кокошкину. Пусть о нем говорят, что он и недобрый и бессердечный, но я исполнен благодарности к его великодушию и почтения к его находчивости и такту. Он удивительно мастерски воспользовался хвастовством этого инвалидного пройдохы, которого, по правде, стоило бы за его наглость не медалью награждать, а на обе корки выдрать на конюшне, но ничего иного не оставалось: им нужно было воспользоваться для спасения многих, и Кокошкин повернул все дело так умно, что никому не вышло ни малейшей неприятности, — напротив, все очень рады и довольны. Между нами сказать, мне передано через достоверное лицо, что и сам Кокошкин мною очень доволен. Ему было приятно, что я не поехал никуда, а прямо явился к нему и не спорил с этим проходимцем, который получил медаль. Словом, никто не пострадал, и все сделано с таким тактом, что и вперед опасаться нечего, но маленький недочет есть за нами. Мы тоже должны с тактом последовать примеру Кокошкина и закончить дело с своей стороны так, чтоб оградить себя на всякий случай впоследствии. Есть еще одно лицо, которого положение не оформлено. Я говорю про рядового Постникова. Он до сих пор в карцере под арестом, и его, без сомнения, томит ожидание, что с ним будет. Надо прекратить и его мучительное томление.

¹ Поставить точку над *i*, довести дело до конца (франц.).

² Домик Петра Великого, в котором он жил в годы строительства столицы, представляет собой низкое бревенчатое здание из двух комнат, в одной из которых помещался образ Спасителя.

— Да, пора! — подсказал обрадованный Миллер.

— Ну, конечно, и вам это всех лучше исполнить: отправьтесь, пожалуйста, сейчас же в казармы, соберите вашу роту, выведите рядового Постникова из-под ареста и накажите его перед строем двумястами розог.

Глава четырнадцатая

Миллер изумился и сделал попытку склонить Свинына к тому, чтобы на общей радости совсем пощадить и простить рядового Постникова, который и без того уже много перестрадал, ожидая в карцере решения того, что ему будет; но Свинын вспыхнул и даже не дал Миллеру продолжать.

— Нет, — перебил он, — это оставьте: я вам только что говорил о такте, а вы сейчас же начинаете бестактность! Оставьте это!

Свинын переменял тон на более сухой и официальный и добавил с твердостью:

— А как в этом деле вы сами тоже не совсем правы и даже очень виноваты, потому что у вас есть не идущая военному человеку мягкость, и этот недостаток вашего характера отражается на субординации¹ в ваших подчиненных, то я приказываю вам лично присутствовать при экзекуции и настоять, чтобы сечение было произведено серьезно... как можно строже. Для этого извольте распорядиться, чтобы розгами секли молодые солдаты из новоприбывших из армии, потому что наши старики все заражены на этот счет гвардейским либерализмом: они товарища не секут как должно, а только блох у него за спиною пугают. Я заеду сам и сам посмотрю, как виноватый будет сделан.

Уклонения от каких бы то ни было служебных приказаний начальствующего лица, конечно, не имели места, и мягкосердечный Н. И. Миллер должен был в точности исполнить приказ, полученный им от своего батальонного командира.

Рота была выстроена на дворе Измайловских казарм, розги принесены из запаса вдовольном количестве, и выведенный из карцера рядовой Постников «был сделан» при усердном содействии новоприбывших из армии молодых товарищей. Эти не испорченные гвардейским либерализмом люди в совершенстве выставили на нем все *point sur les i*, в полной мере определенные ему его батальонным командиром. Затем нака-

¹ Субординация — строгое подчинение младших по службе старшим.

занный Постников был поднят и непосредственно отсюда на той же шинели, на которой его секли, перенесен в полковой лазарет.

Глава пятнадцатая

Батальонный командир Свинын, по получении донесения об исполнении экзекуции, тотчас же сам отечески навесил Постникова в лазарете и, к удовольствию своему, самым наглядным образом убедился, что приказание его исполнено в совершенстве. Сердобольный и нервный Постников был «сделан как следует». Свинын остался доволен и приказал дать от себя наказанному Постникову фунт¹ сахару и четверть фунта чаю, чтоб он мог услаждаться, пока будет на поправке. Постников, лежа на койке, слышал это распоряжение о чае и отвечал:

— Много доволен, ваше высококородие, благодарю за отеческую милость.

И он в самом деле был «доволен», потому что, сидя три дня в карцере, он ожидал гораздо худшего. Двести розог, по тогдашнему сильному времени, очень мало значили в сравнении с теми наказаниями, какие люди переносили по приговорам военного суда; а такое именно наказание и досталось бы Постникову, если бы, к счастью его, не произошло всех тех смелых и тактических эволюций², о которых выше рассказано.

Но число всех довольных рассказанным происшествием этим не ограничилось.

Глава шестнадцатая

Под сурдинкою³ подвиг рядового Постникова расплзся по разным кружкам столицы, которая в то время печатной безголосицы жила в атмосфере бесконечных сплетен. В устных передачах имя настоящего героя — солдата Постникова — утратилось, но зато сама эпопея⁴ раздулась и приняла очень интересный, романтический характер.

¹ Фунт — старинная русская мера веса, равная 409,5 г.

² Эволюция — здесь: действие.

³ Сурдинка — приспособление для приглушения звука музыкального инструмента. В данном случае под сурдинкою — втихомолку, шепотком, негласно.

⁴ Эпопея — здесь: ряд сложных и крупных событий (слово употреблено в ироническом смысле).

Говорили, будто ко дворцу со стороны Петропавловской крепости плыл какой-то необыкновенный пловец, в которого один из стоявших у дворца часовых выстрелил и пловца ранил, а проходивший инвалидный офицер бросился в воду и спас его, за что и получили: один — должную награду, а другой — заслуженное наказание. Нелепый слух этот дошел и до подворья¹, где в ту пору жил осторожный и равнодушный к «светским событиям» владыко², благосклонно благоволивший к набожному московскому семейству Свиныных.

Проницательному владыке казалось неясным сказание о выстреле. Что же это за ночной пловец? Если он был беглый узник, то за что же наказан часовой, который исполнил свой долг, выстрелив в него, когда тот плыл через Неву из крепости? Если же это не узник, а иной загадочный человек, которого надо было спасать из волн Невы, то почему о нем мог знать часовой? И тогда опять не может быть, чтоб это было так, как о том в мире суесловят. В мире многое берут крайне легкомысленно и суесловят, но живущие в обителях³ и на подворьях ко всему относятся гораздо серьезнее и знают о светских делах самое настоящее.

Глава семнадцатая

Однажды, когда Свинын случился у владыки, чтобы принять от него благословение, высокочтимый хозяин заговорил с ним «кстати о выстреле». Свинын рассказал всю правду, в которой, как мы знаем, не было ничего похожего на то, о чем повествовали «кстати о выстреле».

Владыко выслушал настоящий рассказ в молчании, слегка шевеля своими беленькими четками⁴ и не сводя своих глаз с рассказчика. Когда же Свинын кончил, владыко тихо журчащею речью произнес:

— Посему надлежит заключить, что в сем деле не всё и не везде излагалось согласно с полною истиной?

Свинын замаялся и потом отвечал с уклоном, что докладывал не он, а генерал Кокошкин.

¹ Подворье — гостиница для священников и монахов.

² Владыко — высший служитель церкви. Здесь автором выведен митрополит московский Филарет Дроздов.

³ Обитель — монастырь.

⁴ Четки — шнурок с бусами для отсчитывания поклонов во время молитвы и количества молитв.

Владыко в молчании перепустил несколько раз четки сквозь свои восковые персты и потом молвил:

— Должно различать, что есть ложь и что неполная истина.

Опять четки, опять молчание и, наконец, тихоструйная речь:

— Неполная истина не есть ложь. Но о сем наименьше.

— Это действительно так, — заговорил поощренный Свинын. — Меня, конечно, больше всего смущает, что я должен был подвергнуться наказанию этого солдата, который хотя нарушил свой долг...

Четки и тихоструйный перебив:

— Долг службы никогда не должен быть нарушен.

— Да, но это им было сделано по великодушию, по состраданию, и притом с такой борьбой и с опасностью: он понимал, что, спасая жизнь другому человеку, он губит самого себя... Это высокое, святое чувство!

— Святое известно Богу, наказание же на теле простолуюдину не бывает губительно и не противоречит ни обычаю народов, ни духу Писания. Лозу гораздо легче перенести на грубом теле, чем тонкое страдание в духе. В сем справедливость от вас нимало не пострадала.

— Но он лишен и награды за спасение погибавших.

— Спасение погибающих не есть заслуга, но паче¹ долг. Кто мог спасти и не спас — подлежит каре законов, а кто спас, тот исполнил свой долг.

Пауза, четки и тихоструй:

— Воину претерпеть за свой подвиг унижение и раны может быть гораздо полезнее, чем превозноситься знаком. Но что во всем сем наибольшее — это то, чтобы хранить о всем деле сем осторожность, и отнюдь нигде не упоминать о том, кому по какому-нибудь случаю о сем было сказывано.

Очевидно, и владыко был доволен.

Глава восемнадцатая

Если бы я имел дерзновение счастливых избранников неба, которым, по великой их вере, дано проникать тайны Божия смотра, то я, может быть, дерзнул бы позволить себе предположение, что, вероятно, и сам Бог был доволен поведением созданной им смиренной души Постникова. Но вера моя мала; она не дает уму моему силы зреть столь высокого: я держусь

¹ Паче — здесь: более.

земного и перстного¹. Я думаю о тех смертных, которые любят добро просто для самого добра и не ожидают никаких наград за него, где бы то ни было. Эти прямые и надежные люди тоже, мне кажется, должны быть вполне довольны святым порывом любви и не менее святым терпением смиренного героя моего точного и безыскусственного рассказа.

1887

Обдумаем прочитанное

1. В рассказе читаем: «Постников помнит и службу и присягу; он знает, что он часовой, а часовой ни за что и ни под каким предлогом не смеет покинуть своей будки». Тем не менее герой нарушил присягу. Как вы относитесь к этому поступку солдата?

2. Офицеры и генерал Кокошкин, зная или подозревая правду, все же скрывают ее, а генерал даже добивается от Николая I награды для офицера инвалидной команды, приписавшего себе подвиг солдата. Чего боялся каждый из них? А почему лгал офицер инвалидной команды?

3. Как вы оцениваете поведение владыки, который, зная правду, одобрил наказание Постникова?

4. Охарактеризуйте поведение подполковника Свинына, который сначала приказал выпороть Постникова, а потом посетил его в лазарете и наградил фунтом сахара и четвертью фунта чая.

5. А как сам писатель оценивает поступок своего героя? Внимательно перечитайте заключительные строки рассказа.

6. Перечитайте авторские характеристики Миллера, Свинына, Кокошкина и Постникова. Каких душевных качеств нет у офицеров в отличие от героя рассказа?

7. Рассказ вначале назывался «Спасение погибавшего», а затем получил название «Человек на часах». Известный филолог и писатель В. И. Даль в своем словаре так определяет понятие «человек»: 1. Высшее из земных созданий, одаренное разумом, свободной волей, речью, совестью, сердцем. 2. Служитель, прислуга, лакей («Эй, человек, подать трубку!»). 3. Юродивый, пророк, избранник (Божий человек Алексей, святой). Какой смысл, по-вашему, вкладывает Лесков в понятие «человек»? Почему он изменил название рассказа?

8. Что, на ваш взгляд, устарело в рассказе, а что сохранило свое значение?

9. Перечитайте эпиграф к теме «Н. С. Лесков» — слова М. Горького. Можно ли их отнести к рассказу «Человек на часах»?

¹ Перстное — плотское, телесное; персть — земной прах, пыль.

Для самостоятельного чтения рекомендуем увлекательные рассказы Н. С. Лескова «Пугало», «Зверь», «Штопальщик», «Тупейный художник», «Грабеж», «Левша». Все они написаны в 80-е годы, но обогатят ваши представления о Николаевской эпохе. Из автобиографического рассказа «Пугало» вы узнаете много интересного о детстве самого Лескова. Конечно, среди рассказов писателя немало печальных, тревожных — к таким располагало время. Но все они очень трогательны, а рассказ «Грабеж» даст возможность от души посмеяться. И большое удовольствие доставит прекрасная русская речь во всем ее богатстве и разнообразии.

Прочтите историческую повесть писателя и историка литературы Юрия Николаевича Тынянова (1894—1943) «Подпоручик Киже».

Русское самодержавие, сыгравшее в свое время положительную роль в развитии страны и давшее России таких выдающихся деятелей, как Петр I, вместе с тем насаждало бюрократизм, угодничество, чиновничество, обезличивание человека. Доходило до курьезов. Известный русский историк В. О. Ключевский рассказывает о следующем случае. В конце 20-х — начале 30-х годов XIX века расследовалось дело о некоем откупщике¹. Краткое изложение дела занимало пятнадцать тысяч листов. Для перевозки дела из Москвы в Петербург потребовалось несколько подвод. Однако до Петербурга обоз не дошел: и дело, и подводы, и возчики бесследно исчезли.

Ю. Н. Тынянов повествует о противоположном случае — как из ничего «возник» подпоручик, как этот несуществующий, «фигуры не имеющий» человек «женится», «служил» и «умер», оплаканный императором Павлом I. Повесть написана в яркой сатирической форме.

ЗАВЕРШАЯ РАЗДЕЛ ХРЕСТОМАТИИ...

Мы прочитали и разобрали пять произведений на исторические темы — поэмы, балладу, повесть, рассказ. Историческим называют такое произведение, которое воспроизводит

¹ *Откупщик* — тот, кто за денежный взнос в казну приобрел исключительное право на продажу каких-либо товаров, или на устройство предприятий, или на сбор налогов. Откупщики получали доход намного больший, чем сумма, уплаченная государству.

более или менее далекое прошлое, события, имевшие большое значение в жизни народа, рисует выдающихся общественных деятелей, передает дух эпохи, детали быта. В «Песне про царя Ивана Васильевича...» и балладе «Василий Шибанов» перед нами предстают Иван Грозный, опричники, с их своеволием, жестокостью, грубостью нравов. В поэме Пушкина дана широкая панорама Полтавской битвы, нарисованы Петр I, Мазепа, Кочубей, Искра, Карл XII, показан сложный конфликт между сторонниками и противниками Петра, между Россией и Швецией. В повести Гоголя «Тарас Бульба» нет исторических деятелей, если не считать молодого храброго Остраницу и польского военачальника Потоцкого, но зато верно схвачен дух казачества, в жестоких сражениях утверждавшего честь и силу родного народа.

По-разному воспроизводят писатели прошлое: и как цепь сменяющих друг друга картин, и как связный, последовательный рассказ о событиях, в который «вмонтированы» живые сцены. Сплав, «перекличка» времен — настоящего и прошедшего — придают повествованию яркость и художественную силу. Во всех случаях, однако, реальное, событийное время в художественных произведениях (особенно стихотворных) сконцентрировано, сжато: писатели рассчитывают на воображение читателя. И чем шире и глубже исторические знания читателя, тем больше пищи получает его воображение. Возьмем, например, концовку пушкинской «Полтавы»:

Прошло сто лет...

Столетие после Полтавской битвы ознаменовано значительными историческими событиями: сменой царей на престоле, народными восстаниями, войнами, расцветом заложенного великим царем Петербурга, укреплением мощи России... Пушкин не упоминает об этом в поэме: многое читателям известно. И у поэта возникает естественный вопрос о героях произведения:

...что ж осталось

От сильных, гордых сих мужей,
Столь полных волею страстей?

Прошедшее столетие стало своеобразным экзаменом для исторических деяний людей XVIII века...

Такова емкость пушкинского слова.

Не нужно, однако, думать, что художественные произведения на историческую тему могут заменить читателю научные

труды по истории. Из того, что сказано в хрестоматии о поэмах Пушкина и Лермонтова, о балладе А. К. Толстого, о повести Гоголя, даже о рассказе Лескова, в основе которого лежит как будто действительный факт, становится ясно, что писатели воссоздают картины прошлого с помощью творческой фантазии: рядом с Иваном Грозным у Лермонтова действуют вымышленные герои — Кирибеевич, купец Калашников. Воображение поэта создало конфликт между ними, сцену поединка опричника и купца. Тарас Бульба, его сыновья, запорожцы вызваны к жизни талантом писателя. Без воображения, вымысла, фантазии нарисовать человека или событие нельзя. Поэтому изучать историю, только читая художественную литературу, невозможно. Но и ограничиваться научными трудами тоже не следует: в искусстве и литературе исторические события и герои, прошлое страны выступают во всей своей яркости, неповторимости, исполненные жизни и движения.

Совершить своеобразное путешествие во времени, перенести читателя в минувшее писателям помогает изучение исторических документов, воспоминаний, устного народного творчества (вспомните, как работали Пушкин и Гоголь над своими произведениями). И конечно, важную роль играют наблюдения над современниками и даже анализ собственного внутреннего мира. Ведь нас потому волнуют произведения на историческую тему, что в событиях прошедшего мы узнаем какие-то черточки нашей эпохи, в радостях и горестях далеких наших предков находим созвучие своим чувствам и мыслям. Читая эти произведения, мы не только узнаем, как жили, что чувствовали люди предшествующих поколений, но и извлекаем для себя уроки жизни, уроки любви к родине, мужества, стойкости перед лицом самых невероятных испытаний. И, анализируя ошибки, а иногда и преступления жестоких правителей, воспитываем в себе стремление к правде, ненависть к несправедливости, угнетению, рабству.

?

1. С какими героями изученных вами в этом году произведений на исторические темы и почему писатели связывали свои добрые чувства? Кого и за что они осуждали?

2. А. С. Пушкин отлично знал темные и даже ужасные страницы русской истории: удельные усобицы, татарское нашествие. И вместе

с тем, когда его друг П. Я. Чаадаев написал, что Россия не имеет значительной истории, поэт ответил ему резко и прямо: «...я решительно не могу с Вами согласиться <...>. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана¹, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре², — как, неужели всё это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! <...> Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал».

Как вы думаете, чем гордится Пушкин и почему он не сосредоточивается на мрачных картинах русской истории?

3. Прочитайте стихотворение И. С. Никитина «Русь»: вряд ли оно оставит равнодушным человека, для которого Родина — не отвлеченное, книжное понятие, а сама жизнь.

Иван Саввич НИКИТИН

(1824—1861)

РУСЬ

Под большим шатром
Голубых небес, —
Вижу — даль степей
Зеленеется.

И на гранях их,
Выше темных туч,
Цепи гор стоят
Великанами.

По степям, в моря,
Реки катятся,
И лежат пути
Во все стороны.

Посмотрю на юг:
Нивы зрелые,
Что камыш густой,
Тихо движутся;

Мурава лугов
Ковром стелется,
Виноград в садах
Наливается.

Гляну к северу:
Там, в глуши пустынь,
Снег, что белый пух,
Быстро кружится;

Подымает грудь
Море синее,
И горами лед
Ходит по морю;

И пожар небес
Ярким заревом
Освещает мглу
Непроглядную...

¹ Имеются в виду Иван III, во времена которого сложилось ядро Российского государства, и Иван IV, Грозный.

² Речь идет об убийстве наследника Ивана IV, Дмитрия, и об избрании на царство Михаила Федоровича Романова.

Это ты, моя
Русь державная,
Моя родина
Православная!

Широко ты, Русь,
По лицу земли
В красе царственной
Развернулася!

У тебя ли нет
Поля чистого,
Где б разгул нашла
Воля смелая?

У тебя ли нет
Про запас казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?

У тебя ли нет
Богатырских сил,
Старины святой,
Громких подвигов?

Перед кем себя
Ты унизила?
Кому в черный день
Низко кланялась?

На полях своих,
Под курганами,
Положила ты
Татар полчища.

Ты на жизнь и смерть
Вела спор с Литвой
И дала урок
Ляху гордому.

И давно ль было,
Когда с Запада
Облегла тебя
Туча темная?¹

Под грозой ее
Леса падали,
Мать сыра-земля
Колебалася,

И зловещий дым
От горевших сел
Высоко вставал
Черным облаком!

Но лишь кликнул царь
Свой народ на брань, —
Вдруг со всех концов
Поднялася Русь.

Собрала детей,
Стариков и жен,
Приняла гостей
На кровавый пир.

И в глухих степях,
Под сугробами,
Улеглись спать
Гости навеки.

Хоронили их
Вьюги снежные,
Бури севера
О них плакали!..

И теперь среди
Городов твоих
Муравьем кишит
Православный люд.

По седым морям,
Из далеких стран,
На поклон к тебе
Корабли идут.

И поля цветут,
И леса шумят,
И лежат в земле
Груды золота.

И во всех концах
Света белого
Про тебя идет
Слава громкая.

Уж и есть за что,
Русь могучая,
1851

Поллюбить тебя,
Назвать матерью,

Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову!

4. В 1942 году, в разгар Великой Отечественной войны, поэт Константин Михайлович Симонов (1915 — 1979) написал стихотворение по мотивам повести Гоголя:

Тарас Бульба

К концу уже близок геройский рассказ.
Багровое солнце висит над степями.
В дыму задыхается старый Тарас,
Прикрученный к дубу тройными цепями.

Хрипит волосатая грудь на костре,
До грузных плечей добралось ему пламя.
Он смотрит туда, где на синем Днепре
Гуляет по ветру казацкое знамя.

Сквозь пламень и дым куренным он велит
Рубиться весь век с басурманскими псами,
И ветер степной над огнем шевелит
Готовыми вспыхнуть седыми усами.

Мы вспомним Тараса и песню споем,
Как пули свистели в клубящемся прахе,
Как трое танкистов сгорели живьем,
Не сдавшись в неволю, на Киевском пляхе.

Я знаю — отчизна им силу дала,
Им службу Тарасова кровь сослужила.
Я знаю — она в это время текла
В их черных, от пламени вздувшихся жилах.

Мы шапки над павшими снимем не раз.
С отцами бывало и с нами бывает...
...Горит над стремниною старый Тарас,
И пламя седые усы обвивает.

В чем вы видите смысл сопоставления героя Гоголя с героями Великой Отечественной войны?

¹ Имеется в виду война с Наполеоном в 1812 году.

«ХУДОЖНИК — ГОЛОС СВОЕЙ ЭПОХИ»

М. Горький

Берите содержание для ваших картин в окружающей вас действительности и не украшайте, не перестраивайте ее, а изображайте такую, какова она есть на самом деле, да смотрите на нее глазами самой современности...

В. Г. Белинский

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ-КЛАССИКИ О СВОЕМ ВРЕМЕНИ

В 5-м и 6-м классах вы знакомились с произведениями, в которых авторы обращаются к современности. Вспомните роман «Дубровский» Пушкина, повесть «Дети подземелья» Короленко, рассказы «Смерть чиновника» Чехова, «Уроки французского» Распутина, стихотворение Некрасова «Крестьянские дети», лирику поэтов — участников Великой Отечественной войны и многие другие произведения (продолжите этот список). Их темы, сюжеты, герои почерпнуты писателями из окружающей жизни, рождены раздумьями над судьбами родины и отдельных людей.

Если литературное произведение на историческую тему требует от автора изучения архивных материалов, документов, воспоминаний, научных трудов, устного народного творчества (исторических песен, преданий), хотя при этом определенную

роль играют жизненные впечатления писателя, то, создавая романы, повести, рассказы, поэмы, очерки о современности, художник слова больше внимания уделяет наблюдениям над окружающей действительностью, старается вникнуть во взаимоотношения людей, понять особенности их характеров, поведения, увидеть подробности быта. Пушкин пользовался всяким удобным случаем, чтобы побеседовать с людьми из народа, любил посещать ярмарки, прислушивался к выразительной и чистой речи «простолудинов». Широким жизненным опытом, тонкими и точными наблюдениями над окружающим располагал Гоголь. Страстные охотники Тургенев и Некрасов в своих странствиях по родной земле встречались с крестьянами, помещиками, служилыми людьми, познавали их интересы, радости, горе. Так появились «Записки охотника» Тургенева, «Крестьянские дети», «Орина, мать солдатская» Некрасова. Всю свою сознательную жизнь вел дневники Л. Н. Толстой, отмечая в них малейшие движения своей души, размышляя о серьезных нравственных и философских вопросах и давая оценки людям и событиям. Записные книжки Чехова донесли до нас словесные зарисовки бытовых сценок, оригинальные словечки, описания случаев. Эти наблюдения писателей над жизнью и над самими собой послужили богатым материалом при создании художественных произведений.

Рисую своих современников, писатели стремятся не только показать их поступки, взаимоотношения, внешние стороны жизни, но и проникнуть в их психологию, внутренний мир, понять их чувства, переживания, иногда глубоко скрытые и не заметные со стороны (в этом отношении примечательны рассказы Тургенева и Чехова).

Читая, не упускайте из виду жанровое разнообразие предлагаемых произведений: здесь и рассказ, и лирическое стихотворение, и поэма, и сатирическая сказка, и юмористическая сценка. Писатели то спокойно, внешне бесстрастно ведут повествование, то казнят пороки и недостатки сатирическим смехом, то грустят, выражая чувство жалости и сострадания к обездоленным, то укоряют народ в излишнем долготерпении, то делятся с читателем радостью от созерцания красоты родной природы.

Все, что было сказано об особенностях изображения действительности в произведениях на историческую тему: сочетание связного, последовательного рассказа о людях и событиях с развернутыми картинами жизни, сплав настоящего и прошедшего, умение несколькими штрихами перенести читателя из одного времени в другое, из одной обстановки в другую, — все это сохраняет силу и по отношению к произведениям о современности.

**Иван
Сергеевич
ТУРГЕНЕВ**
(1818—1883)

Душа моя, все мысли мои
в России.

И. С. Тургенев

«Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись...» Эти строки из романа «Рудин» написаны Тургеневым летом 1855 года в его родовом имении Спасском-Лутовинове, сыгравшем важную роль в жизни и творчестве писателя. Где бы он ни находился — в Париже, Лондоне, Риме, — его всегда тянуло в родные края. Незадолго до смерти (он умер в Буживале под Парижем) Тургенев писал своему другу поэту Я. П. Полонскому: «Когда будете в Спасском, поклонитесь от меня дому, саду моему, молодому дубу, родине поклонитесь...»

Всякий раз, когда Тургенев подъезжал к Спасскому-Лутовинову, его охватывало «странное волнение». Он часто говорил, что хорошо пишется только в русской деревне: там воздух как будто «полон мыслей... Мысли напрашиваются сами». Именно в Спасском в разные годы им были написаны романы «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне» и другие произведения.

Спасское и его окрестности вошли в творчество Тургенева под своими именами: недалеко от усадьбы есть «Кобылий Верх», где-то в этом овраге, заросшем осинником, поймал порубщика Бирюк — герой одноименного рассказа; на берегу речки Снежеди зеленеет Бежин Луг, на котором крестьянские ребяташки пасли коней, грелись у костра и рассказывали страшные истории, — он сохранился таким же, как его описал Тургенев.

В Спасском-Лутовинове, в имении матери Варвары Петровны, прошло детство будущего писателя. С ранних лет он любил парк с его запутанными тропинками, полянами, тенистыми липовыми аллеями. Лесники и охотники, увидев интерес мальчика к природе, охоте, рассказывали ему о жизни птиц, о повадках диких уток. Они брали его с собой в лес и на болото, научили стрелять из ружья. Так зародилась в будущем писателе страсть к охоте, она сблизила его с людьми из народа, помогла наблюдать крестьянскую жизнь, полюбить душу русского мужика. Ему нравилось общаться с простыми людьми, с природой, здесь он чувствовал себя на воле. В доме, в усадьбе всем управляла мать, и горе было тому, кто не в добрый час попадал ей под руку. Мальчик рано стал понимать, что все здесь подчинено дикому произволу и капризам Варвары Петровны.

Умная, волевая, хорошо образованная, владевшая двумя иностранными языками, наделенная писательским даром, мать Тургенева была женщиной властной, иногда жестокой. Почти ежедневно лились слезы, не видимые никому: то отдавали в солдаты за не слишком низкий поклон, то велели пересечь всех садовников за то, что кем-то был сорван с клумбы любимый тюльпан. На все слова сына она надменно поднимала голову и произносила: «Я в своих подданных вольна и отчета за них никому не даю». Чем ближе узнавал будущий писатель жизнь русского крестьянина, тем труднее ему было находиться в доме матери, росло глухое недовольство против многих ее действий и распоряжений. Он считал крепостное право своим злейшим врагом и поклялся бороться с ним до конца. Впечатления, вынесенные из Спасского-Лутовинова, дали ему материал для многих произведений, и в частности для «Записок охотника».

Тургенев был образованнейшим человеком, он свободно говорил на нескольких языках, учился в университетах Москвы, Петербурга и Берлина, блестяще сдал магистерские экзамены по философии.

Литературная известность пришла к нему после опубликования «Записок охотника». Неожиданный успех рассказа «Хорь и Калиныч», опубликованного в первом номере журнала «Современник» за 1847 год с пометкой после заглавия «Из записок охотника», побудил Тургенева написать еще ряд рассказов (всего 21), которые печатались в этом журнале в течение трех лет. Затем они были объединены в книгу «Записки охотника».

В апреле 1852 года писателя арестовали и выслали на два года в Спасское под надзор полиции. К этому времени уже

умерла мать. Тургенев отпустил на волю дворовых, ведение хозяйственных дел целиком предоставил управляющему, и родная усадьба стала для него любимым местом работы. Предлогом для ареста и ссылки явилась публикация Тургеневым в Москве некролога¹ о Гоголе (статья была запрещена цензурой в Петербурге), но сам писатель справедливо утверждал, что арестовали его «в сущности за «Записки охотника»».

В рапорте чиновника Главного управления цензуры Е. Е. Волкова Министру народного просвещения был дан резко отрицательный отзыв об этом произведении: «...книга г. Тургенева сделает более зла, чем добра». Автор «опоэтизировал крестьян наших», показал, что они находятся «в угнетении», а помещики, над которыми «издевается» писатель, ведут себя «противозаконно». Московский цензор В. В. Львов, разрешивший издание «Записок охотника», по распоряжению императора Николая I был отстранен от службы «за небрежное исполнение своей должности».

К «Запискам охотника» было приковано внимание всей читающей России.

В книге Тургенева есть герой, который объединяет все рассказы. Это охотник, от лица которого ведется повествование. Он тонко чувствует природу, наблюдает в ней малейшие изменения, вступает в разговоры с повстречавшимися ему людьми, выражает свое отношение к ним и в портретных зарисовках, и в диалогах, а иногда принимает активное участие в происходящих событиях.

В статье использованы материалы из вступления Б. В. Богданова к книге «Душа моя, все мысли мои в России»

В 5-м классе вы познакомились с рассказом Тургенева «Муму». Вспомните обстоятельства, при которых был написан этот рассказ. Что сближает его с «Записками охотника»? Какие факты личной жизни вызвали ненависть писателя к крепостному праву?

¹ Некролог (от греч. *nekrós* — мертвый, *logos* — слово, речь) — статья по поводу смерти какого-либо деятеля, содержащая сведения о его жизни и трудах.

БИРЮК

ИЗ «ЗАПИСОК ОХОТНИКА»

Я ехал с охоты вечером один, на беговых дрожках. До дому еще было верст восемь; моя добрая рысистая кобыла бодро бежала по пыльной дороге, изредка похрапывая и шевеля ушами; усталая собака, словно привязанная, ни на шаг не отставала от задних колес. Гроза надвигалась. Впереди огромная лиловая туча медленно поднималась из-за леса; надо мною и мне навстречу неслись длинные серые облака; ракиты тревожно шевелились и лепетали. Душный жар внезапно сменился влажным холодом; тени быстро густели. Я ударил вожжой по лошади, спустился в овраг, перебрался через сухой ручей, весь заросший лозинками, поднялся в гору и въехал в лес. Дорога вилась передо мною между густыми кустами орешника, уже залитыми мраком; я подвигался вперед с трудом. Дрожки прыгали по твердым корням столетних дубов и лип, беспрестанно пересекавшим глубокие продольные рытвины — следы тележных колес; лошадь моя начала спотыкаться. Сильный ветер внезапно загудел в вышине, деревья забушевали, крупные капли дождя резко застучали, зашлепали по листьям, сверкнула молния, и гроза разразилась. Дождь полил ручьями. Я поехал шагом и скоро принужден был остановиться: лошадь моя вязла, я не видел ни зги. Кое-как приютился я к широкому кусту. Сгорбившись и закутавши лицо, ожидал я терпеливо конца ненастья, как вдруг, при блеске молнии, на дороге почудилась мне высокая фигура. Я стал пристально глядеть в ту сторону, — та же фигура словно выросла из земли подле моих дрожек.

— Кто это? — спросил звучный голос.

— А ты кто сам?

— Я здешний лесник.

Я назвал себя.

— А, знаю! Вы домой едете?

— Домой. Да видишь, какая гроза...

— Да, гроза, — отвечал голос.

Белая молния озарила лесника с головы до ног; трескучий и короткий удар грома раздался тотчас вслед за нею. Дождик хлынул с удвоенной силой.

— Не скоро пройдет, — продолжал лесник.

— Что делать!

— Я вас, пожалуй, в свою избу проведу, — отрывисто проговорил он.

— Сделай одолжение.

— Извольте сидеть.

Он подошел к голове лошади, взял ее за узду и сдернул с места. Мы тронулись. Я держался за подушку дрожек, которые колыхались, «как в море челнок», и кликал собаку. Бедная моя кобыла тяжело шлепала ногами по грязи, скользила, спотыкалась; лесник покачивался перед оглоблями направо и налево, словно привиденье. Мы ехали довольно долго; наконец мой проводник остановился. «Вот мы и дома, барин», — промолвил он спокойным голосом. Калитка заскрипела, несколько щенков дружно залаяло. Я поднял голову и при свете молнии увидел небольшую избушку посреди обширного двора, обнесенного плетнем. Из одного окошечка тускло светил огонек. Лесник довел лошадь до крыльца и застучал в дверь. «Сичас, сичас!» — раздался тоненький голосок, послышался топот босых ног, засов заскрипел, и девочка лет двенадцати, в рубашонке, подпоясанная покрывкой¹, с фонарем в руке, показалась на пороге.

— Посвети барину, — сказал он ей, — а я ваши дрожки под навес поставлю.

Девочка глянула на меня и пошла в избу. Я отправился вслед за ней.

Изба лесника состояла из одной комнаты, закоптелой, низкой и пустой, без поластей и перегородок. Изорванный тулуп висел на стене. На лавке лежало одноствольное ружье, в углу валялась груда тряпок; два больших горшка стояли возле печки. Лучина горела на столе, печально вспыхивая и погасая. На самой середине избы висела люлька, привязанная к концу длинного шеста. Девочка погасила фонарь, присела на крошечную скамейку и начала правой рукой качать люльку, левой поправлять лучину. Я посмотрел кругом — сердце во мне заныло: не весело войти ночью в мужицкую избу. Ребенок в люльке дышал тяжело и скоро.

— Ты разве одна здесь? — спросил я девочку.

— Одна, — произнесла она едва внятно.

— Ты лесникова дочь?

— Лесникова, — прошептала она.

Дверь заскрипела, и лесник шагнул, нагнув голову, через порог. Он поднял фонарь с полу, подошел к столу и зажег свечку.

— Чай, не привыкли к лучине? — проговорил он и тряхнул кудрями.

¹ Покрѳмка — полоска ткани.

Я посмотрел на него. Редко мне случалось видеть такого молодца. Он был высокого роста, плечист и сложен на славу. Из-под мокрой замашной¹ рубашки выпукло выставлялись его могучие мышцы. Черная курчавая борода закрывала до половины его суровое и мужественное лицо; из-под сросшихся широких бровей смело глядели небольшие карие глаза. Он слегка уперся руками в бока и остановился передо мною.

Я поблагодарил его и спросил его имя.

— Меня зовут Фомой, — отвечал он, — а по прозвищу Бирюк².

— А, ты Бирюк?

Я с удвоенным любопытством посмотрел на него. От моего Ермолая и от других я часто слышал рассказы о леснике Бирюке, которого все окрестные мужики боялись, как огня. По их словам, не бывало еще на свете такого мастера своего дела: «Вязанки хворосту не даст утащить; в какую бы ни было пору, хоть в самую полночь, нагрянет, как снег на голову, и ты не думай сопротивляться, — силен, дескать, и ловок, как бес... И ничем его взять нельзя: ни вином, ни деньгами; ни на какую приманку не идет. Уж не раз добрые люди его сжить со свету собирались, да нет — не дается».

Вот как отзывались соседние мужики о Бирюке.

— Так ты Бирюк, — повторил я, — я, брат, слышал про тебя. Говорят, ты никому спуска не даешь.

— Должность свою справляю, — отвечал он угрюмо, — даром господский хлеб есть не приходится.

Он достал из-за пояса топор, присел на пол и начал колоть лучину.

— Аль у тебя хозяйки нет? — спросил я его.

— Нет, — отвечал он и сильно махнул топором.

— Умерла, знать?

— Нет... да... умерла, — прибавил он и отвернулся.

Я замолчал; он поднял глаза и посмотрел на меня.

— С прохожим мещанином сбежала, — произнес он с жесткой улыбкой. Девочка потупилась; ребенок проснулся и закричал; девочка подошла к люльке. — На, дай ему, — проговорил Бирюк, сунув ей в руку запачканный рожок. — Вот и его бросила, — продолжал он вполголоса, указывая на ребенка. Он подошел к двери, остановился и обернулся.

¹ Замáшный — сделанный из домотканого холста.

² Бирюком называется в Орловской губернии человек одинокий и угрюмый. — *Прим. автора.*

— Вы, чай, барин, — начал он, — нашего хлеба есть не станете, а у меня окромя хлеба...

— Я не голоден.

— Ну, как знаете. Самовар бы я вам поставил, да чаю у меня нету... Пойду посмотрю, что ваша лошадь.

Он вышел и хлопнул дверью. Я в другой раз осмотрелся. Изба показалась мне еще печальнее прежнего. Горький запах остывшего дыма неприятно стеснял мне дыхание. Девочка не трогалась с места и не поднимала глаз; изредка поталкивала она люльку, робко наводила на плечо спускавшуюся рубашку; ее голые ноги висели, не шевелясь.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Улитой, — проговорила она, еще более понурив свое печальное личико.

Лесник вошел и сел на лавку.

— Гроза проходит, — заметил он после небольшого молчания, — коли прикажете, я вас из лесу провожу.

Я встал. Бирюк взял ружье и осмотрел полку¹.

— Это зачем? — спросил я.

— А в лесу шалят... У Кобыльего Верху² дерево рубят, — прибавил он в ответ на мой вопрошающий взор.

— Будто отсюда слышно?

— Со двора слышно.

Е. М. Бем. Бирюк

чего не слышал, кроме шума листьев. Бирюк вывел лошадь из-под навеса. «А этак я, пожалуй, — прибавил он вслух, —

Мы вышли вместе. Дождик перестал. В отдалении еще толпились тяжелые громады туч, изредка вспыхивали длинные молнии, но над нашими головами уже виднелось кое-где темно-синее небо, звездочки мерцали сквозь жидкие, быстро летевшие облака. Очерки деревьев, обрызганных дождем и взволнованных ветром, начинали выступать из мрака. Мы стали прислушиваться. Лесник снял шапку и потупился. «Во... вот, — проговорил он вдруг и протянул руку, — вишь какую ночку выбрал». Я ни-

¹ Полка — здесь: часть затвора ружья.

² «Верхом» называется в Орловской губернии овраг. — Прим. автора.

и прозеваю его». — «Я с тобой пойду... хочешь?» — «Ладно, — отвечал он и попятил лошадь назад, — мы его духом поймем, а там я вас провожу. Пойдемте».

Мы пошли: Бирюк впереди, я за ним. Бог его знает, как он узнавал дорогу, но он останавливался только изредка, и то для того чтобы прислушиваться к стуку топора. «Вишь, — бормотал он сквозь зубы, — слышите? слышите?» — «Да где?» Бирюк пожимал плечами. Мы спустились в овраг, ветер затих на мгновение — мерные удары ясно достигли до моего слуха. Бирюк глянул на меня и качнул головой. Мы пошли далее по мокрому папоротнику и крапиве. Глухой и продолжительный гул раздался.

— Повалил... — пробормотал Бирюк.

Между тем небо продолжало расчищаться; в лесу чуть-чуть светлело. Мы выбрались наконец из оврага. «Подождите здесь», — шепнул мне лесник, нагнулся и, подняв ружье кверху, исчез между кустами. Я стал прислушиваться с напряжением. Сквозь постоянный шум ветра чудились мне не вдалеке слабые звуки: топор осторожно стучал по сучьям, колеса скрипели, лошадь фыркала... «Куда? стой!» — загремел вдруг железный голос Бирюка. Другой голос закричал жалобно, по-заячьи... Началась борьба. «Вре-ешь, вре-ешь, — твердил, задыхаясь, Бирюк, — не уйдешь...» Я бросился в направлении шума и прибежал, спотыкаясь на каждом шагу, на место битвы. У срубленного дерева, на земле, копошился лесник; он держал под собою вора и закручивал ему кушаком руки на спину. Я подошел. Бирюк поднялся и поставил его на ноги. Я увидел мужика, мокрого, в лохмотьях, с длинной растрепанной бородой. Дрянная лошаденка, до половины закрытая угловатой рогожкой, стояла тут же вместе с тележным ходом. Лесник не говорил ни слова; мужик тоже молчал и только головой потряхивал.

— Отпусти его, — шепнул я на ухо Бирюку, — я заплачу за дерево.

Бирюк молча взял лошадь за холку левой рукой: правой он держал вора за пояс. «Ну, поворачивайся, ворона!» — промолвил он сурово. «Топорик-то вон возьми-те», — пробормотал мужик. «Зачем

Е. М. Бем. Порубщик

ему пропадать!» — сказал лесник и поднял топор. Мы отправились. Я шел позади... Дождик начал опять накрапывать и скоро полил ручьями. С трудом добрались мы до избы. Бирюк бросил пойманную лошаденку посреди двора, ввел мужика в комнату, ослабил узел кушака и посадил его в угол. Девочка, которая заснула было возле печки, вскочила и с молчаливым испугом стала глядеть на нас. Я сел на лавку.

— Эх его, какой полил, — заметил лесник, — переждать придется. Не хотите ли прилечь?

— Спасибо.

— Я бы его, для вашей милости, в чуланчик запер, — продолжал он, указывая на мужика, — да вишь, засов...

— Оставь его тут, не трогай, — перебил я Бирюка.

Мужик глянул на меня исподлобья. Я внутренне дал себе слово во что бы то ни стало освободить бедняка. Он сидел неподвижно на лавке. При свете фонаря я мог разглядеть его испитое, морщинистое лицо, нависшие желтые брови, беспокойные глаза, худые члены... Девочка улеглась на полу у самых его ног и опять заснула. Бирюк сидел возле стола, опершись головою на руки. Кузнечик кричал в углу... дождик стучал по крыше и скользил по окнам; мы все молчали.

— Фома Кузьмич, — заговорил вдруг мужик голосом глухим и разбитым, — а, Фома Кузьмич.

— Чего тебе?

— Отпусти.

Бирюк не отвечал.

— Отпусти... с голодухи... отпусти.

— Знаю я вас, — угрюмо возразил лесник, — ваша вся слобода такая — вор на воре.

— Отпусти, — твердил мужик, — приказчик... разорены, во как... отпусти!

— Разорены!.. Воровать никому не след.

— Отпусти, Фома Кузьмич... не погуби. Ваш-то, сам знаешь, заест, во как.

Бирюк отвернулся. Мужика подергивало, словно лихорадка его колотила. Он встряхивал головой и дышал неровно.

— Отпусти, — повторил он с унылым отчаяньем, — отпусти, ей-богу отпусти! Я заплачу, во как, ей-богу. Ей-богу, с голодухи... детки, пищат, сам знаешь. Круто, во как, приходится.

— А ты все-таки воровать не ходи.

— Лошаденку, — продолжал мужик, — лошаденку-то, хоть ее-то... один живот и есть... отпусти!

— Говорят, нельзя. Я тоже человек подневольный: с меня взыщут. Вас баловать тоже не приходится.

— Отпусти! Нужда, Фома Кузьмич, нужда, как есть того... отпусти!

— Знаю я вас!

— Да отпусти!

— Э, да что с тобой толковать; сиди смирно, а то у меня, знаешь? Не видишь, что ли, барина?

Бедняк потупился... Бирюк зевнул и положил голову на стол. Дождик все не переставал. Я ждал, что будет.

Мужик внезапно выпрямился. Глаза у него загорелись, и на лице выступила краска. «Ну, на, ешь, на, подавись, на, — начал он, прищурив глаза и опустив углы губ, — на, душегубец окаянный, пей христианскую кровь, пей...»

Лесник обернулся.

— Тебе говорю, тебе, азиат, кровопийца, тебе!

— Пьян ты, что ли, что ругаться вздумал? — заговорил с изумлением лесник. — С ума сошел, что ли?

— Пьян!.. не на твои ли деньги, душегубец окаянный, зверь, зверь, зверь!

— Ах ты... да я тебя!..

— А мне что? Все едино — пропадать; куда я без лошади пойду? Пришиби — один конец; что с голоду, что так — все едино. Пропадай все: жена, дети — околевай все... А до тебя, погоди, доберемся!

Бирюк приподнялся.

— Бей, бей, — подхватил мужик свирепым голосом, — бей, на, на, бей... (Девочка торопливо вскочила с полу и уставилась на него.) Бей! бей!

— Молчать! — загремел лесник и шагнул два раза.

— Полно, полно, Фома, — закричал я. — Оставь его... Бог с ним.

— Не стану я молчать, — продолжал несчастный. — Все едино — околевать-то. Душегубец ты, зверь, погибели на тебя нету... Да постой, недолго тебе царствовать! затают тебе глотку, постой!

Бирюк схватил его за плечо... Я бросился на помощь мужику...

— Не троньте, барин! — крикнул на меня лесник.

Я бы не побоялся его угрозы и уже протянул было руку, но, к крайнему моему изумлению, он одним поворотом сдернул с локтей мужика кушак, схватил его за пиворот, нахлобучил ему шапку на глаза, растворил дверь и вытолкнул его вон.

— Убирайся к черту с своей лошадью! — закричал он ему вслед, — да смотри, в другой раз у меня!..

Он вернулся в избу и стал копаться в углу.

— Ну, Бирюк, — промолвил я наконец, — удивил ты меня: ты, я вижу, славный малый.

— Э, полноте, барин, — перебил он меня с досадой, — не извольте только сказывать. Да уж я лучше вас провожу, — прибавил он. — Знать, дождика-то вам не переждать...

На дворе застучали колеса мужицкой телеги.

— Вишь, поплелся! — пробормотал он, — да я его!..

Через полчаса он простился со мной на опушке леса.

1848

Обдумаем прочитанное

Перед вами один из лучших рассказов Тургенева. Попробуйте кратко передать его содержание. Получится примерно следующее: охотник в грозу случайно встретил человека, который оказался лесником. Тот приютил охотника в своей избе. Через некоторое время Бирюк (так звали лесника окрестные крестьяне), услышав далекий звук топора, отправился на поиски порубщика и взял с собой рассказчика-охотника... И т. д.

В таком пересказе ухвачена только внешняя цепочка событий. Автора же «Записок охотника» интересовали прежде всего характеры крестьян.

Многие писатели, рисуя своих героев, прямо, непосредственно передавали их мысли и чувства. Вот, например, строки из рассказа Л. Н. Толстого «Кавказский пленник»:

«Ну, — думает Жилин, — знаю вас, чертей, если живого возьмут, посадят в яму, будут плетью пороть. Не дам же живой». А Жилин хоть невелик ростом, а удал был. Выхватил пашку, пустил лошадь прямо на красного татарина, думает: «Либо лошадью сомну, либо срублю пашкой»».

Тургенев стремился раскрыть внутренний мир человека с помощью деталей портрета, жестов, особенностей речи, интонации героя, не говоря прямо о том, что герой думал и чувствовал в данную минуту. Вот, например, девочка, дочь лесника. Она произносит всего пять слов на протяжении рассказа. Писатель не сообщает, какие мысли проносятся в ее голове, какие чувства она испытывает. Мы только догадываемся об этом.

«— Ты разве одна здесь? — спросил я девочку.

— Одна, — произнесла она едва внятно.

— Ты лесникова дочь?

— Лесникова, — прошептала она».

Или:

«— Как тебя зовут? — спросил я.

— Улитой, — проговорила она, еще более понуриив свое печальное личико».

В первом случае, очевидно, девочка стесняется незнакомого человека. Во втором к смущению прибавляется стыд и горькое чувство от сознания одиночества, неустроенной жизни и бедности (ведь отец перед этим рассказал постороннему о бегстве матери и о том, что у них в доме ничего нет, кроме куска хлеба).

Характер девочки с ее неповторимой судьбой раскрыт.

Перечитаем теперь рассказ строчка за строчкой.

Начинается он совсем обычно: «Я ехал с охоты вечером один, на беговых дрожках». Далее следует великолепный тургеневский пейзаж, обращенный и к зрительным, и к слуховым, и к осязательным ощущениям читателя (внимательно прочитайте текст и попытайтесь представить себе нарисованную картину). Разразилась гроза, дождь полил как из ведра. И вдруг при блеске молнии перед охотником возникает высокая фигура: это лесник.

Заметим: слова «вдруг», «внезапно» встретятся в рассказе не один раз. Писатель хочет показать, что в размеренной, обыденной, привычной жизни таятся серьезные конфликты, столкновения людей...

Здесь мы прервем наши рассуждения — дальше работайте самостоятельно по вопросам и заданиям.

1. Поделитесь своими впечатлениями о леснике, которые сложились у вас во время первой его встречи с охотником.

2. Какой вывод о жизни лесника можно сделать, ознакомившись с описанием его избы?

3. Лесник оказывается известным Бирюком — грозой местных крестьян. Почему так удивился охотник, узнав об этом?

4. Перечитайте диалог охотника с Бирюком:

«— Аль у тебя хозяйки нет? — спросил я его.

— Нет, — отвечал он и сильно махнул топором.

— Умерла, знать?

— Нет... да... умерла, — прибавил он и отвернулся.

Я замолчал; он поднял глаза и посмотрел на меня.

— С прохожим мещанином сбежала, — произнес он с жестокой улыбкой. <...> — Вот и его бросила, — продолжал он вполголоса, указывая на ребенка».

Попробуйте рассказать о чувствах героя, скрывающихся за выделенными словами.

5. Пойман порубщик. Вчитайтесь в описание внешности «преступника». Какое чувство он вызывает у вас?

♦ 6. Что меняется внезапно в поведении крестьянина, после того как лесник отвергает его просьбы? Отчего это происходит? Почему, к великому изумлению охотника, лесник освобождает задержанного, хотя и грубо, но выпроваживает его из избы? Что это — боязнь возмездия со стороны крестьян, желание угодить барину и выполнить его просьбу или жалость? Если жалость, то почему она проявилась

только сейчас, да к тому же у человека, который, как говорили, беспощадно расправлялся с порубщиками?

7. Перечитайте заключительный диалог рассказчика с Бирюком:

«— Ну, Бирюк, <...> удивил ты меня: ты, я вижу, славный малый.

— Э, полноте, барин, — перебил он меня с досадой, — не извольте только сказывать».

Действительно ли Бирюк — «славный малый»? О каком его качестве говорят выделенные слова диалога? Почему Бирюк стал чужд брату-мужику?

8. Как Тургенев выполнил свою клятву в рассказе «Бирюк»? Помещик, от которого зависят и мужики, и Бирюк, ни разу не появляется на страницах рассказа. И все-таки, что вы можете сказать о нем, зная жизнь мужиков и лесника?

♦ 9. Попробуйте прочитать рассказ «Бирюк» глазами цензора. Какие «опасные» для крепостников места были бы вычеркнуты или подчеркнуты? Что написал бы цензор в своем отзыве о рассказе Тургенева?

СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ

Это последние произведения И. С. Тургенева. Каждое из стихотворений в прозе было написано автором на отдельном листке и передано редактору журнала «Вестник Европы», где их и напечатали в 1882 году.

Все эти произведения очень разнообразны. Они представляют собой раздумья писателя о жизни и смерти, красоте и безобразии, любви и страдании, о русском языке, будущем великого русского народа, невозвратном прошлом, о силе всепобеждающей любви, душевной красоте простых людей.

Стихотворения в прозе невелики по объему, но глубоки по содержанию. В большинстве случаев рассказ ведется от первого лица, автор как бы вступает в контакт с читателем, делится с ним своими наблюдениями и раздумьями.

Обратите внимание на мелодичность фраз, ведь в этих произведениях нет рифм, не выдерживается стихотворный размер, и вместе с тем вы ощущаете музыкальность речи, передающей настроения автора, его чувства, душевное состояние. Прочитайте вслух первые строки двух стихотворений в прозе:

«Где-то, когда-то, давно-давно тому назад, я прочел одно стихотворение. Оно скоро позабылось мною... но первый стих остался у меня в памяти:

Как хороши, как свежи были розы...»

«На грязи, на вонючей сырой соломе, под навесом ветхого сарая... с лишком две недели умирала она от тифа».

Вы чувствуете, как отличаются начала двух стихотворений друг от друга по тональности, словарю, ритмике фразы?

Стихотворениям в прозе Тургенев предпослал слово «К читателю»: «Добрый мой читатель, не пробегай этих стихотворений сподряд: тебе, вероятно, скучно станет — и книга вывалится у тебя из рук. Но читай их враздробь: сегодня одно, завтра другое; и которое-нибудь из них, может быть, заронит тебе что-нибудь в душу».

Невозможно пересказать содержание стихотворений: они сразу утратят свое очарование. Постарайтесь внимательно их прочитать, а некоторые, особенно понравившиеся вам, выучите наизусть.

Назовите особенности избранного И. С. Тургеневым жанра — стихотворений в прозе.

ЩИ

У бабы-вдовы умер ее единственный, двадцатилетний сын, первый на селе работник.

Барыня, помещица того самого села, узнав о горе бабы, пошла навестить ее в самый день похорон.

Она застала ее дома.

Стоя посреди избы, перед столом, она, не спеша, ровным движеньем правой руки (левая висела плетью) черпала пустые щи со дна закоптелого горшка и глотала ложку за ложкой.

Лицо бабы осунулось и потемнело; глаза покраснели и опухли... но она держалась истово и прямо, как в церкви.

«Господи! — подумала барыня. — Она может есть в такую минуту... Какие, однако, у них у всех грубые чувства!»

И вспомнила тут барыня, как, потеряв несколько лет тому назад девятимесячную дочь, она с горя отказалась нанять прекрасную дачу под Петербургом и прожила целое лето в городе!

А баба продолжала хлебать щи.

Барыня не вытерпела наконец.

— Татьяна! — промолвила она. — Помилуй! Я удивляюсь! Неужели ты своего сына не любила? Как у тебя не пропал аппетит? Как можешь ты есть эти щи!

— Вася мой помер, — тихо проговорила баба, и наблевшие слезы снова побежали по ее впалым щекам. — Значит, и мой

пришел конец: с живой с меня сняли голову. А щам не пропадать же: ведь они посоленные.

Барыня только плечами пожала — и пошла вон. Ей-то соль доставалась дешево.

Май, 1878

ДВА БОГАЧА

Когда при мне превозносят богача Ротшильда, который из громадных своих доходов уделяет целые тысячи на воспитание детей, на лечение больных, на призрение старых — я хвалю и умиляюсь.

Но, и хваля и умиляясь, не могу я не вспомнить об одном убогом крестьянском семействе, принявшем сироту-племянницу в свой разоренный домишко.

— Возьмем мы Катьку, — говорила баба, — последние наши гроши на нее пойдут, — не на что будет соли добыть, похлебку посолить...

— А мы ее... и не соленую, — ответил мужик, ее муж.

Далеко Ротшильду до этого мужика!

Июль, 1878

«КАК ХОРОШИ, КАК СВЕЖИ БЫЛИ РОЗЫ...»

Где-то, когда-то, давно-давно тому назад, я прочел одно стихотворение. Оно скоро позабылось мною... но первый стих остался у меня в памяти:

Как хороши, как свежи были розы...

Теперь зима; мороз запушил стекла окон; в темной комнате горит одна свеча. Я сижу, забившись в угол; а в голове всё звенит да звенит:

Как хороши, как свежи были розы...

И вижу я себя перед низким окном загородного русского дома. Летний вечер тихо тает и переходит в ночь, в теплом воздухе пахнет резедой и липой; а на окне, опершись на выпрямленную руку и склонив голову к плечу, сидит девушка — и безмолвно и пристально смотрит на небо, как бы выжидая появления первых звезд. Как простодушно-вдохновенны задумчивые глаза, как трогательно-невинны раскрытые, вопрошающие губы, как ровно дышит еще не вполне расцветшая, еще ничем не взволнованная грудь, как чист и нежен облик юного лица! Я не дерзаю заговорить с нею, — но как она мне дорога, как бьется мое сердце!

Как хороши, как свежи были розы...

А в комнате всё темней да темней... Нагоревшая свеча трещит, беглые тени колеблются на низком потолке, мороз скрипит и злится за стеною — и чудится скучный, старческий шепот...

Как хороши, как свежи были розы...

Встают передо мною другие образы... Слышится веселый шум семейной деревенской жизни. Две русые головки, прислонясь друг к дружке, бойко смотрят на меня своими светлыми глазками, алые щеки трепещут сдержанным смехом, руки ласково сплелись, вперебивку звучат молодые, добрые голоса; а немного подальше, в глубине уютной комнаты, другие, тоже молодые руки бегают, путаясь пальцами, по клавишам старенького пианино — и ланнеровский вальс не может заглушить воркотню патриархального самовара...

Как хороши, как свежи были розы...

Свеча меркнет и гаснет... Кто это кашляет там так хрипло и глухо? Свернувшись в калачик, жметесь и вздрагиваете у ног моих старый пес, мой единственный товарищ... Мне холодно... Я зябну... И все они умерли... умерли...

Как хороши, как свежи были розы...

Сентябрь, 1879

ВОРОБЕЙ

Я возвращался с охоты и шел по аллее сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачуяв перед собою дичь.

Я глянул вдоль аллеи и увидал молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал березы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой ее мордой — и весь взъерошенный, искаженный, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он ринулся спасать, он заслонил собою свое детище... но все его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И все-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезор остановился, попятился... Видно, и он признал эту силу.

Я поспешил отозвать смущенного пса — и удалился, благоговей.

Да; не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой, героической птицей, перед любовным ее порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

Апрель, 1878

ПАМЯТИ Ю. П. ВРЕВСКОЙ¹

На грязи, на вонючей сырой соломе, под навесом ветхого сарая, на скорую руку превращенного в походный военный госпиталь, в разоренной болгарской деревушке — с лишком две недели умирала она от тифа.

Она была в беспамятстве — и ни один врач даже не взглянул на нее; больные солдаты, за которыми она ухаживала, пока еще могла держаться на ногах, поочередно поднимались с своих зараженных логовищ, чтобы поднести к ее запекшимся губам несколько капель воды в черепке разбитого горшка.

Она была молода, красива; высший свет ее знал; об ней осведомлялись даже сановники. Дамы завидовали ей, мужчины за ней волочились... два-три человека тайно и глубоко любили ее. Жизнь ей улыбалась; но бывают улыбки хуже слез.

Нежное кроткое сердце... и такая сила, такая жажда жертвы! Помогать нуждающимся в помощи... она не ведала другого счастья... не ведала — и не изведала. Всякое другое счастье прошло мимо. Но она с этим давно помирилась — и вся, пылая огнем неугасимой веры, отдалась на служение ближним.

¹ Вревская Юлия Петровна отправилась в качестве сестры милосердия помогать борющимся за свою независимость болгарам. Умерла в Болгарии в 1878 году. И. С. Тургенев сочувствовал народу, восставшему против турецкого господства, и был в дружеских отношениях с Ю. П. Вревской.

Какие заветные клады схоронила она там, в глубине души, в самом ее тайнике, никто не знал никогда — а теперь, конечно, не узнает.

Да и к чему? Жертва принесена... дело сделано.

Но горестно думать, что никто не сказал спасибо даже ее трупу — хоть она сама и стыдилась и чуждалась всякого спасибо.

Пусть же не оскорбится ее милая тень этим поздним цветком, который я осмеливаюсь возложить на ее могилу!

Сентябрь, 1878

РУССКИЙ ЯЗЫК

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!

Июнь, 1882

Обдумаем прочитанное

1. Как вы думаете, чем отличаются «Стихотворения в прозе» от известных вам стихотворений? А что сближает их?

2. Почему стихотворение в прозе «Два богача» Тургенев заканчивает словами: «Далеко Ротшильду до этого мужика»?

3. Что объединяет стихотворения в прозе «Два богача» и «Щи»? Какими предстают в них крестьяне? Как проявляется авторское отношение к героям?

◆ 4. В стихотворении «Как хороши, как свежи были розы...» чередуются два времени — настоящее и невозвратное прошлое. Как использует автор прием контраста для изображения одного и другого? (Обратите внимание на эпитеты, выбор слов, настроение писателя.)

С какой целью, по-вашему, автор привлекает строчку из стихотворения поэта И. П. Мятлева, прочитанного «давно-давно тому назад»? Почему она повторяется несколько раз?

В концовке стихотворения в прозе словно звучит ланнеровский вальс (вальс венского композитора Ланнера). Один исследователь отметил, что и последующие фразы как бы звучат в ритме вальса — ощущается медленно тающий, угасающий мотив... («Свеча меркнет

и гаснет... И все они умерли, умерли».) Попробуйте так прочитать эти последние строки (не забудьте про паузы, постарайтесь ощутить музыкальный ритм фразы).

Расскажите о чувствах, которые вызвало у вас стихотворение.

♦ 5. Какой предстает Ю. П. Вревская в стихотворении в прозе, посвященном ее памяти? Тургенев писал Ю. П. Вревской перед ее отъездом в Болгарию: «Желаю от всей души, чтобы взятый Вами на себя подвиг не оказался непосильным... Целую Ваши милые руки, которым предстоит делать много добрых дел». Каким чувством проникнуто это стихотворение?

6. Как проявилась наблюдательность Тургенева, его любовь ко всему живому в стихотворении в прозе «Воробей»? Проследите, как переходит писатель от наблюдений к философскому раздумью.

7. Объясните, почему гимн русскому языку («Русский язык») завершает цикл «Стихотворений в прозе». Выучите «Русский язык» наизусть.

Приглашаем в библиотеку

«Записки охотника», которые советуем прочитать целиком, любил сам Тургенев. Он мечтал, чтобы их издали в дешевом переплете для училищ и школ.

В цикле этих рассказов предстают перед нами люди из народа: умный, энергичный, волевой Хорь; восторженный, поэтически настроенный Калиныч («Хорь и Калиныч»); «странный», удивительный карлик-старик, правдоискатель, наделенный чувством красоты, Касьян («Касьян с Красивой Мечи»); певец Яков, в голосе которого звучала «русская, правдивая, горячая душа и так и хватала вас за сердце» («Певцы»); крестьянские ребятишки, которые в ночном¹ у костра слушают страшные истории и заставляют автора-рассказчика любоваться их смекалкой, удачей, детской наивностью («Бежин луг»). А с другой стороны — жестокий помещик и его верный слуга («Бурмистр»).

Галерея неповторимых характеров, исполненные глубокого чувства зарисовки природы, богатая, выразительная речь делают «Записки охотника» классическим произведением русской литературы, познакомиться с которым должен каждый, кто стремится овладеть культурой родного народа.

¹ Ночное — ночная пастыба коней.

Николай Алексеевич НЕКРАСОВ

(1821—1877)

Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру неведомый
ему,

Но я ему служил — и сердцем
я спокоен...
Н. А. Некрасов

О детстве и ранней юности Некрасова рассказал К. И. Чуковский в статье, отрывки из которой напечатаны в хрестоматии для 5-го класса. Вспомним: барская усадьба на берегу Волги; дружба мальчика с крестьянскими ребятишками; суровый отец, любящая мать; интерес к народным сказкам; любовь к родной природе; ярославская гимназия; всепоглощающая страсть к чтению. Наконец — Петербург, тяжелое, полуголодное существование, изнуряющая работа в поисках куска хлеба и — начало поэтического творчества. Спасли Некрасова не только талант и природный ум, но и настойчивость и колоссальное трудолюбие. В 1841 году происходит встреча с известным критиком В. Г. Белинским, которая предопределила дальнейший творческий путь поэта.

Некрасов становится редактором журнала «Современник», основанного еще Пушкиным, одного из лучших, передовых журналов той поры. Чтобы подготовить только один выпуск журнала, он прочитывал около двенадцати тысяч страниц разных рукописей — половину отобранного им материала запрещала цензура. Некрасов сумел оценить талант таких писателей, как Тургенев, Л. Толстой, Достоевский, Гончаров, произведения которых впервые были опубликованы в «Современнике».

В 1856 году вышел сборник стихотворений Некрасова. Книга имела огромный успех. Народная тема заняла в ней одно из основных мест. Крестьяне, бурлаки, рабочие, дети,

проводящие все свои дни у фабричных машин, рекруты, погибающие от беспощадной муштры на военной службе, становятся героями его произведений.

Сложные чувства владеют поэтом: любовь, сострадание к народу и одновременно огорчение, досада, вызванные его долготерпением:

Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты менее терпел?..
(«На Волге»)

...Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил?..
(«Размышления у парадного подъезда»)

И все же вера поэта в могучие, неисчерпаемые силы народа была непоколебима. Она сказалась и в том стихотворении, которое вам предстоит прочитать, — «Железная дорога».

Назовите стихотворения Некрасова, которые вы знаете. Какие из них вам особенно нравятся? Чем?

СТРОКИ ИСТОРИИ

Одно из лучших стихотворений Некрасова «Железная дорога» воспроизводит картины строительства железной дороги между Петербургом и Москвой в 1842—1852 годах.

Руководить строительством Николай I поручил графу П. А. Клейнмихелю, бывшему адъютанту Аракчеева, деспоту и казнокраду. Чтобы щегольнуть перед царем быстротою стройки, Клейнмихель не падал здоровья и жизни рабочих. Инженер В. А. Панаев, близкий приятель Некрасова, впоследствии вспоминал: «...Это был самый несчастный народ на всей русской земле, который походил скорее не на людей, а на рабочий скот, от которого требовали в работе нечеловеческих сил без всякого, можно сказать, вознаграждения».

Но дело не только в картинах строительства Николаевской железной дороги. Поэт в стихотворении поднимает вопрос, злободневный не только в 60-е годы XIX века, но и позднее, вплоть до нашего времени. А какой это вопрос — вы увидите дальше, вдумываясь в стихотворение. Вот оно.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Ваня (в кучерском армячке).

Папаша! Кто строил эту дорогу?

Папаша (в пальто на красной подкладке)¹.

Граф Петр Андреич Клейнмихель, душенька!

Разговор в вагоне

I

Славная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит;

Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно — покой и простор! —
Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни —

Все хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

II

Добрый папаша! К чему в обаянии²
Умного Ваню держать?
Вы мне позвольте при лунном сиянии
Правду ему показать.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден —
Не по плечу одному!
В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод название ему.

¹ Пальто на красной подкладке носили генералы. Кучерской армячок Вани — деталь, намекающая на показное народолюбие его отца-генерала.

² Обаяние — здесь: состояние человека, находящегося под влиянием какого-то внушения, обмана.

Водит он армии; в море судами
Правит; в артели стоняет людей,
Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотесцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные.
Многие — в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то всё косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Чу! восклицанья слышались грозные!
Топот и скрежет зубов;
Тень набежала на стекла морозные...
Что там? Толпа мертвецов!

То обгоняют дорогу чугунную,
То сторонами бегут.
Слышишь ты пение?... «В ночь эту лунную
Любо нам видеть свой труд!

Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролись с голодом,
Мерзли и мокли, болели цингой.

Грабили нас грамотей-десятники¹,
Секло начальство, давила нужда...
Всё претерпели мы, Божии ратники,
Мирные дети труда!

Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено...
Всё ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно?..»

Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки Волги, с Оки,
С разных концов государства великого —
Это всё братья твои — мужики!

Стыдно робеть, закрываться перчаткою,
Ты уж не маленький!.. Волосом рус,
Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый больной белорус:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках;
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун¹ в волосах;

Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала весь век...
Ты приглядишься к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!

Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: тупо молчит
И механически ржавой лопатою
Мерзлую землю долбит!

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет все, что Господь ни пошлет!

Вынесет все — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придется — ни мне, ни тебе.

III

В эту минуту свисток оглушительный
Взвизгнул — исчезла толпа мертвецов!
«Видел, папаша, я сон удивительный, —
Ваня сказал: — тысяч пять мужиков,

Русских племен и пород представители
Вдруг появились — и он мне сказал:

¹ Десятник — старший над группой рабочих.

¹ Колтун — болезнь волос на голове, когда они образуют слипшуюся густую массу.

«Вот они — нашей дороги строители!..»
Захохотал генерал!

«Был я недавно в стенах Ватикана¹,
По Колизею две ночи бродил,
Видел я в Вене святого Стефана²,
Что же... всё это народ сотворил?

Вы извините мне смех этот дерзкий,
Логика ваша немножко дика.
Или для вас Аполлон Бельведерский³
Хуже печного горшка?

Вот ваш народ — эти термы⁴ и бани,
Чудо искусства, — он всё растаскал! —
«Я говорю не для вас, а для Вани...»
Но генерал возражать не давал:

«Ваш славянин, англосакс и германец
Не создавать — разрушать мастера,
Варвары! дикое скопище пьяниц!..
Впрочем, Ванюшей заняться пора;

Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце грешно возмущать.
Вы бы ребенку теперь показали
Светлую сторону...

IV

Рад показать!

Слушай, мой милый: труды роковые
Кончены — немец уж рельсы кладет.
Мертвые в землю зарыты; больные
Скрыты в землянках; рабочий народ

Тесной гурьбой у конторы собрался...
Крепко затылки чесали они:
Каждый подрядчику должен остался,
Стали в копейку прогульные дни!

¹ Ватикан — местопребывание Папы Римского. В музеях и дворцах Ватикана собраны выдающиеся произведения искусства.

² Святой Стефан — старинный собор в Вене, памятник архитектуры.

³ Аполлон Бельведёрский — выдающееся произведение античной скульптуры, изображающее бога солнца и света (древнеримская копия хранится в Бельведере — одном из помещений Ватикана).

⁴ Термы — бани в Древнем Риме. Имели обычно спортивные залы, библиотеки. Играли роль своеобразных клубов.

Всё заносили десятники в книжку —
Брал ли на баню, лежал ли больной:
«Может, и есть тут теперича лишку,
Да вот, поди ты!..» Махнули рукой...

В синем кафтане — почтенный лабазник¹,
Толстый, присадистый, красный, как медь,
Едет подрядчик² по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.

Праздный народ расступается чинно...
Пот оттирает купчина с лица
И говорит, подбоченясь картинно:
«Ладно... нешто... молодца!.. молодца!..

С Богом, теперь по домам, — проздравляю!
(Шапки долой — коли я говорю!)
Бочку рабочим винаставляю
И — недоимку дарю!..»

Кто-то «ура» закричал. Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее... Глядь:
С песней десятники бочку катили...
Тут и ленивый не мог устоять!

Выпряг народ лошадей — и купчину
С криком «ура!» по дороге помчал...
Кажется, трудно отрадней картину
Нарисовать, генерал?..

1864

С рисунка В. Шахова

¹ Лабазник — купец, владелец лабазы — помещения для торговли зерном, мукой.

² Подрядчик — купец или промышленник, взявший у государства или частного лица заказ на выполнение какой-либо работы.

Обдумаем прочитанное

1. В стихотворении четыре части. Как связаны они между собой? Попробуйте озаглавить их, но так, чтобы ваше название (это может быть и строчка из стихотворения) определяло основной смысл каждой части. Например, первую часть можно озаглавить «Славная осень». Какую строчку выберете вы?

2. Почему Некрасов открывает стихотворение описанием «славной осени»? Ведь можно было сразу начать с рассказа о «царе-голоде». Назовите художественные средства, которые использует поэт для создания картины «славной осени». Какими чувствами проникнута эта картина?

3. Перечитайте строки:

...Всюду любимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

Найдите в приведенных строках повторяющийся гласный звук. Чего достигает поэт таким повторением?

4. Чем можно объяснить желание поэта не *рассказать* Ване о труде строителей, а *показать* картины каторжного труда? Какую роль в этих картинах играют тени умерших и песни мертвецов?

5. Сравните слова из песни мертвецов: «В ночь эту лунную / Любо нам видеть свой труд!» — и: «Мы надрывались под зноем, под холодом, / С вечно согнутой спиной, / Жили в землянках, боролись с голодом, / Мерзли и мокли, болели цингой». Сформулируйте вывод о двух сторонах народного труда, вытекающий из указанного сопоставления. Чем Некрасов объясняет противоречие в чувствах строителей железной дороги?

6. Что дает основание автору верить в будущее русского народа? Как вы понимаете строки: «Вынесет всё — и широкую, ясную / Грудью дорогу проложит себе»? Почему за этими строками, полными веры в будущее, следуют другие: «Жаль только — жить в эту пору прекрасную / Уж не придется — ни мне, ни тебе»?

7. В стихотворении выражены два взгляда на народ — генерала и поэта. В чем существо данных взглядов? А теперь, может быть, вы сумеете объяснить смысл и значение эпиграфа к стихотворению.

8. Что добавляет последняя часть стихотворения к сказанному во второй части о народе? Почему «светлая картина» кажется такой безотрадной? Какие чувства вызывает она у поэта? Обратите внимание на изображение рабочих и хозяина, их речь и поведение. Сравните больного белоруса и подрядчика. Что дает такое сопоставление?

9. Как следует прочитать последнюю фразу поэта, обращенную к генералу? Какое слово выделить?

10. Прием контраста (противопоставления) — одна из особенностей построения стихотворения «Железная дорога». Найдите, что чему противопоставлено, например: красота в природе («Всё хорошо под сиянием лунным») — и «безобразье» в человеческих отношениях

(продолжите этот ряд). Какую цель преследует поэт, прибегая к приему противопоставления?

11. На протяжении всего стихотворения поэт охвачен разнообразными чувствами: это и горечь, и сострадание, и нежность, и боль, и возмущение, и тоска, и восхищение, и ирония, и негодование, и надежда. Может быть, вы назовете и другие. И каждое проявление чувств говорит о том, что автор тесно связан с народом, сопереживает его судьбе. Определите, чем вызвана смена чувств поэта. Выберите для выразительного чтения отрывок из стихотворения, постарайтесь передать чувства Некрасова. Выучите этот отрывок наизусть.

12. Сравните два обращения поэта к детям: в стихотворениях «Крестьянские дети» (1861) и «Железная дорога» (1864). Чем они роднятся? Почему Некрасов обращается к молодому поколению? Что ему важно было сказать крестьянским ребятишкам и сыну генерала Ване? Каким предстает поэт в этих стихотворениях? Напомним его обращение к крестьянским детям:

Играйте же, дети! Растите на воле!
Па то вам и красное детство дано,
Чтоб вечно любить это скудное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно.
Храните свое вековое наследство,
Любите свой хлеб трудовой —
И пусть обаянье поэзии детства
Проводит вас в недра землицы родной...

13. Если бы вам пришлось готовить мультимедийную презентацию к стихотворению «Железная дорога», какие кадры, по-вашему, нужно было бы разработать, какие надписи к ним сделать?

Что можно и чего нельзя передать из содержания стихотворения с помощью рисунков? Почему?

14. Рассмотрите на цветной вклейке репродукцию картины Константина Аполлоновича Савицкого «Ремонтные работы на железной дороге». В чем перекликаются между собой картина К. А. Савицкого и стихотворение Н. А. Некрасова?

Для любознательных

«ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА»

И УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Стихотворение Некрасова близко по своему языку, отношению к миру, нарисованным картинам к устному народному творчеству.

«Рельсы чугунные» поэт называет *дороженькой*, а под ковром желтых и свежих листьев, под кочками и моховыми болотами ему чудятся *косточки русские* («Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?»). Вспомним, что слова с уменьшительными и ласкательными суффиксами характерны для устной народной поэзии.

Почему железную дорогу поэт называет *дороженькой*? Прочтите отрывки из народных песен:

Скачет молодец по дороженьке,
Горьки слезы льет из ясных очей...
Там лежит путёк-дороженька —
К разудалу добру молодцу,
Ко могилушке дружка...

Уж как шло горе по дороженьке,
Оно лыком, горе, связано
И мочалом препоясано...

Ласковое и грустное слово *дороженька* издавна впитало в себя и любовь к родной стороне, и воспоминания о горе, несчастьях, страданиях: по дороженьке молодых парней угоняли в рекруты; по дороженьке крестьянин нес на базар последние свои пожитки; мужики уходили в город на заработки, прощаясь — нередко навсегда — с родною деревней; по дороженьке пролегал скорбный путь в далекую Сибирь, в ссылку; по дороженьке двигались похоронные процессии. Вот почему, рисуя бедствия народные, Некрасов употребляет полное горечи и любви слово *дороженька*.

Но, начав свой монолог, обращенный к юному герою стихотворения, зарисовкой *дороженьки*, поэт далее говорит о дороге *железной*:

Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет все, что Господь ни пошлет!

И это не просто указание на материал, из которого сделаны рельсы: слово *железный*, как сказано в словаре В. И. Даля, среди других значений имеет и такое: *немилосердный, бездушный*. Недаром рядом со словами *дорога железная* Некрасов ставит слово *вынес* (*вынесет*). Поясняя смысл этого слова, автор словаря приводит следующие примеры: «Такой мўки вынести нельзя», «А люди выносят и не это», «Горя много вынесли».

Наконец, во второй части стихотворения слово *дорога* употребляется в переносном смысле, когда поэт утверждает веру в то, что народ «широкую, ясную / Грудью дорогу проложит себе».

Так народное слово *дороженька* включается в текст, созданный автором, и вместе с другими родственными словами передает сложное движение поэтической мысли: *дороженька* — *дорога железная* (то есть бездушная, враждебная человеку) — *широкая, ясная дорога* в светлое будущее.

Некрасов, так же как и его предшественники Пушкин и Лермонтов, не бездумно идет вслед за народно-поэтическим творчеством, а пользуется его красками для создания неповторимых картин и выражения своих мыслей и переживаний.

С какой целью, по-вашему, Некрасов, создавая стихотворение, обращался к устному народному творчеству?

ДВА МНЕНИЯ О СТИХОТВОРЕНИИ «ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА»

Член совета Главного управления по делам печати Мартынов дал такой отзыв о «Железной дороге»:

«Нельзя без содрогания читать эту страшную клевету. <...> Автор утверждает, что люди, употребленные на работах, “гроб обрели здесь себе”, что рельсы дороги, вместо подушек, укрепляемы чуть ли не на “косточках русских”, что “начальство секло народ”, предоставляя ему “мерзнуть и гибнуть от цинги в землянках”... автор позволяет себе даже сделать произвольное исчисление мучеников, потерпевших смерть за железную дорогу, утверждая, что таковых пять тысяч...»

Мартынов находил, что стихотворение «Железная дорога» заслуживает «нарекания и преследования». Совет согласился с Мартыновым, и министр внутренних дел определил «объявить второе предостережение журналу “Современник” в лице издателя-редактора, дворянина Николая Некрасова». Для Некрасова это было тяжелым ударом. <...>

Влияние «Железной дороги» на тогдашнюю молодежь было огромно. Замечателен в этом отношении рассказ Г. В. Плеханова¹: «Я был тогда в последнем классе военной гимназии. Мы сидели после обеда группой в несколько человек и читали Некрасова. Едва мы кончили “Железную дорогу”, раздался сигнал, звавший нас на фронтовое учение. Мы спрятали книгу и пошли в цейхгауз² за ружьями, находясь под сильнейшим впечатлением всего только что прочитанного нами. Когда мы стали строиться, мой приятель С. подошел ко мне и, сжимая в руке ружейный ствол, прошептал: “Эх, взял бы я это ружье и пошел бы сражаться за русский народ!” Эти слова, произнесенные украдкой в нескольких шагах от строгого военного начальства, глубоко врезались в мою память. Я вспоминал их потом всякий раз, когда мне приходилось перечитывать “Железную дорогу”».

К. И. Чуковский. Комментарий к «Железной дороге»

¹ Плеханов Георгий Валентинович (1856—1918) — русский революционный деятель, философ.

² Цейхгауз — военный склад.

«ДОЛЮШКА ЖЕНСКАЯ» В СТИХАХ НЕКРАСОВА

Поэт Михаил Дудин писал: «Никто, пожалуй, в русской поэзии не отдал такой трогательной дани женщине, как Некрасов. Созданные им образы прекрасны. Они деятельны и вдохновенны, любовь их благородна и светла, красота их скромна и величественна.

В игре ее конный не словит,
В беде — не сробеет, — спасет:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!¹

Он подарил нам «Орину, мать солдатскую», образы декабристов, разделивших со своими мужьями их трагическую судьбу². <...> Сколько песен создано на певучие стихи Некрасова, сколько их сейчас еще звучит — песен, поднимающих человеческую душу, очищающих ее, как это и положено песням!..»

Прочитайте два стихотворения Некрасова о тяжелой «русской долюшке женской».

ОРИНА, МАТЬ СОЛДАТСКАЯ

День-деньской моя печальница,
В ночь — ночная богомолица,
Векова моя сухотница³...

Из народной песни

Чуть живые, в ночь осеннюю
Мы с охоты возвращаемся,
До ночлега прошлогоднего,
Слава Богу, добираемся.

— Вот и мы! Здорово, старая!
Что насупилась ты, кумушка!
Не о смерти ли задумалась?
Брось! пустая эта думушка!

Посетила ли кручинушка?
Молви — может, и размыкаю. —
И поведала Оринушка
Мне печаль свою великую.

¹ Строки из поэмы «Мороз, Красный нос».

² Имеется в виду поэма «Русские женщины».

³ Сухотница — страдалница (от *сухота* — грусть, горе, страдание).

«Восемь лет сынка не видела,
Жив ли, нет — не откликается,
Уж и свидеться не чаяла,
Вдруг сыночек возвращается.

Вышло молодцу в бессрочные¹...
Истопила жарко банюшку,
Напекла блинов Оринушка,
Не насмотрится на Ванюшку!

Да не долги были радости.
Воротился сын больнехонек,
Ночью кашель бьет солдатика,
Белый плат в крови мокрехонек!

Говорит: «Поправлюсь, матушка!»
Да ошибся — не поправился,
Девять дней хворал Иванушка,
На десятый день преставился²...»

Замолчала — не прибавила
Ни словечка, бесталанная³.
— Да с чего же привязалась
К парню хворость окаянная?

Хилый, что ли, был с рождения?.. —
Встрепенулась Оринушка:
«Богатырского сложения,
Здоровенный был детинушка!

Подивился сам из Питера
Генерал на парня этого,
Как в рекрутское присутствие
Привели его раздетого...

На избенку эту бревнышки
Он один таскал сосновые...
И вились у Иванушки
Русы кудри, как шелковые...»

¹ Солдатская служба продолжалась в середине XIX века 25 лет. Безнадежно больной отпущен в бессрочный отпуск.

² Преставился — умер.

³ Бесталанная — горемычная.

И опять молчит несчастная...
— Не молчи — развей кручинушку!
Что сгубило сына милого —
Чай спросила ты детинушку? —

«Не любил, сударь, рассказывать
Он про жизнь свою военную,
Грех мирянам-то показывать
Душу — Богу обреченную!

Говорить — гневить Всевышнего,
Окаянных бесов радовать...
Чтоб не молвить слова лишнего,
На врагов не подосадовать,

Немота перед кончиною
Подобает христианину.
Знает Бог, какие тягости
Сокрушили силу Ванину!

Я узнать не добивалася.
Никого не осуждаючи,
Он одни слова утешные
Говорил мне, умираючи.

Тихо по двору похаживал
Да постукивал топориком,
Избу ветхую облаживал,
Огород обнес забориком;

Перекрыть сарай задумывал,
Не сбылись его желания:
Слег — и встал на ноги резвые
Только за день до скончания!

Поглядеть на солнце красное
Пожелал, — пошла я с Ванею:
Попрощался со скотинкою,
Попрощался с ригой, с банею.

Сенокосом шел — задумался,
— Ты прости, прости, полянушка!
Я косил тебя во младости! —
И заплакал мой Иванушка!

Песня вдруг с дороги грянула,
Подхватил, что было голосу,

«Не белы снежки», закашлялся,
Задышался — пал на полосу!

Не стояли ноги резвые,
Не держалась головушка!
С час домой мы возвращались...
Было время — пел соловушка!

Страшно в эту ночь последнюю
Было: память потерялася,
Всё ему перед кончиною
Служба эта представлялася.

Ходит, чистит амуницию¹,
Набелил ремни солдатские,
Языком играл сигналики,
Песни пел — такие хватские!

Артикул² ружьем выкидывал,
Так, что весь домишко вздрагивал;
Как журавль стоял на поженке
На одной — носок вытягивал.

Вдруг метнулся... смотрит жалобно...
Повалился — плачет, кается,
Крикнул «Ваше благородие!
Ваше!..» — Вижу — задыхается;

Я к нему. Утих, послушался —
Лег на лавку. Я молилася:
Не пошлет ли Бог спасение?...
К утру память воротилася,

Прошептал: «Прощай, родимая!
Ты опять одна осталася!..»
Я над Ваней наклонилася,
Покрестила, попрощалася,

И погас он, словно свеченька
Восковая, предыконная...»
Мало слов, а горя реченька,
Горя реченька бездонная!..
1863

¹ Амуниция — солдатское снаряжение, кроме одежды и оружия.

² Артикул — здесь: ружейный прием.

Обдумаем прочитанное

1. В деревне Острцово Костромской области долгое время бытовало предание, связанное с именем Некрасова. Жители полагали, что героиня стихотворения «Орина, мать солдатская» — их односельчанка Орина. По словам крестьян, однажды к Орине зашел усталый, плутовавший по лесу охотник, которому она рассказала о своем вдовьем житье. Считалось, что этим охотником был Некрасов. Поэт действительно часто охотился в соседнем Буйском уезде, когда приезжал на отдых в родные места. Сестра Некрасова вспоминала: «Орина, мать солдатская» сама ему рассказывала свою ужасную жизнь. Он говорил, что несколько раз делал крюк, чтобы поговорить с ней. Брат мой не был зол, но печать гнева и печали легла на нем рано».

Почему, однако, стихотворение нельзя рассматривать как точную копию жизненных событий?

♦ 2. Почему историю солдата автор излагает не сам, а вкладывает в уста матери и ее именем называет стихотворение? Как мы узнаём об отношении поэта к героине?

* * *

В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты! — русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.

Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Всевыносящего русского племени
Многострадальная мать!

Зной нестерпимый: равнина безлесная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палит.

Бедная баба из сил выбивается,
Столб насекомых над ней колыхается,
Жалит, щекочет, жужжит!

Приподнимая косулю¹ тяжелую,
Баба порезала ноженьку голую —
Некогда кровь унимать!

Слышится крик у соседней полосыньки, —
Баба туда — растрепалися косыньки, —
Надо ребенка качать!

¹ Косуля — соха.

Что же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать!..

Слезы ли, пот ли у ней над ресницею,
Право, сказать мудрено.
В жбан этот, заткнутый грязной тряпицею,
Канут они — все равно!

Вот она губы свои опаленные
Жадно подносит к краям...
Вкусны ли, милая, слезы соленые
С кислым кваском пополам?..

1862

Обдумаем прочитанное

1. Стихотворение, как вам стало ясно, содержит портретную зарисовку крестьянки, выполняющей тяжелую работу во время страды. В чем же смысл первых шести строк стихотворения, обращенных не только к *крестьянской* женщине? Как вы понимаете образованное Некрасовым слово *всевыносящий* («Всевыносящего русского племени»)?

2. Перечитайте строки:

Что же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать!..

Что это — прославление выносливости русского народа или скрытое осуждение терпения и покорности?

3. Какова роль эпитетов в стихотворении? Как оно построено (покажите значение строф-зарисовок)?

4. Для произведений устного народного творчества характерны слова с уменьшительными и ласкательными суффиксами, постоянные эпитеты, просторечные и разговорные слова и обороты. Докажите близость стихотворений Некрасова «Орина, мать солдатская» и «В полном разгаре страда деревенская...» к устному народному творчеству.

Для самостоятельного чтения

МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС

Из поэмы

Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться,

Вторая — быть матерью сына раба,
А третья — до гроба рабу покоряться,
И все эти грозные доли легли
На женщину русской земли.

Века протекали — всё к счастью стремилось,
Всё в мире по несколько раз изменилось,
Одну только Бог изменить забывал
Суровую долю крестьянки.
И все мы согласны, что тип измелечал
Красивой и мощной славянки.

Случайная жертва судьбы!
Ты глухо, незримо страдала,
Ты свету кровавой борьбы
И жалоб своих не вверяла, —

Но мне ты их скажешь, мой друг!
Ты с детства со мною знакома.
Ты вся — воплощенный испуг,
Ты вся — вековая истома!¹
Тот сердца в груди не носил,
Кто слез над тобою не лил!

Однако же речь о крестьянке
Затеяли мы, чтоб сказать,
Что тип величавой славянки
Возможно и ныне сыскать.

.....
Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивой силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц, —

Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдет — словно солнце осветит!
Посмотрит — рублем подарит!»

Идут они той же дорогой,
Какой весь народ наш идет,
Но грязь обстановки убогой
К ним словно не липнет. Цветет

Красавица, миру на диво,
Румяна, стройна, высока,

Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка.

И голод, и холод выносит,
Всегда терпелива, ровна...
Я видывал, как она косит:
Что взмах — то готова копна!

Платок у ней на ухо сбился,
Того гляди косы падут.
Какой-то парнек изловчился
И кверху подбросил их, шут!

Тяжелые русые косы
Упали на смуглую грудь,
Покрыли ей ноженки босы,
Мешают крестьянке взглянуть.

Она отвела их руками,
На парня сердито глядит.
Лицо величаво, как в раме,
Смущеньем и гневом горит...

По будням не любит безделья.
Зато вам ее не узнать,
Как сгонит улыбка веселья
С лица трудовую печать.

Такого сердечного смеха
И песни, и пляски такой
За деньги не купишь. «Утеха!» —
Твердят мужики меж собой.

В игре ее конный не словит,
В беде не сробеет — спасет:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!

Красивые, ровные зубы,
Что крупные перлы у ней,
Но строго румяные губы
Хранят их красу от людей —

Она улыбается редко...
Ей некогда ляды точить,
У ней не решится соседка
Ухвата, горшка попросить;

¹ Истома — усталость, изнеможение.

Не жалок ей нищий убогой —
Вольно ж без работы гулять!
Лежит на ней дельности строгой
И внутренней силы печать.

В ней ясно и крепко сознание,
Что все их спасенье в труде,
И труд ей несет воздаянье:
Семейство не бьется в нужде,

Всегда у них теплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребята,
На праздник есть лишний кусок.

Идет эта баба к обедне
Пред всею семьей впереди:
Сидит, как на стуле, двухлетний
Ребенок у ней на груди,

Рядком шестилетнего сына
Нарядная матка ведет...
И по сердцу эта картина
Всем любящим русский народ!
1863

Обдумаем прочитанное

1. Чем дополняет этот отрывок ваше представление о крестьянке, возникшее при чтении стихотворений «Орина, мать солдатская» и «В полном разгаре страда деревенская...»?

2. Рассмотрите на цветной вклейке репродукцию картины Алексея Гавриловича Венецианова «На пашне. Весна». В чем сходство образов крестьянки, созданных А. Г. Венециановым и автором поэмы «Мороз, Красный нос»?

Приглашаем в библиотеку

Прочитайте полностью поэму «Мороз, Красный нос».

Проектное задание

Расширение и углубление знаний о поэзии Некрасова

Этапы работы:

1. Выбрать 10—15 понравившихся стихотворений Некрасова, не изученных в школе (выбор производится или индивидуально — каж-

дый ученик выбирает одно-два стихотворения, или в «парах» — содружестве двух учеников, или коллективно — в группах, на которые делится класс).

2. Подготовить устное или письменное обоснование выбора (чем стихотворение обратило на себя внимание, какое место оно занимает в творчестве поэта и т. д.).

3. Определить, какие стихотворения должны привлечь внимание всего класса. Письменные отзывы о них (статьи, комментарии и пр.) подготовить для рукописного сборника.

4. Выделить редактора (редакционную коллегию), корректоров, оформителей сборника.

5. Выпущенный сборник обсудить в классе и, если будет необходимость и возможность, за его пределами.

Михаил Евграфович САЛТЫКОВ- ЩЕДРИН

(1826—1889)

Безжалостный сатирик, навевший такой ужас своим убийственным пером. <...> Человек, чья могучая личность так же интересна, как и деятельность, а жизнь — одна из благороднейших.

С. М. Степняк-Кравчинский¹

Михаил Евграфович Салтыков (псевдоним — Щедрин) родился 15 января 1826 года в селе Спас-Угол Тверской губернии. Он, как и Некрасов, не вынес из своего «дворянского гнезда» отрадных впечатлений. Обстановка в доме Салтыковых была мрачной, безрадостной. Мать писателя, богатая помещица, властная женщина, державшая в полном подчинении безвольного мужа, была сурова и беспощадна не только к крепостным, но и к своим детям, которых делила на «любимчиков» и «постылых».

Первым учителем мальчика был крепостной художник, который обучил его грамоте. В семилетнем возрасте Салтыков-Щедрин пристрастился к чтению. Когда ему исполнилось десять лет, он был отдан в Московский дворянский институт², а через два года как лучший ученик был направлен в Царскосельский лицей, где когда-то учился Пушкин. Уже в лицейские годы он проявил влечение к литературе и стал писать стихотворения, некоторые из них были даже напечатаны в журналах.

Несколько лет Салтыков-Щедрин совмещал писательскую деятельность со служебной. Будучи вице-губернатором в Рязани и в Твери, он старался, насколько это возможно, «не дать в обиду мужика».

¹ Степняк-Кравчинский Сергей Михайлович (1851—1895) — русский писатель, революционный деятель.

² Среднее учебное заведение для детей дворян.

Вскоре он стал сотрудником некрасовского «Современника», а после его закрытия вместе с Некрасовым перешел в журнал «Отечественные записки».

В 1869 году Салтыков-Щедрин и Некрасов решили создать книгу для «детей», подразумевая под этим словом молодое поколение. В том же году появляются первые сказки Салтыкова-Щедрина «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» и «Дикий помещик». В подзаголовке мелким шрифтом было написано: «Для детей изрядного возраста». Когда позднее писатель задумал издать все свои сказки отдельными выпусками, ценой в три копейки каждый и, следовательно, для простого народа, цензор заявил: «...то, что господин Салтыков называет сказками, вовсе не отвечает своему названию; его сказки — та же сатира, и сатира едкая, направленная против общественного и политического нашего устройства». Дешевое издание было запрещено.

Салтыкова-Щедрина современники называли «прокурором русской общественной жизни». Избранный жанр позволял ему, опираясь на традиции русской сатирической народной сказки, в острой занимательной форме изображать пороки и темные стороны жизни в России. Он «до боли сердечной» любил родную страну и потому беспощадно боролся с произволом, «хищничеством, предательством, пустомыслием», рассчитывая на «возбуждение в читателе горького чувства».

?

Какие стороны личной жизни роднят Салтыкова-Щедрина с Тургеневым и Некрасовым?

ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК ОДИН МУЖИК ДВУХ ГЕНЕРАЛОВ ПРОКОРМИЛ

Жили да были два генерала, и так как оба были легкомысленны, то в скором времени, по щучьему велению, по моему хотению, очутились на необитаемом острове.

Служили генералы всю жизнь в какой-то регистратуре; там родились, воспитались и состарились, следовательно, ничего не понимали. Даже слов никаких не знали, кроме: «Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности».

Упразднили регистратуру за ненадобностью и выпустили генералов на волю. Оставшись за штатом, поселились они

в Петербурге, в Подъяческой улице, на разных квартирах; имели каждый свою кухарку и получали пенсию. Только вдруг очутились на необитаемом острове, проснулись и видят: оба под одним одеялом лежат. Разумеется, сначала ничего не поняли и стали разговаривать, как будто ничего с ними и не случилось.

— Странный, ваше превосходительство, мне нынче соннился, — сказал один генерал, — вижу, будто живу я на необитаемом острове...

Сказал это, да вдруг как вскочит! Вскочил и другой генерал.

— Господи! да что ж это такое! где мы! — вскрикнули оба не своим голосом.

И стали друг друга ощупывать, точно ли не во сне, а наяву с ними случилась такая оказия. Однако, как ни старались уверить себя, что все это не больше как сновидение, пришлось убедиться в печальной действительности.

Перед ними с одной стороны расстилалось море, с другой стороны лежал небольшой клочок земли, за которым стлалось все то же безграничное море. Заплакали генералы в первый раз после того, как закрыли регистратуру.

Стали они друг друга рассматривать и увидели, что они в ночных рубашках, а на шеях у них висит по ордену.

— Теперь бы кофейку испить хорошо! — молвил один генерал, но вспомнил, какая с ним неслыханная штука случилась, и во второй раз заплакал.

— Что же мы будем, однако, делать? — продолжал он сквозь слезы. — Ежели теперича доклад написать — какая польза из этого выйдет?

— Вот что, — отвечал другой генерал, — подите вы, ваше превосходительство, на восток, а я пойду на запад, а к вечеру опять на этом месте сойдемся; может быть, что-нибудь и найдем.

Стали искать, где восток и где запад. Вспомнили, как начальник однажды говорил: «Если хочешь сыскать восток, то встань глазами на север, и в правой руке получишь искомое». Начали искать севера, становились так и сак, перепробовали все страны света, но так как всю жизнь служили в регистратуре, то ничего не нашли.

— Вот что, ваше превосходительство: вы пойдите направо, а я налево; этак-то лучше будет! — сказал один генерал, который, кроме регистратуры, служил еще в школе военных кантонистов¹ учителем каллиграфии² и, следовательно, был поумнее.

¹ Школа военных кантонистов — низшая военная школа для солдатских детей.

² Каллиграфия — искусство чистописания.

Сказано — сделано. Пошел один генерал направо и видит — растут деревья, а на деревьях всякие плоды. Хочет генерал достать хоть одно яблоко, да все так высоко висят, что надобно лезть. Попробовал полезть — ничего не вышло, только рубашку изорвал. Пришел генерал к ручью, видит: рыба там, словно в садке на Фонтанке¹, так и кишит, и кишит.

«Вот кабы этакой-то рыбки да на Подъяческую!» — подумал генерал и даже в лице изменился от аппетита.

Зашел генерал в лес — а там рябчики свищут, тетерева токуют, зайцы бегают.

— Господи! еды-то! еды-то! — сказал генерал, почувствовав, что его уже начинает тошнить.

Делать нечего, пришлось возвращаться на условленное место с пустыми руками. Приходит, а другой генерал уж дожидается.

— Ну, что, ваше превосходительство, промыслили что-нибудь?

— Да вот нашел старый нумер «Московских ведомостей»², и больше ничего!

Легли опять спать генералы, да не спится им натошак. То беспокоит их мысль, кто за них будет пенсию получать, то припоминаются виденные днем плоды, рыбы, рябчики, тетерева, зайцы.

— Кто бы мог думать, ваше превосходительство, что человеческая пища, в первоначальном виде, летает, плавает и на деревьях растет? — сказал один генерал.

— Да, — отвечал другой генерал, — признаться, и я до сих пор думал, что булки в том самом виде рождаются, как их утром к кофею подают!

— Стало быть, если, например, кто хочет куропатку съесть, то должен сначала ее изловить, убить, ощипать, изжарить... Только как все это сделать?

— Как все это сделать? — словно эхо, повторил другой генерал.

Замолчали и стали стараться заснуть; но голод решительно отгонял сон. Рябчики, индейки, поросята так и мелькали перед глазами, сочные, слегка подрумяненные, с огурцами, пикулями³ и другим салатом.

¹ Фонтанка — река в Петербурге.

² «Московские ведомости» — реакционная газета. М. Е. Салтыков-Щедрин издевается над ее бессодержательностью и казенной восторженностью.

³ Пикули — мелкорубленные маринованные овощи.

С рисунка Кукрыниксов

— Теперь я бы, кажется, свой собственный сапог съел! — сказал один генерал.

— Хороши тоже перчатки бывают, когда долго ношены! — вздохнул другой генерал.

Вдруг оба генерала взглянули друг на друга: в глазах их светился злобный огонь, зубы стучали, из груди вылетало глухое рычание. Они начали медленно подползать друг к другу и в одно мгновение ока остервенились. Полетели клочья, раздался визг и оханье; генерал, который был учителем каллиграфии, откусил у своего товарища орден и немедленно проглотил. Но вид текущей крови как будто образумил их.

— С нами крестная сила! — сказали они оба разом, — ведь этак мы друг друга съедем! И как мы попали сюда! кто тот злодей, который над нами такую штуку сыграл!

— Надо, ваше превосходительство, каким-нибудь разговором развлечься, а то у нас тут убийство будет! — проговорил один генерал.

— Начинайте! — отвечал другой генерал.

— Как, например, думаете вы, отчего солнце прежде восходит, а потом заходит, а не наоборот?

— Странный вы человек, ваше превосходительство: но ведь и вы прежде встаете, идете в департамент, там пишите, а потом ложитесь спать?

— Но отчего же не допустить такую перестановку: сперва ложусь спать, вижу различные сновидения, а потом встаю?

— Гм... да... А я, признаться, как служил в департаменте, всегда так думал: вот теперь утро, а потом будет день, а потом подадут ужинать — и спать пора!

Но упоминание об ужине обоих повергло в уныние и прекло разговор в самом начале.

— Слышал я от одного доктора, что человек может долгое время своими собственными соками питаться, — начал опять один генерал.

— Как так?

— Да так-с. Собственные свои соки будто бы производят другие соки, эти, в свою очередь, еще производят соки, и так далее, покуда, наконец, соки совсем не прекратятся...

— Тогда что ж?

— Тогда надобно пищу какую-нибудь принять...

— Тьфу!

Одним словом, о чем ни начинали генералы разговор, он постоянно сводился на воспоминание об еде, и это еще более раздражало аппетит. Положили: разговоры прекратить, и, вспомнив о найденном нумере «Московских ведомостей», жадно принялись читать его.

«Вчера, — читал взволнованным голосом один генерал, — у почтенного начальника нашей древней столицы был парадный обед. Стол сервирован был на сто персон с роскошью изумительною. Дары всех стран назначили себе как бы рандеву¹ на этом волшебном празднике. Тут была и «шексинска стерлядь золотая»², и питомец лесов кавказских, фазан, и, столь редкая в нашем севере в феврале месяце, земляника...»

— Тьфу ты, Господи! да неужто ж, ваше превосходительство, не можете найти другого предмета? — воскликнул в отчаянии другой генерал и, взяв у товарища газету, прочел следующее:

«Из Тулы пипут: вчерашнего числа, по случаю поимки в реке Упе осетра (происшествие, которого не запомнят даже

¹ *Рандеву* — свидание (франц.).

² «Шексинска стерлядь золотая» — цитата из стихотворения Державина «Приглашение к обеду».

старожилы, тем более что в осетре был опознан частный пристав¹ Б.), был в здешнем клубе фестиваль². Виновника торжества внесли на громадном деревянном блюде, обложенного огурчиками и держащего в пасти кусок зелени. Доктор П., бывший в тот же день дежурным старшиною, заботливо наблюдал, дабы все гости получили по куску. Подливка была самая разнообразная и даже почти прихотливая...»

— Позвольте, ваше превосходительство, и вы, кажется, не слишком осторожны в выборе чтения! — прервал первый генерал и, взяв, в свою очередь, газету, прочел: «Из Вятки пишут: один из здешних старожилов изобрел следующий оригинальный способ приготовления ухи: взяв живого налима, предварительно его высечь; когда же, от огорчения, печень его увеличится...»

Генералы поникли головами. Все, на что бы они ни обратили взоры, — все свидетельствовало об еде. Собственные их мысли злоумышляли против них, ибо как они ни старались отгонять представления о бифштексах, но представления эти пробивали себе путь насильственным образом.

И вдруг генерала, который был учителем каллиграфии, озарило вдохновение...

— А что, ваше превосходительство, — сказал он радостно, — если бы нам найти мужика?

— То есть как же... мужика?

— Ну да, простого мужика... какие обыкновенно бывают мужики! Он бы нам сейчас и булок бы подал, и рябчиков бы наловил, и рыбы!

— Гм... мужика... но где же его взять, этого мужика, когда его нет?

— Как нет мужика — мужик везде есть, стоит только поискать его! Наверное, он где-нибудь спрятался, от работы отлынивает!

Мысль эта до того ободрила генералов, что они вскочили как встрепанные и пустились отыскивать мужика.

Долго они бродили по острову без всякого успеха, но наконец острый запах мякинного хлеба и кислой овчины навел их на след. Под деревом, брюхом кверху и подложив под голову кулак, спал громаднейший мужичина и самым нахальным образом уклонялся от работы. Негодованию генералов предела не было.

¹ Частный пристав — начальник полицейского участка в городе.

² Фестиваль — здесь: пиршество.

— Спишь, лежебок! — накинулись они на него, — небось и ухом не ведешь, что тут два генерала вторые сутки с голода умирают! сейчас марш работать!

Встал мужичина: видит, что генералы строгие. Хотел было дать от них стрелка, но они так и закоченели, вцепившись в него.

И зачал он перед ними действовать.

Полез сперва-наперво на дерево и нарвал генералам по десятку самых спелых яблоков, а себе взял одно, кислое. Потом покопался в земле — и добыл оттуда картофелю; потом взял два куска дерева, потер их друг об дружку — и извлек огонь. Потом из собственных волос сделал силок и поймал рябчика. Наконец, развел огонь и напек столько разной провизии, что генералам пришло даже на мысль: «Не дать ли и тунеядцу частичку?»

Смотрели генералы на эти мужицкие старания, и сердца у них весело играли. Они уже забыли, что вчера чуть не умерли с голоду, а думали: «Вот как оно хорошо быть генералами — нигде не пропадешь!»

— Довольны ли вы, господа генералы? — спрашивал между тем мужичина-лежебок.

— Довольны, любезный друг, видим твое усердие! — отвечали генералы.

— Не позволите ли теперь отдохнуть?

— Отдохни, дружок, только своей прежде веревочку.

Набрал сейчас мужичина дикой конопли, размочил в воде, поколотил, помял — и к вечеру веревка была готова. Этою веревкою генералы привязали мужичину к дереву, чтоб не убежал, а сами легли спать.

Прошел день, прошел другой; мужичина до того изловчился, что стал даже в пригоршне суп варить. Сделались наши генералы веселые, рыхлые, сытые, белые. Стали говорить, что вот они здесь на всем готовом живут, а в Петербурге между тем пенсии ихние всё накапливаются да накапливаются.

— А как вы думаете, ваше превосходительство, в самом ли деле было вавилонское столпотворение¹, или это только так, одно иносказание? — говорит, бывало, один генерал другому, позавтракавши.

— Думаю, ваше превосходительство, что было в самом деле, потому что иначе как же объяснить, что на свете существуют разные языки!

¹ Вавилонское столпотворение — по библейскому сказанию, жители Древнего Вавилона пытались построить столп (башню) вышиной до неба; в наказание за дерзкую попытку Бог «смешал их языки», и строители перестали понимать друг друга.

— Стало быть, и потоп был?

— И потоп был, потому что, в противном случае, как же было бы объяснить существование допотопных зверей? Тем более, что в «Московских ведомостях» повествуют...

— А не почитать ли нам «Московских ведомостей»?

Сыщут нумер, усядутся под тенью, прочтут от доски до доски, как ели в Москве, ели в Туле, ели в Пензе, ели в Рязани — и ничего, не тошнит!

* * *

Долго ли, коротко ли, однако генералы соскучились. Чаще и чаще стали они припоминать об оставленных ими в Петербурге кухарках и втихомолку даже поплакивали.

— Что-то теперь делается в Подьяческой, ваше превосходительство? — спрашивал один генерал другого.

— И не говорите, ваше превосходительство! все сердце изныло! — отвечал другой генерал.

— Хорошо-то оно хорошо здесь — слова нет! а все, знаете, как-то неловко барашку без ярочки! да и мундира тоже жалко!

— Еще как жалко-то! Особливо как четвертого класса, так на одно шитье посмотреть, голова закружится!¹

И начали они нудить мужика: представь да представь их в Подьяческую! И что ж! оказалось, что мужик знает даже Подьяческую, что он там был, мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попало!

— А ведь мы с Подьяческой генералы! — обрадовались генералы.

— А я, коли видели: висит человек снаружи дома, в ящике на веревке, и стену краской мажет, или по крыше, словно муха, ходит — это он самый я и есть! — отвечал мужик.

И начал мужик на бобах разводить, как бы ему своих генералов порадовать за то, что они его, тунеядца, жаловали и мужицким его трудом не гнушались! И выстроил он корабль — не корабль, а такую посудину, чтоб можно было океан-море переплыть вплоть до самой Подьяческой.

— Ты смотри, однако, каналья, не утопи нас! — сказали генералы, увидев покачивавшуюся на волнах ладью.

— Будьте покойны, господа генералы, не впервой! — отвечал мужик и стал готовиться к отъезду.

Набрал мужик пуху лебяжьего мягкого и устлал им дно лодочки. Устлавши, уложил на дно генералов и, перекрестившись, поплыл. Сколько набрались страху генералы во время пути от бурь да от ветров разных, сколько они ругали мужичину за его тунеядство — этого ни пером описать, ни в сказке сказать. А мужик все гребет да гребет, да кормит генералов селедками.

Вот, наконец, и Нева-матушка, вот и Екатерининский славный канал, вот и Большая Подьяческая! Всплеснули кухарки руками, увидевши, какие у них генералы стали сытые, белые да веселые! Напились генералы кофею, наелись сдобных булок и надели мундиры. Поехали они в казначейство, и сколько тут денег загребли — того ни в сказке сказать, ни пером описать!

Однако и об мужике не забыли — выслали ему рюмку водки да пятак серебра: веселись, мужичина!

1869

Обдумаем прочитанное

1. Какие места в «Повести...» вам показались особенно смешными?

2. Как вы думаете, почему писатель прибегает к фантастике, сочетая ее с реальностью? Ведь можно было оставить генералов в Петербурге, а не переселять их на необитаемый остров.

◆ 3. Свою сказку Салтыков-Щедрин назвал повестью. Но это не определение литературного жанра (вида), как, например, у Гоголя (повести «Вечера на хуторе близ Диканьки»). Для Щедрина слово *повесть* означает «повествование».

Что сближает произведение Салтыкова-Щедрина с народными сказками и сказками Ершова, Пушкина, а что отличает от них?

4. Как построена сказка? Назовите ее основные части (можно использовать цитаты из текста).

5. Почему автор не дает в сказке ни фамилий, ни имен генералов? В каком виде они предстают перед читателями? В чем комизм их положения?

◆ 6. Покажите, что комичность двух генералов обусловлена противоречием между стремлением казаться людьми важными, значительными и ничтожностью собственных натур.

◆ 7. Обратите внимание на диалоги генералов. Как они их характеризуют? Попробуйте дать свой комментарий к любому из диалогов. Обратите внимание на пустословие героев.

8. Почему так растеряны и беспомощны генералы среди изобилия «еды»?

¹ Чины делились на 14 классов. Высшим был первый класс. Чин четвертого класса в гражданской службе — действительный статский советник, военной — генерал-майор. Мундиры чиновников первых классов были украшены золотым шитьем.

9. И начал мужчина «перед ними действовать». Как эти «действия» его характеризуют? Почему он безропотно подчинился генералам и даже был им благодарен за то, что они «мужицким его трудом не гнушались»?

10. В тексте сказки несколько раз встречается слово *тунеядец*. «Тунеядец — это человек, который живет за чужой счет, чужим трудом, бездельник», — так поясняется данное слово в толковом словаре русского языка. В каких значениях употреблено автором слово в разных ситуациях? Приведите примеры.

11. Найдите в тексте сказки слова и выражения, с помощью которых писатель дает прямую оценку героев. Обратите внимание на авторскую иронию.

ДИКИЙ ПОМЕЩИК

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был помещик, жил и на свет глядячи радовался. Всего у него было довольно: и крестьян, и хлеба, и скота, и земли, и садов. И был тот помещик глупый, читал газету «Весть»¹ и тело имел мягкое, белое и рассыпчатое.

Только и взмолился однажды Богу этот помещик:

— Господи! всем я от Тебя доволен, всем награжден! Одно только сердцу моему непереносно: очень уж много развелось в нашем царстве мужика!

Но Бог знал, что помещик тот глупый, и прощению его не внял. Видит помещик, что мужика с каждым днем не убывает, а все прибывает, — видит и опасается: «А ну, как он у меня все добро приест?»

Заглянет помещик в газету «Весть», как в сем случае поступать должно, и прочитает: «Старайся!»

— Одно только слово написано, — молвит глупый помещик, — а золотое это слово!

И начал он стараться, и не то чтоб как-нибудь, а все по правилу. Курица ли крестьянская в господские овсы забредет — сейчас ее, по правилу, в суп; дровец ли крестьянин нарубить по секрету в господском лесу соберется — сейчас эти самые дрова на господский двор, а с порубчика, по правилу, штраф.

— Больше я нынче этими штрафами на них действую! — говорит помещик соседям своим, — потому что для них это понятнее.

Видят мужики: хоть и глупый у них помещик, а разум ему дан большой. Сократил он их так, что некуда носа высунуть:

куда ни глянут — все нельзя, да не позволено, да не ваше! Скопинка на водопой выйдет — помещик кричит: «Моя вода!», курица за околицу выбредет — помещик кричит: «Моя земля!» И земля, и вода, и воздух — все его стало! Лучины не стало мужику в светец зажечь, прута не стало, чем избу вымести. Вот и взмолились крестьяне всем миром к Господу Богу:

— Господи! легче нам пропасть и с детьми с малыми, нежели всю жизнь так маяться!

Услышал милостивый Бог слезную молитву сиротскую, и не стало мужика на всем пространстве владений глупого помещика. Куда девался мужик — никто того не заметил, а только видели люди, как вдруг поднялся мякинный вихрь и, словно туча черная, пронеслись в воздухе посконные мужицкие портки. Вышел помещик на балкон, потянул носом и чует: чистый-пречистый во всех его владениях воздух сделался. Натурально, остался доволен. Думает: «Теперь-то я понежу свое тело белое, тело белое, рыхлое, рассыпчатое!»

И начал он жить да поживать и стал думать, чем бы ему свою душу утешить.

«Заведу, думает, театр у себя! напишу к актеру Садовскому: приезжай, мол, любезный друг! и актерок с собой привози!»

Послушался его актер Садовский: сам приехал и актерок привез. Только видит, что в доме у помещика пусто и ставить театр и занавес поднимать некому.

— Куда же ты крестьян своих девал? — спрашивает Садовский у помещика.

— А вот Бог, по молитве моей, все мои владения от мужика очистил!

— Однако, брат, глупый ты помещик! кто же тебе, глупому, умываться подает?

— Да я уж и то сколько дней немытый хожу!

— Стало быть, шампиньоны на лице растить собрался? — сказал Садовский, и с этим словом и сам уехал, и актерок увез.

Вспомнил помещик, что есть у него поблизости четыре генерала знакомых; думает: «Что это я все гранпасьянс да гранпасьянс¹ раскладываю! Попробую-ко я с генералами в пятером пульку²-другую сыграть!»

Сказано — сделано: написал приглашения, назначил день и отправил письма по адресу. Генералы были хоть и настоящие,

¹ Гранпасьянс — раскладывание карт по определенным правилам, часто с целью гадания.

² Пўлька — партия игры в карты.

¹ Реакционная политическая газета (1863—1870).

но голодные, а потому очень скоро приехали. Приехали — и не могут надивиться, отчего такой у помещика чистый воздух стал.

— А оттого это, — хвастается помещик, — что Бог, по молитве моей, все владения мои от мужика очистил!

— Ах, как это хорошо! — хвалят помещика генералы, — стало быть, теперь у вас этого холопьяго запаху нисколько не будет?

— Нисколько, — отвечает помещик.

Сыграли пульку, сыграли другую; чувствуют генералы, что пришел их час водку пить, приходят в беспокойство, озираются.

— Должно быть, вам, господа генералы, закусить захотелось? — спрашивает помещик.

— Не худо бы, господин помещик!

Встал он из-за стола, подошел к шкапу и вынимает оттуда по леденцу да по печатному прянику на каждого человека.

— Что ж это такое? — спрашивают генералы, вытаращив на него глаза.

— А вот, закусите, чем Бог послал!

— Да нам бы говядинки! говядинки бы нам!

— Ну, говядинки у меня про вас нет, господа генералы, потому что с тех пор, как меня Бог от мужика избавил, и печка на кухне стоит нетоплена!

Рассердились на него генералы так, что даже зубы у них застучали.

— Да ведь жрешь же ты что-нибудь сам-то? — накинулись они на него.

— Сырjem кой-каким питаюсь, да вот пряники еще покуда есть...

— Однако, брат, глупый же ты помещик! — сказали генералы и, не dokonчив пульки, разбрелись по домам.

Видит помещик, что его уж в другой раз дураком чествуют, и хотел было уж задуматься, но так как в это время на глаза попала колода карт, то махнул на все рукою и начал раскладывать гранпасьянс.

— Посмотрим, — говорит, — господа либералы¹, кто кого одолеет! Докажу я вам, что может сделать истинная твердость души!

Раскладывает он «дамский каприз»² и думает: «Ежели сряду три раза выйдет, стало быть, надо не взирать». И как назло, сколько раз ни разложит — все у него выходит, все выходит! Не осталось в нем даже сомнения никакого.

¹ Либерал — здесь: вольнодумец.

² «Дамский каприз» — вид пасьянса.

— Уж если, — говорит, — сама фортуна указывает, стало быть, надо оставаться твердым до конца. А теперь, покуда, довольно гранпасьянс раскладывать, пойду, позаймусь!

И вот ходит он, ходит по комнатам, потом сядет и посидит. И все думает. Думает, какие он машины из Англии выпишет, чтоб все паром да паром, а холопского духу чтоб нисколько не было. Думает, какой он плодовый сад разведет: «Вот тут будут груши, сливы; вот тут — персики, тут — грецкий орех!» Посмотрит в окошко — а там все, как он задумал, все точно так уж и есть! Ломятся, по щучьему велению, под грузом плодов деревья грушевые, персиковые, абрикосовые, а он только знай фрукты машинами собирает да в рот кладет! Думает, каких он коров разведет, что ни кожи, ни мяса, а все одно молоко, все молоко! Думает, какой он клубники насадит, все двойной да тройной, по пяти ягод на фунт, и сколько он этой клубники в Москве продаст. Наконец устанет думать, пойдет к зеркалу посмотреться — а там уж пыли на вершок насело...

— Сенька! — крикнет он вдруг, забывшись, но потом спохватится и скажет, — ну, пускай себе до поры до времени так постоит! а уж докажу же я этим либералам, что может сделать твердость души!

Промаячит таким манером, покуда стемнеет, — и спать!

А во сне сны еще веселее, нежели наяву, снятся. Снится ему, что сам губернатор о такой его помещичьей непреклонности узнал и спрашивает у исправника: «Какой такой твердый курицын сын у вас в уезде завелся?» Потом снится, что его за эту самую непреклонность министром сделали, и ходит он в лентах, и пишет циркуляры: «Быть твердым и не взирать!» Потом снится, что он ходит по берегам Евфрата и Тигра...¹

— Ева, мой друг! — говорит он.

Но вот и сны все пересмотрел: надо вставать.

— Сенька! — опять кричит он, забывшись, но вдруг вспомнит... и поникнет головою.

— Чем бы, однако, заняться? — спрашивает он себя, — хоть бы лешего какого-нибудь нелегкая принесла!

И вот по этому его слову вдруг приезжает сам капитан-исправник². Обрадовался ему глупый помещик несказанно;

¹ То есть, согласно Библии, в рай.

² Капитан-исправник — начальник уездной полиции (часто называли просто исправником).

побежал в шкап, вынул два печатных пряника и думает: «Ну, этот, кажется, останется доволен!»

— Скажите, пожалуйста, господин помещик, каким это чудом все ваши временнообязанные¹ вдруг исчезли? — спрашивает исправник.

— А вот так и так, Бог, по молитве моей, все владения мои от мужика совершенно очистил!

— Так-с; а не известно ли вам, господин помещик, кто подати за них платить будет?

— Подати?... это они! это они сами! это их священнейший долг и обязанность!

— Так-с; а каким манером эту подать с них взыскать можно, коли они, по вашей молитве, по лицу земли рассеяны?

— Уж это... не знаю... я, с своей стороны, платить не согласен!

— А известно ли вам, господин помещик, что казначейство без податей и повинностей, а тем паче без винной и соляной регалий² существовать не может?

— Я что ж... я готов! рюмку водки... я заплачу!

— Да вы знаете ли, что, по милости вашей, у нас на базаре ни куска мяса, ни фунта хлеба купить нельзя? знаете ли вы, чем это пахнет?

— Помилуйте! я, с своей стороны, готов пожертвовать! вот целых два пряника!

— Глупый же вы, господин помещик! — молвил исправник, повернулся и уехал, не взглянув даже на печатные пряники.

Задумался на этот раз помещик не на шутку. Вот уж третий человек его дураком чествует, третий человек посмотрит-посмотрит на него, плюнет и отойдет. Неужто он в самом деле дурак? неужто та непреклонность, которую он так лелеял в душе своей, в переводе на обыкновенный язык означает только глупость и безумие? и неужто, вследствие одной его непреклонности, остановились и подати, и регалии, и не стало возможности достать на базаре ни фунта муки, ни куска мяса?

И как был он помещик глупый, то сначала даже фыркнул от удовольствия при мысли, какую он штуку сыграл, но потом вспомнил слова исправника: «А знаете ли, чем это пахнет?» — и струсил не на шутку.

¹ Временнообязанные — бывшие крепостные, несшие повинности за пользование землей.

² Регалия — здесь: исключительное право государства на получение доходов от какой-либо отрасли производства или торговли.

Стал он, по обыкновению, ходить взад да вперед по комнатам и все думает: «Чем же это пахнет? уж не пахнет ли водворением каким? например, Чебоксарами? или, быть может, Варнавиным?»¹

— Хоть бы в Чебоксары, что ли! по крайней мере, убедился бы мир, что значит твердость души! — говорит помещик, а сам по секрету от себя уж думает: «В Чебоксарах-то я, может быть, мужика бы моего милого увидал!»

Походит помещик, и посидит, и опять походит. К чему ни подойдет, все, кажется, так и говорит: «А глупый ты, господин помещик!» Видит он, бежит чрез комнату мышонка и крадется к картам, которыми он гранпасьянс делал и достаточно уже замаслил, чтоб возбудить ими мышинный аппетит.

— Кшш... — бросился он на мышонка.

Но мышонка был умный и понимал, что помещик без Сеньки никакого вреда ему сделать не может. Он только хвостом вильнул в ответ на грозное восклицание помещика и чрез мгновение уже выглядывал на него из-под дивана, как будто говоря: «Погоди, глупый помещик! то ли еще будет! я не только карты, а и халат твой съем, как ты его позамаслишь как следует!»

Много ли, мало ли времени прошло, только видит помещик, что в саду у него дорожки репейником поросли, в кустах змеи да гады всякие кишмя кишат, а в парке звери дикие воют. Однажды к самой усадьбе подошел медведь, сел на корточках, поглядывает в окошки на помещика и обливается.

— Сенька! — вскрикнул помещик, но вдруг спохватился... и заплакал.

Однако твердость души все еще не покидала его. Несколько раз он ослабевал, но как только почувствует, что сердце у него начнет растворяться, сейчас бросится к газете «Весть» и в одну минуту ожесточится опять.

— Нет, лучше совсем одичаю, лучше пусть буду с дикими зверьми по лесам скитаться, но да не скажет никто, что российский дворянин, князь Урус-Кучум-Кильдибаев, от принципов отступил!

И вот он одичал. Хоть в это время наступила уже осень и морозцы стояли порядочные, но он не чувствовал даже холода. Весь он, с головы до ног, оброс волосами, словно древний

¹ Чебоксáры, Варна́вино — тогдашние символы захолустья. Намек на возможную ссылку.

Исав¹, а ногти у него сделались, как железные. Сморгаться уж он давно перестал, ходил же все больше на четвереньках и даже удивлялся, как он прежде не замечал, что такой способ прогулки есть самый приличный и самый удобный. Утратил даже способность произносить членораздельные звуки и усвоил себе какой-то особенный победный клик, среднее между свистом, шипеньем и рывканьем. Но хвоста еще не приобрел.

Выйдет он в свой парк, в котором он когда-то нежил свое тело рыхлое, белое, рассыпчатое, как кошка, в один миг, взлетит на самую вершину дерева и стережет оттуда. Прибежит, это, заяц, встанет на задние лапки и прислушивается, нет ли откуда опасности, — а он уж тут как тут. Словно стрела соскочит с дерева, вцепится в свою добычу, разорвет ее ногтями, да так со всеми внутренностями, даже со шкурой, и съест.

И сделался он силен ужасно, до того силен, что даже счел себя вправе войти в дружеские сношения с тем самым медведем, который некогда посматривал на него в окошко.

— Хочешь, Михаиле Иванович, походы вместе на зайцев будем делать? — сказал он медведю.

— Хотеть — отчего не хотеть! — отвечал медведь, — только, брат, ты напрасно мужика этого уничтожил!

— А почему так?

— А потому, что мужика этого есть не в пример способнее было, нежели вашего брата дворянина. И потому скажу тебе прямо: глупый ты помещик, хоть мне и друг!

Между тем капитан-исправник хоть и покровительствовал помещикам, но ввиду такого факта, как исчезновение с лица земли мужика, смолчать не посмел. Встревожилось его донесением и губернское начальство, пишет к нему: «А как вы думаете, кто теперь подати будет вносить? кто будет вино по кабакам пить? кто будет невинными занятиями заниматься?» Отвечает капитан-исправник: казначейство-де теперь упразднить следует, а невинные-де занятия и сами собой упразднились, вместо же них распространились в уезде грабежи, разбой и убийства. На днях-де и его, исправника, какой-то медведь не медведь, человек не человек едва не задрал, в каковом человеко-медведе и подозревает он того самого глупого помещика, который всей смуте зачинщик.

Обеспокоились начальники и собрали совет. Решили: мужика изловить и водворить, а глупому помещику, который

¹ Исав — библейский персонаж, отличавшийся могучей растительностью.

всей смуте зачинщик, наиделикатнейше внушить, дабы он фанфаронства¹ свои прекратил и поступлению в казначейство податей препятствия не чинил.

Как нарочно, в это время чрез губернский город летел отроившийся рой мужиков и осыпал всю базарную площадь. Сейчас эту благодать обрали, посадили в плетушку и послали в уезд.

И вдруг опять запахло в том уезде мякиной и овчинами; но в то же время на базаре появились и мука, и мясо, и живность всякая, а податей в один день поступило столько, что казначей, увидав такую груду денег, только всплеснул руками от удивления и вскрикнул:

— И откуда вы, шельмы, берете!!

«Что же случилось, однако, с помещиком?» — спросят меня читатели. На это я могу сказать, что хотя и с большим трудом, но и его изловили. Изловивши, сейчас же высморкали, вымыли и обстригли ногти. Затем капитан-исправник сделал ему надлежащее внушение, отобрал газету «Весть» и, поручив его надзору Сеньки, уехал.

Он жив и доньше. Раскладывает гранпасьянс, тоскует по прежней своей жизни в лесах, умывается лишь по принуждению и по временам мычит.

1869

Обдумаем прочитанное

1. Чем близка сказка «Дикий помещик» к «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил»?

2. Проследите изменения во внешнем облике, поведении и речи помещика на протяжении сказки, по мере того как он дичает без «мужиков».

М. Е. Салтыков-Щедрин как сатирик

Мы называем Салтыкова-Щедрина писателем-сатириком, его сказки — сатирическими произведениями.

Вспомним, что *сатира* — это резкое осмеяние отрицательных явлений, общественных пороков, недостатков. *Юмор* высмеивает частные, несущественные недостатки. Смех юмориста веселый, добродушный. Смех сатирика — гневный, беспощадный; он стремится заклеить зло, уничтожить его смехом.

¹ Фанфаронство — (разг.) бахвальство.

Излюбленные приемы писателя-сатирика — гипербола, гротеск, ирония.

Гипербола — средство художественного изображения, основанное на преувеличении каких-либо особенностей изображаемого явления. Этот прием в сатирических произведениях усиливает комическое впечатление от нарисованной писателем картины («Пришел генерал к ручью, видит: рыба там, словно в садке на Фонтанке, так и кишит, и кишит»).

Гротеск — чрезмерное преувеличение, придающее герою или явлению фантастический, уродливо-комичный характер. Гротеск нарушает границы правдоподобия (генерал «откусил у своего товарища орден и немедленно проглотил»).

Ирония — скрытая насмешка, при которой высказывание противоречит тому, что подразумевается («Однако и об мужике не забыли — выслали ему рюмку водки да пятак серебра: веселись, мужичина!»).

?

1. Приведите примеры сатирической гиперболы и гротеска в «Повести...» и «Диком помещике» Салтыкова-Щедрина. А где писатель иронизирует над своими героями?

♦ 2. И. С. Тургенев говорил, что смех Салтыкова-Щедрина «горек и пронзителен». Почему горек? Что огорчало писателя-сатирика? Подтвердите правильность высказывания Тургенева, обратившись к тексту «Повести...». А что вызывало гневный смех Салтыкова-Щедрина?

3. Сатирик, как правило, ставит своих героев в необычные, исключительные обстоятельства. Это помогает подойти к героям с неожиданной стороны и обнаружить их истинную сущность. Каковы необычные обстоятельства, в которых разворачивается действие сказки?

4. Какие мысли и чувства должны были пробудить у «детей изрядного возраста» сказки Салтыкова-Щедрина?

5. Чем близки в отношении к народу Салтыков-Щедрин и Некрасов?

6. Нарисуйте иллюстрации к «Повести...» и «Дикому помещику» или расскажите о содержании своих рисунков.

Приглашаем в библиотеку

Прочитайте сказку «Коняга» и подумайте, в чем смысл противопоставления Коняги и пустоплясов. Как вы понимаете слово «пустоплясы»? Чем сказка «Коняга» перекликается с «Повестью...» и «Диким помещиком»?

Антон Павлович ЧЕХОВ

(1860—1904)

Он не просто описывал жизнь, но жаждал переделать ее, чтобы она стала умнее, человечнее, радостнее.

К. Чуковский

Всего 44 года прожил Антон Павлович Чехов.

О его детстве и юности вы узнали в 6-м классе. Напомним: нелегкие годы в семье небогатого таганрогского лавочника; случайные заработки (репетиторство) после отъезда родителей в Москву; учение на медицинском факультете Московского университета. А далее — врачебная практика, тяжелое по тем временам путешествие на Сахалин для ознакомления с жизнью арестантов и ссыльных, сотрудничество в журналах. В Мелихове, недалеко от Москвы, где Чехов приобрел имение, он не только писал, но занимался обширной благотворительной деятельностью: лечил крестьян, строил школу. В связи с серьезной болезнью писатель переехал в Ялту, но и крымский воздух не помог. В 1904 году Чехов умер на немецком курорте.

Не очень богатая внешними событиями жизнь была наполнена напряженной умственной работой.

За 24 года своей творческой деятельности Чехов написал десятки рассказов, повестей, юморесок, несколько пьес, и поныне идущих на сценах театров.

Сотни людей самых разных возрастов, от двухлетнего ребенка до глубоких старцев, самых разнообразных профессий и общественного положения — адвокаты, судьи, прокуроры, чиновники, учителя, полицейские, врачи, крестьяне, художники, писатели, слуги, бродяги, студенты, гимназисты, журналисты, актеры, купцы, фабриканты, помещики, мастера

и многие, многие другие — стали действующими лицами его произведений. И каждый — с особой судьбой, собственным неповторимым характером. Даже собаки, волки, птицы, наделенные «биографией» и своеобразными чувствами или даже мыслями, нашли место на страницах книг писателя.

Волшебством таланта Чехов переносит действие своих рассказов и пьес из судебного присутствия в помещичье имение, с базарной площади на широкие степные просторы, из деревенской избы на заснеженные улицы столицы. Он изображает то течение всей жизни героя — от рождения до смерти, то несколько минут, достаточных для того, чтобы совершилось знаменательное происшествие.

На страницах его произведений мы найдем и мягкую иронию, и горькую усмешку, и грустное раздумье, и глубокий лиризм, и сарказм¹, и внешне бесстрастное, но внутренне напряженное повествование о суровой правде жизни, и затаенную радость, связанную с верой в торжество красоты на земле.

От юношеских беззаботно-смешных рассказов Антоши Чехонте (так он подписывал свои ранние произведения) до серьезных повестей и пьес, поднимающих коренные вопросы жизни, пролегает путь Чехова-писателя. Но и в юморе, и в разящем сарказме мы всегда чувствуем мягкую, любвеобильную душу автора. Он и действовал оружием смеха потому, что хотел видеть вокруг чистую и честную жизнь, благородных, высоко нравственных людей. О такой жизни он мечтал, к ней стремился и желал, чтобы все люди прониклись этим стремлением и верой.

Вот что говорил о нем известный наш писатель Корней Чуковский:

«Боже, как богата Россия хорошими людьми!» — писал Чехов. Эта-то глубокая чеховская вера в затаенную до времени силу и правду народа и помогала ему преодолеть то отчаяние, которое внушали ему «свинцовые мерзости» тогдашнего русского быта.

Как и всякий великий писатель, Чехов не просто описывал жизнь, он жаждал переделать ее, чтобы она стала умнее, человечнее, радостнее.

Когда он умер, после него осталось не только двадцать томов всемирно прославленной прозы, но и четыре деревенские школы, библиотека для города Таганрога, где родился писатель, памятник Петру, посеянный на пустоши лес, два замечательных сада...»

¹ Сарказм — едкая, злая насмешка.

Высочайшую оценку Чехову дал М. Горький:

«В каждом из юмористических рассказов Антона Павловича я слышу тихий, глубокий вздох чистого, истинно человеческого сердца. <...> Никто не понимал так ясно и тонко, как Антон Чехов, трагизм мелочей жизни, никто до него не умел так беспощадно правдиво нарисовать людям позорную и тоскливую картину их жизни в тусклом хаосе мещанской обыденщины».

?

Вспомните известные вам произведения Чехова. Что их объединяет? Каким отношением к жизни они проникнуты?

ХАМЕЛЕОН¹

Через базарную площадь идет полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городской² с решетом, доверху наполненным конфискованным³ крыжовником. Кругом тишина... На площади ни души... Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет Божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих.

— Так ты кусаться, окаянная? — слышит вдруг Очумелов. — Ребята, не пушай ее! Нынче не велено кусаться! Держи! А... а!

Слышен собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трех ногах и оглядываясь, бежит собака. За ней гонится человек в ситцевой крахмальной рубаше и расстегнутой жилетке. Он бежит за ней и, подавшись туловищем вперед, падает на землю и хватается собаку за задние лапы. Слышен вторично собачий визг и крик: «Не пушай!» Из лавок высовываются сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа.

— Никак беспорядок, ваше благородие!.. — говорит городской.

Очумелов делает полуоборот налево и шагает к сборищу. Около самых ворот склада, видит он, стоит вышеписанный человек в расстегнутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный палец. На полупьяном лице его как бы написано: «Ужо я сорву с тебя, шельма!», да

¹ Хамелеон — порода ящериц, быстро меняющих цвет кожи в зависимости от окружающей среды.

² Городовой — низший чин полицейской охраны в городе.

³ Конфискованный — здесь: отобранный у продавца на базаре.

и самый палец имеет вид знамени победы. В этом человеке Очумелов узнает золотых дел мастера Хрюкина.

В центре толпы, растопырив передние ноги и дрожа всем телом, сидит на земле сам виновник скандала — белый борзой щенок с острой мордой и желтым пятном на спине. В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса.

— По какому это случаю тут? — спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу. — Почему тут? Это ты зачем палец?.. Кто кричал?

— Иду я, ваше благородие, никого не трогаю... — начинает Хрюкин, кашляя в кулак. — Насчет дров с Митрий Митричем, — и вдруг эта подлая ни с того ни с сего за палец... Вы меня извините, я человек, который работающий... Работа у меня мелкая. Пушай мне заплатят, потому — я этим пальцем, может, неделю не пошевельну... Этого, ваше благородие, и в законе нет, чтоб от твари терпеть... Ежели каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете...

— Гм!.. Хорошо... — говорит Очумелов строго, кашляя и шевеля бровями. — Хорошо... Чья собака? Я этого так не оставляю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оптрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу кузькину мать!.. Елдырин, — обращается надзиратель к городовому, — узнай, чья это собака, и составляй протокол! А собаку истребить надо! Немедля! Она, наверное, бешеная... Чья это собака, спрашиваю?

— Это, кажись, генерала Жигалова! — говорит кто-то из толпы.

— Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас, как жарко! Должно полагать — перед дождем... Одного только я не понимаю: как она могла тебя укусить? — обращается Очумелов к Хрюкину. — Нешто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила! Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб сорвать. Ты ведь... известный народ! Знаю вас, чертей!

— Он, ваше благородие, цигаркой ей в харю для смеха, а она, не будь дура, и тягни... Вздорный человек, ваше благородие!

— Врешь, кривой! Не видал, так, стало быть, зачем врать? Их благородие умный господин и понимает, ежели кто врет, а кто по совести, как перед Богом... А ежели я вру, так пушай

мировой рассудит. У него в законе сказано... Нынче все равны... У меня у самого брат в жандармах... ежели хотите знать...

— Не рассуждать!

— Нет, это не генеральская... — глубокомысленно замечает городской. — У генерала таких нет. У него всё больше легавые...

— Ты это верно знаешь?

— Верно, ваше благородие...

— Я и сам знаю. У генерала собаки дорогие, породистые, а это — черт знает что! Ни шерсти, ни вида... подлость одна только... И такую собаку держать?! Где же у вас ум? Попадись такая собака в Петербурге или Москве, то знаете, что было бы? Там не посмотрели бы в закон, а моментально — не дыши! Ты, Хрюкин, пострадал и дела этого так не оставляй... Нужно проучить! Пора...

— А может быть, и генеральская... — думает вслух городской. — На морде у ней не написано... Намедни во дворе у него такую видел.

— Вестимо, генеральская! — говорит голос из толпы.

— Гм!.. Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... Что-то ветром подуло... Знобит... Ты отведешь ее к генералу и спросишь там. Скажешь, что я нашел и прислал... И скажи, чтобы ее не выпускали на улицу... Она, может быть, дорогая, а ежели каждый свинья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить. Собака — нежная тварь... А ты, болван, опусти руку! Нечего свой дурацкий палец выставлять! Сам виноват!..

— Повар генеральский идет, его спросим... Эй, Прохор! Поди-ка, милый, сюда! Погляди на собаку... Ваша?

— Выдумал! Этаких у нас отродясь не бывало!

— И спрашивать тут долго нечего, — говорит Очумелов. — Она бродячая! Нечего тут долго разговаривать... Ежели сказал, что бродячая, стало быть, и бродячая... Истребить, вот и все.

— Это не наша, — продолжает Прохор. — Это генералова брата, что намеренся приехал. Наш не охотник до борзых. Брат ихний охоч...

— Да разве братец ихний приехали? Владимир Иваныч? — спрашивает Очумелов, и все лицо его заливается улыбкой умиления. — Ишь ты, Господи! А я и не знал. Погостить приехали?

— В гости...

— Ишь ты, Господи... Соскучились по братце... А я ведь и не знал! Так это ихняя собачка? Очень рад... Возьми ее...

С рисунка Кукрыниксов

Собачонка ничего себе... Шустрая такая... Цап этого за палец! Ха-ха-ха... Ну, чего дрожишь? Ррр... Рр... Сердится, шельма... цуцик этакий!

Прохор зовет собаку и идет с ней от дровяного склада... Толпа хохочет над Хрюкиным.

— Я еще доберусь до тебя! — грозит ему Очумелов и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади.

1884

Обдумаем прочитанное

1. Почему рассказ называется «Хамелеон»?
2. Проследите, как меняется поведение Очумелова в зависимости от обстоятельств. Отметьте особенности его речи, обращенной то к Хрюкину, то к другим героям рассказа, то к «виновнице» происшествия. Определите в рассказе роль деталей (конфискованный крыжовник, шинель). Как это характеризует Очумелова?
3. Какое отношение вызывает у вас изображенный в рассказе случай — беззаботный смех или более сложное чувство? Обоснуйте свое мнение.
4. Инсценируйте с товарищами (или прочтите вслух в лицах) рассказ. Обращайте при этом внимание на ремарки (замечания автора), относящиеся к речи и поведению действующих лиц.
5. Кого из людей называют хамелеонами?

НА МЕЛЬНИЦЕ

Мельник Алексей Бирюков, здоровенный коренастый мужчина средних лет, фигурой и лицом похожий на тех топорных, толстокожих и тяжело ступающих матросов, которые сняты детям после чтения Жюль Верна, сидел у порога своей хижинки и лениво сосал потухшую трубку. На этот раз он был в серых штанах из грубого солдатского сукна, в больших тяжелых сапогах, но без сюртука и без шапки, хотя на дворе стояла настоящая осень, сырая и холодная. Сквозь расстегнутую жилетку свободно проникала сырая мгла, но большое, черствое, как мозоль, тело мельника, по-видимому, не ощущало холода. Красное, мясистое лицо его по обыкновению было апатично¹ и дрябло, точно спросонок, маленькие заплывшие глазки угрюмо исподлобья глядели по сторонам то на плотину, то на два сарая с навесами, то на старые, неуклюжие ветлы.

¹ Апатично — равнодушно, безразлично.

Около сараев сутились два только что приехавших монастырских монаха: один Клиопа, высокий и седой старик в обрызганной грязью рясе и в латаной скуфейке¹, другой Диодор, чернобородый и смуглый, по-видимому, грузин родом, в обыкновенном мужицком тулупе. Они снимали с телег мешки с рожью, привезенной ими для помола. Несколько поодаль от них на темной, грязной траве сидел работник Евсей, молодой безусый парень в рваном кургузом тулупе и совершенно пьяный. Он маял в руках рыболовную сеть и делал вид, что починаят ее.

Мельник долго водил глазами и молчал, потом уставился на монахов, таскавших мешки, и проговорил густым басом:

— Вы, монахи, зачем это в реке рыбу ловите? Кто вам дозволил?

Монахи ничего не ответили и даже не взглянули на мельника.

Тот помолчал, закурил трубку и продолжал:

— Сами ловите, да еще посадским² мещанам позволяете. Я в посаде и у вас реку на откуп взял, деньги вам плачу, стало быть, рыба моя, и никто не имеет полного права ловить ее. Богу молитесь, а воровать за грех не считаете.

Мельник зевнул, помолчал и продолжал ворчать:

— Ишь ты, какую моду взяли! Думают, что как монахи, в святые записались, так на них и управы нет. Возьму вот и подам мировому³. Мировой не поглядит на твою рясу, насидишься ты у него в холодной⁴. А то и сам без мирового справлюсь. Попаду на реке и так шею накостилю, что до Страшного суда рыбы не захочешь!

— Напрасно вы такие слова говорите, Алексей Дорофеич! — проговорил Клиопа тихим тенорком. — Добрые люди, которые Бога боятся, таких слов собаке не говорят, а ведь мы монахи!

— Монахи, — передразнил мельник. — Тебе понадобилась рыба? Да? Так ты купи у меня, а не воруй!

— Господи, да нешто мы ворует? — поморщился Клиопа. — Зачем такие слова? Наши послушники ловили рыбу, это точно, но ведь на это они от отца архимандрита дозволение имели. Отец архимандрит так рассуждают, что деньги взяты с вас не за всю реку, а только за то, чтоб вы на нашем берегу имели право сети ставить. Река не вся вам дадена... Она не ваша и не наша, а Божья...

¹ Скуфейка — круглая черная монашеская шапка.

² Посад — пригородный поселок.

³ Мировой — мировой судья, единолично разбиравший мелкие дела.

⁴ Холодная — помещение для арестованных.

— И архимандрит такой же, как ты, — проворчал мельник, стуча трубкой по сапогу. — Любит обшить, тоже! А я разбирать не стану. Для меня архимандрит все равно, что ты или вот Евсей. Попаду его на реке, так и ему влетит...

— А что вы собираетесь бить монахов, так это как вам угодно. Для нас же на том свете лучше будет. Вы уж били Виссариона и Антипия, так бейте и других.

— Замолчи, не трогай его! — проговорил Диодор, дергая Клиопу за рукав.

Клиопа спохватился, умолк и стал таскать мешки, мельник же продолжал браниться. Ворчал он лениво, посасывая после каждой фразы трубку и сплевывая. Когда иссяк рыбный вопрос, он вспомнил о каких-то его собственных двух мешках, которые якобы «зажулили» когда-то монахи, и стал браниться из-за мешков, потом, заметив, что Евсей пьян и не работает, он оставил в покое монахов и набросился на работника, оглашая воздух отборною, отвратительною руганью.

Монахи сначала крепились и только громко вздыхали, но скоро Клиопа не вынес... Он всплеснул руками и произнес плачущим голосом:

— Владыко святой, нет для меня тягостнее послушания, как на мельницу ездить! Сущий ад! Ад, истинно ад!

— А ты не ездил! — огрызнулся мельник.

— Царица небесная, рады бы сюда не ездить, да где же нам другую мельницу взять? Сам посуди, кроме тебя тут в окружности ни одной мельницы нет! Просто хоть с голоду помирай или немолотое зерно кушай!

Мельник не унимался и продолжал сыпать во все стороны ругань. Видно было, что ворчанье и ругань составляли для него такую же привычку, как сосанье трубки.

— Хоть ты нечистого не поминай! — умолял Клиопа, оторопело мигая глазами. — Ну, помолчи, сделай милость!

Скоро мельник умолк, но не потому, что его умолял Клиопа. На плотине показалась какая-то старуха, маленькая, кругленькая, с добродушным лицом, в каком-то странном полосатом салопике¹, похожем на спинку жука. Она несла небольшой узелок и подпиралась маленькой палочкой...

— Здравствуйте, батюшки! — зашепелявила она, низко кланяясь монахам. — Помогай Бог! Здравствуй, Алешенька! Здравствуй, Евсеюшка!..

— Здравствуйте, маменька, — пробормотал мельник, не глядя на старуху и хмурясь.

¹ Салоп — верхняя женская одежда.

— А я к тебе в гости, батюшка мой! — сказала она, улыбаясь и нежно заглядывая в лицо мельника. — Давно не видала. Почитай, с самого Успеньева дня¹ не видались... Рад не рад, а уж принимай! А ты словно похудел будто...

Старушонка уселась рядом с мельником, и около этого громадного человека ее салопик еще более стал походить на жука.

— Да, с Успеньева дня! — продолжала она. — Соскучилась, вся душа по тебе выболела, сыночек, а как соберусь к тебе, то или дождь пойдет, или заболею...

— Сейчас вы из посада? — угрюмо спросил мельник.

— Из посада... Прямо из дому...

— При ваших болезнях и при такой комплекции вам дома сидеть нужно, а не по гостям ходить. Ну, зачем вы пришли? Башмаков не жалко!

— Поглядеть на тебя пришла... Их у меня, сынов-то, двое, — обратилась она к монахам, — этот, да еще Василий, что в посаде. Двоечко. Им-то все равно, жива я или померла, а ведь они-то у меня родные, утешение... Они без меня могут, а я без них, кажется, и дня бы не прожила... Только вот, батюшки, старая стала, ходить к нему из посада тяжело.

Наступило молчание. Монахи снесли в сарай последний мешок и сели на телегу отдыхать... Пьяный Евсей все еще мямл в руках сеть и клевал носом.

— Не вовремя пришли, маменька, — сказал мельник. — Сейчас мне в Каряжино ехать нужно.

— Езжай! С Богом! — вздохнула старуха. — Не бросать же из-за меня дело... Я отдохну часик и пойду назад... Тебе, Алешенька, кланяется Вася с детками...

— Все еще водку трескает?

— Не то чтобы уж очень, а пьет. Нечего греха таить, пьет... Много-то пить, сам знаешь, не на что, так вот разве иной раз добрые люди поднесут... Плохое его житье, Алешенька! Намучилась я, на него глядячи... Есть нечего, детки оборванные, сам он — на улицу стыдно глаза показать, все штаны в дырах и сапогов нет... Все мы вшестером в одной комнате спим. Такая бедность, такая бедность, что горчее и придумать нельзя... С тем к тебе и шла, чтоб на бедность попросить... Ты, Алешенька, уж уважь старуху, помоги Василию... Брат ведь!

Мельник молчал и глядел в сторону.

¹ Успенев день — религиозный праздник в честь преставления Божьей Матери — 28 (15) августа.

— Он бедный, а ты — слава тебе, Господи! И мельница у тебя своя, и огороды держишь, и рыбой торгуешь... Тебя Господь и умудрил, и возвеличил супротив всех, и насытил... И одинокий ты... А у Васи четверо детей, я на его шее живу, окающая, а жалованья-то всего он семь рублей получает. Где ж ему прокормить всех? Ты помоги.

Мельник молчал и старательно набивал свою трубку.

— Дашь? — спросила старуха.

Мельник молчал, точно воды в рот набрал. Не дождавшись ответа, старуха вздохнула, обвела глазами монахов, Евсея, встала и сказала:

— Ну, Бог с тобой, не давай. Я и знала, что не дашь... Пришла я к тебе больше из-за Назара Андреича... Плачет уж очень, Алешенька! Руки мне целовал и все просил меня, чтоб я сходила к тебе и упросила...

— Чего ему?

— Просит, чтоб ты ему долг отдал. Отвез, говорит, я ему рожь для помолу, а он назад и не отдал.

— Не ваше дело, маменька, в чужие дела мешаться, — проворчал мельник. — Ваше дело Богу молиться.

— Я и молюсь, да уж что-то Бог моих молитв не слушает. Василий нищий, сама я побираюсь и в чужом салоне хожу, ты хорошо живешь, но Бог тебя знает, какая душа у тебя. Ох, Алешенька, испортили тебя глаза завистливые! Всем ты у меня хорош: и умен, и красавец, и из купцов купец, но не похож ты на настоящего человека! Неприветливый, никогда не улыбнешься, доброго слова не скажешь, немилостивый, словно зверь какой... Ишь какое лицо! А что народ про тебя рассказывает, горе ты мое! Спроси-ка вот батюшек! Врут, будто ты народ сосешь, насильничаешь, со своими разбойниками-работниками по ночам прохожих грабишь да кошей воруешь... Твоя мельница, словно место какое проклятое... Девки и ребята близко подходить боятся, всякая тварь тебя сторонится. Нет тебе другого прозвания, окромя как Каин и Ирод...

— Глупые вы, маменька!

— Куда ни ступишь — трава не растет, куда ни дыхнешь — муха не летает. Только и слышу я: «Ах, хоть бы его скорей кто убил или засудили!» Каково-то матери слышать все это? Каково? Ведь ты мне родное дитя, кровь моя...

— Одначе мне ехать пора, — проговорил мельник, поднимаясь. — Прощайте, маменька!

Мельник выкатил из сарая дроги, вывел лошадь и, втолкнув ее, как собачонку, между оглобелей, начал запрягать. Старуха ходила возле него, заглядывала ему в лицо и слезливо моргала.

— Ну, прощай! — сказала она, когда сын ее стал быстро натягивать на себя кафтан. — Оставайся тут с Богом, да не забывай нас. Постой, я тебе гостинца дам... — забормотала она, понизив голос и развязывая узел. — Вчерась была у дьяконницы и там угощали... так вот я для тебя спрятала...

И старуха протянула к сыну руку с небольшим мятым пряником...

— Отстаньте вы! — крикнул мельник и отстранил ее руку.

Старуха сконфузилась, уронила пряник и тихо поплелась к плотине... Сцена эта произвела тяжелое впечатление. Не говоря уж о монахах, которые вскрикнули и в ужасе развели руками, даже пьяный Евсей окаменел и испуганно уставился на своего хозяина. Понял ли мельник выражение лиц монахов и работника, или, быть может, в груди его шевельнулось давно уже уснувшее чувство, но только и на его лице мелькнуло что-то вроде испуга...

— Маменька! — крикнул он.

Старуха вздрогнула и оглянулась. Мельник торопливо полез в карман и достал оттуда большой кожаный кошелек...

— Вот вам... — пробормотал он, вытаскивая из кошелька комок, состоявший из бумажек и серебра. — Берите!

Он покрутил в руке этот комок, помял, для чего-то оглянулся на монахов, потом опять помял. Бумажки и серебряные деньги, скользя меж пальцев, друг за дружкой попадали обратно в кошелёк, и в руке остался один только двугривенный... Мельник оглядел его, потер между пальцами и, крикнув, побегровев, подал его матери.

1886

Обдумаем прочитанное

1. Опишите Алексея Бирюкова. О каких чертах характера героя говорит его портрет?

2. Как характеризует мельника его разговор с монахами?

3. Перечитайте диалог мельника с матерью. Сравните слова матери и сына и авторские ремарки к этому разговору:

Мать

— Здравствуй, Алешенька!

— Соскучилась, вся душа по тебе выболела, сыночек...

Мельник

— Здравствуйте, маменька, — пробормотал мельник, не глядя на старуху и хмурясь.

— Сейчас вы из посада? — угрюмо спросил мельник.

— Тебе, Алешенька, кланяется Вася с детками.

— Ты, Алешенька, уж уважь старуху, помоги Василию. Брат ведь!

— Ты помоги.

— Все водку трескает?

Мельник молчал и глядел в сторону.

Мельник молчал и старательно набивал свою трубку...

Продолжите сопоставление.

Что можно сказать на основании этого сопоставления о мельнике и его матери? Почему все-таки в рассказе слышна легкая ирония по отношению к матери?

4. Перечитайте сцену прощания матери с сыном. Что в этой сцене создает тяжелое впечатление? Чем вы объясните подробное изображение каждого жеста мельника, вручающего матери двугривенный? Рассмотрите на вклейке иллюстрацию Кукрыниксов. Какой эпизод рассказа воспроизводят художники? Соответствует ли, на ваш взгляд, рисунок тексту и духу рассказа?

◆ 5. Фамилия героя рассказа происходит от слова *бирюк*, что значит зверь, волк, человек-нелюдим. Вспомните рассказ Тургенева «Бирюк». Что роднит героев произведений двух писателей? А что различает? В чем, по-вашему, причина этих различий?

◆ 6. Напишите сочинение «Как Алексей Бирюков превратился в жадного и бесчеловечного мельника?». (В рассказе Чехов не говорит об этом прямо, но, вдумавшись в характер героя, выскажите и обогните свою версию формирования его личности.)

ТОСКА

Кому повем печаль мою?...¹

Вечерние сумерки. Крупный мокрый снег лениво кружится около только что зажженных фонарей и тонким мягким пластом ложится на крыши, лошадиные спины, плечи, шапки. Извозчик Иона Потапов весь бел, как привидение. Он согнулся, насколько только возможно согнуться живому телу, сидит на козлах и не шевельнется. Упав на него целый сугроб, то и тогда бы, кажется, он не нашел нужным стряхивать с себя снег... Его лошаденка тоже бела и неподвижна. Своею неподвижностью, угловатостью форм и палкообразной прямизною ног она даже вблизи похожа на копеечную пряничную лошадку. Она, по всей вероятности, погружена в мысль. Кого оторвали от плуга, от привычных серых картин и бросили сюда в этот омут, полный чудовищных огней, неугомонного треска и бегущих людей, тому нельзя не думать...

¹ Слова из Псалтыри, одной из книг Библии. *Пове́м* — поведаю, расскажу.

Иона и его лошаденка не двигаются с места уже давно. Выехали они со двора еще до обеда, а почина все нет и нет. Но вот на город спускается вечерняя мгла. Бледность фонарных огней уступает свое место живой краске, и уличная суматоха становится шумнее.

— Извозчик, на Выборгскую! — слышит Иона. — Извозчик!

Иона вздрагивает и сквозь ресницы, облепленные снегом, видит военного в шинели с капюшоном.

— На Выборгскую! — повторяет военный. — Да ты спишь, что ли? На Выборгскую!

В знак согласия Иона дергает вожжи, отчего со спины лошади и с его плеч сыплются пласты снега... Военный садится в сани. Извозчик чмокает губами, вытягивает по-лебединому шею, приподнимается и больше по привычке, чем по нужде, машет кнутом. Лошаденка тоже вытягивает шею, кривит свои палкообразные ноги и нерешительно двигается с места...

— Куда прешь, леший! — на первых же порах слышит Иона возгласы из темной, движущейся взад и вперед массы. — Куда черти несут? Права держи!

— Ты ездить не умеешь! Права держи! — сердится военный.

Бранится кучер с кареты, злобно глядит и стряхивает с рукава снег прохожий, перебежавший дорогу и налетевший плечом на морду лошаденки. Иона ерзает на козлах, как на иголках, тыкает в стороны локтями и водит глазами, как угорелый, словно не понимает, где он и зачем он здесь.

— Какие все подлецы! — острит военный. — Так и норовят столкнуться с тобой или под лошадь попасть. Это они словарились.

Иона оглядывается на седока и шевелит губами... Хочет он, по-видимому, что-то сказать, но из горла не выходит ничего, кроме сипенья.

— Что? — спрашивает военный.

Иона кривит улыбкой рот, напрягает свое горло и сипит:

— А у меня, барин, тово... сын на этой неделе помер.

— Гм!.. Отчего же он умер?

Иона оборачивается всем туловищем к седоку и говорит:

— А кто ж его знает! Должно, от горячки... Три дня лежал в больнице и помер... Божья воля.

— Сворачивай, дьявол! — раздается в потемках. — Повылазило, что ли, старый пес? Гляди глазами!

— Поезжай, поезжай... — говорит седок. — Этак мы и до завтра не доедем. Подгони-ка!

Извозчик опять вытягивает шею, приподнимается и с тяжелой грацией взмахивает кнутом. Несколько раз потом

оглядывается он на седока, но тот закрыл глаза и, по-видимому, не расположен слушать. Высадив его на Выборгской, он останавливается у трактира, сгибается на козлах и опять не шевельнется... Мокрый снег опять красит набело его и лошаденку. Проходит час, другой...

По тротуару, громко стуча калошами и перебраниваясь, проходят трое молодых людей: двое из них высоки и тонки, третий мал и горбат.

— Извозчик, к Полицейскому мосту! — кричит дребезжащим голосом горбач. — Троих... двугривенный!

Иона дергает вожжами и чмокает. Двугривенный цена не сходная, но ему не до цены... Что рубль, что пятак — для него теперь всё равно, были бы только седоки... Молодые люди, толкаясь и сквернословя, подходят к саням и все трое сразу лезут на сиденье. Начинается решение вопроса: кому двум сидеть, а кому третьему стоять? После долгой перебранки, капризничанья и попреков приходят к решению, что стоять должен горбач, как самый маленький.

— Ну, погоняй! — дребезжит горбач, устанавливаясь и дыша в затылок Ионы. — Лупи! Да и шапка же у тебя, братец! Хуже во всем Петербурге не найти...

— Гы-ы... гы-ы... — хохочет Иона. — Какая есть...

— Ну ты, какая есть, погоняй! Этак ты всю дорогу будешь ехать? Да? А по шее?..

— Голова трещит... — говорит один из длинных. — Вчера у Дукмасовых мы вдвоем с Васькой четыре бутылки коньяку выпили.

— Не понимаю, зачем врат! — сердится другой длинный. — Врет, как скотина.

— Накажи меня Бог, правда...

— Это такая же правда, как то, что вошь кашляет.

— Гы-ы! — ухмыляется Иона. — Ве-еселые господа!

— Тьфу, чтоб тебя черти!.. — возмущается горбач. — Поедешь ты, старая холера, или нет? Разве так ездят? Хлобысни-ка ее кнутом! Но, черт! Но! Хорошенько ее!

Иона чувствует за своей спиной вертящееся тело и головую дрожь горбача. Он слышит обращенную к нему ругань, видит людей, и чувство одиночества начинает мало-помалу отлегать от груди. Горбач бранится до тех пор, пока не давится вычурным, шестиэтажным ругательством и не раздражается капилем. Длинные начинают говорить о какой-то Надежде Петровне. Иона оглядывается на них. Дождавшись короткой паузы, он оглядывается еще раз и бормочет:

— А у меня на этой неделе... тово... сын помер!

— Все помер... — вздыхает горбач, вытирая после кашля губы. — Ну, погоняй, погоняй! Господа, я решительно не могу дальше так ехать! Когда он нас довезет?

— А ты его легонечко подбодри... в шею!

— Старая холера, слышишь? Ведь шею накостиляю!.. С твоим братом церемониться, так пешком ходить!.. Ты слышишь, Змей Горыныч? Или тебе плевать на наши слова?

И Иона больше слышит, чем чувствует, звуки подзатыльника.

— Гы-ы... — смеется он. — Веселые господа... дай Бог здоровья!

— Извозчик, ты женат? — спрашивает длинный.

— Я-то? Гы-ы... ве-еселые господа! Таперь у меня одна жена — сырая земля... Хи-хо-хо... Могила, то есть!.. Сын-то вот помер, а я жив... Чудное дело, смерть дверью обозналась... Заместо того, чтоб ко мне идтить, она к сыну...

И Иона оборачивается, чтобы рассказать, как умер его сын, но тут горбач легко вздыхает и заявляет, что, слава Богу, они, наконец, приехали. Получив двугривенный, Иона долго глядит вслед гулякам, исчезающим в темном подъезде. Опять он одинок, и опять наступает для него тишина... Утихшая ненадолго тоска появляется вновь и распирает грудь еще с большей силой. Глаза Ионы тревожно и мученически бегают по толпам, снующим по обе стороны улицы: не найдется ли из этих тысяч людей хоть один, который выслушал бы его? Но толпы бегут, не замечая ни его, ни тоски... Тоска громадная, не знающая границ. Лопни грудь Ионы и вылейся из нее тоска, так она бы, кажется, весь свет залила, но, тем не менее, ее не видно. Она сумела поместиться в такую ничтожную скорлупу, что ее не увидишь днем с огнем...

Иона видит дворника с кульком и решает заговорить с ним.

— Милый, который теперь час будет? — спрашивает он.

— Десятый... Чего же стал здесь? Проезжай!

Иона отъезжает на несколько шагов, изгибается и отдается тоске... Обращаться к людям он считает уже бесполезным. Но не проходит и пяти минут, как он выпрямляется, встряхивает головой, словно почувствовал острую боль, и дергает вожжи... Ему немоготу.

«Ко двору, — думает он. — Ко двору!»

И лошаденка, точно поняв его мысль, начинает бежать рысцей. Спустя часа полтора Иона сидит уже около большой грязной печи. На печи, на полу, на скамьях храпит народ.

В воздухе «спираль» и духота... Иона глядит на спящих, почесывается и жалеет, что так рано вернулся домой...

«И на овес не выездил, — думает он. — Оттого-то вот и тоска. Человек, который знающий свое дело... который и сам сыт, и лошадь сыта, завсегда покоен...»

В одном из углов поднимается молодой извозчик, сонно крикает и тянется к ведру с водой.

— Пить захотел? — спрашивает Иона.

— Стало быть, пить!

— Так... На здоровье... А у меня, брат, сын помер... Слышал? На этой неделе в больнице... История!

Иона смотрит, какой эффект произвели его слова, но не видит ничего. Молодой укрылся с головой и уже спит. Старик вздыхает и чешется... Как молодому хотелось пить, так ему хочется говорить. Скоро будет неделя, как умер сын, а он еще путем не говорил ни с кем... Нужно поговорить с толком, с установкой... Надо рассказать, как заболел сын, как он мучился, что говорил перед смертью, как умер... Нужно описать похороны и поездку в больницу за одеждой покойника. В деревне осталась дочка Анисья... И про нее нужно поговорить... Да мало ли о чем он может теперь поговорить? Слушатель должен охать, вздыхать, причитывать... А с бабами говорить еще лучше. Те хоть и дуры, но ревут от двух слов.

«Пойти лошадь поглядеть, — думает Иона. — Спать всегда успеешь... Небось, выспишься...»

Он одевается и идет в конюшню, где стоит его лошадь. Думает он об овсе, сене, о погоде... Про сына, когда один, думать он не может... Поговорить с кем-нибудь о нем можно, но самому думать и рисовать себе его образ невыносимо жутко...

— Жуешь? — спрашивает Иона свою лошадь, видя ее блестящие глаза. — Ну, жуй, жуй... Коли на овес не выездили, сено есть будем... Да... Стар уж стал я ездить... Сыну бы ездить, а не мне... То настоящий извозчик был... Жить бы только...

Иона молчит некоторое время и продолжает:

— Так-то, брат кобылочка... Нету Кузьмы Ионыча... Приказал долго жить... Взял и помер зря... Таперь, скажем, у тебя жеребеночек, и ты этому жеребеночку родная мать... И вдруг, скажем, этот самый жеребеночек приказал долго жить... Ведь жалко?

Лошаденка жует, слушает и дышит на руки своего хозяина...

Иона увлекается и рассказывает ей все...

1. Почему писатель в начале рассказа изображает Иону и его лошаденку как застывшую скульптурную группу, затем пишет о «мысли», в которую погружена лошаденка, и ни слова не добавляет о раздумьях и переживаниях Ионы?

2. Что говорит о враждебности города по отношению к человеческим переживаниям, в частности горю извозчика?

3. Какое впечатление на вас производит смех седоков и слова Ионы «веселые господа»? Почему он рад хотя бы этим «веселым господам»?

4. Внешне комичный эпизод беседы извозчика с лошадей на самом деле трагичен. Это о нем писал брат Чехова: «...вспоминаются слова твоего рассказа, где Иона говорит кобыле: "...был у тебя, скажем, жеребеночек и помер, и ты ему, скажем, мать... Ведь жалко?.." Я, конечно, перевираю, но в этом месте рассказа ты бессмертен».

Покажите, как в рассказе сочетаются юмор, лиризм, перерастающий в чувство трагизма (на примере одной из сцен рассказа).

О ЧЕМ И ПОЧЕМУ МОЛЧИТ ПИСАТЕЛЬ

Читая повести, рассказы, стихи, мы привыкли анализировать слова писателя и его героев, художественные детали картин, которые автор вызывает в нашем воображении. В самом деле, например, в рассказе «Тоска» Чехов так рисует движения Ионы, который по приказанию седока отправляется в путь на своей лошаденке:

«В знак согласия Иона дергает вожжи, отчего со спины лошади и с его плеч сыплются пласты снега... Военный садится в сани. Извозчик чмокает губами, вытягивает по-лебединому шею, приподнимается и больше по привычке, чем по нужде, машет кнутом. Лошаденка тоже вытягивает шею, кривит свои палкообразные ноги и нерешительно двигается с места...»

Подробное, детализированное описание создает впечатление замедленности действия, пробуждения героя и его лошаденки от оцепенения, подобного сну. Вместе с тем мы невольно воспринимаем Иону и его лошадь как единое целое: писатель как бы готовит нас к заключительной сцене, где герой изливает душу самому близкому оставшемуся в живых существу — лошади.

Но далеко не всегда автор подробно рассказывает о внешности, поведении, мыслях и чувствах героя, заставляя читателя восполнять «пробелы», додумывать то, о чем умолчал. Такой прием «умолчания» особенно характерен для Чехова. Недаром

он писал А. С. Суворину¹ 1 апреля 1890 года: «Когда я пишу, я вполне рассчитываю на читателя, полагая, что недостающие в рассказе субъективные элементы он подбавит сам...»

Обратимся, например, к рассказу Чехова «На мельнице». Помните, как к герою рассказа, грубому, угрюмому и, видимо, жадному человеку, неожиданно в гости пожаловала старушка-мать? Встретил он ее неласково:

«— При ваших болезнях и при такой комплекции вам дома сидеть нужно, а не по гостям ходить. <...> Башмаков не жалко!»

А далее невеселый диалог несколько раз прерывается ремарками: «Наступило молчание», «Мельник молчал и глядел в сторону», «Мельник молчал и старательно набивал свою трубку», «Мельник молчал, точно воды в рот набрал». Что говорил мельник и как это характеризует его, читатель увидел в тексте и понял без труда. А о чем и почему герой молчал, что происходило в его душе, об этом читателю предстоит догадаться. Потому что молчит и сам писатель, никак не комментирующий поведение героя.

В художественном произведении важны не только описания действий, поступков героев, их речи и мысли, но и паузы, умолчания, намеки писателя, заставляющие активнее работать воображение и мысль читателя.

Узнав о художественном приеме «умолчания», вы внимательнее будете читать и перечитывать рассказы Чехова.

Для самостоятельного чтения

РЕПЕТИТОР

Гимназист седьмого класса² Егор Зиберов милостиво подает Пете Удодову руку. Петя, двенадцатилетний мальчуган в сером костюмчике, пухлый и краснощекий, с маленьким лбом и щетинистыми волосами, расшаркивается и лезет в шкаф за тетрадками. Занятие начинается.

Согласно условию, заключенному с отцом Удодовым, Зиберов должен заниматься с Петей по два часа ежедневно, за что и получает шесть рублей в месяц. Готовит он его во второй

¹ Суворин А. С. (1834—1912) — русский журналист и издатель.

² Во времена Чехова в 7-м классе гимназии обучались юноши в возрасте 16—17 лет. Начиная с 1-го класса гимназисты изучали латинский язык и Закон Божий.

класс гимназии. (В прошлом году он готовил его в первый класс, но Петя порезался.)

— Ну-с... — начинает Зиберов, закуривая папиросу. — Вам задано четвертое склонение. Склоняйте *fructus*!

Петя начинает склонять.

— Опять вы не выучили! — говорит Зиберов вставая. — В шестой раз задаю вам четвертое склонение, и вы ни в зуб толкнуть! Когда же, наконец, вы начнете учить уроки?

— Опять не выучил? — слышится за дверями кашляющий голос, и в комнату входит Петин папаша, отставной губернский секретарь Удодов. — Опять? Почему же ты не выучил? Ах ты, свинья, свинья! Верите ли, Егор Алексеич? Ведь и вчера сорол!

И, тяжело вздохнув, Удодов садится около сына и засматривает в истрепанного Кюнера. Зиберов начинает экзаменовать Петю при отце. Пусть глупый отец узнает, как глуп его сын! Гимназист входит в экзаменаторский азарт, ненавидит, презирает маленького, краснощекого тупицу, готов побить его. Ему даже досадно делается, когда мальчуган отвечает впопад, — так опротивел ему этот Петя!

— Вы даже второго склонения не знаете! Не знаете вы и первого! Вот вы как учитесь! Ну, скажите мне, как будет звательный падеж от *meus filius*?

— От *meus filius*? *Meus filius*... будет... это будет...

Петя долго глядит в потолок, долго шевелит губами, но не дает ответа.

— А как будет дательный множественного от *dea*?

— *Deabus... filiabus*! — отчеканивает Петя.

Старик Удодов одобрительно кивает головой. Гимназист, не ожидавший удачного ответа, чувствует досаду.

— А еще какое существительное имеет в дательном *abus*? — спрашивает он.

Оказывается, что и «*anima* — душа» имеет в дательном *abus*, чего нет в Кюнере.

— Звучный язык латинский! — замечает Удодов. — Алон... трон... бонус... антропос... Премудрость! И все ведь это нужно! — говорит он со вздохом.

«Мешает, скотина, заниматься... — думает Зиберов. — Сидит над душой тут и надзирает. Терпеть не могу контроля!» — Ну-с, — обращается он к Пете. — К следующему разу по латыни возьмете то же самое. Теперь по арифметике... Берите доску. Какая следующая задача?

Петя плюет на доску и стирает рукавом. Учитель берет задачник и диктует:

— «Купец купил 138 аршин черного и синего сукна за 540 рублей. Спрашивается, сколько аршин купил он того и другого, если синее стоило 5 рублей за аршин, а черное 3 рубля?» Повторите задачу.

Петя повторяет задачу и тотчас же, ни слова не говоря, начинает делить 540 на 138.

— Для чего же это вы делите? Постойте! Впрочем, так... продолжайте. Остаток получается? Здесь не может быть остатка. Дайте-ка я разделю!

Зиберов делит, получает 3 с остатком и быстро стирает.

«Странно... — думает он, ероша волосы и краснея. — Как же она решается? Гм!.. Это задача на неопределенные уравнения, а вовсе не арифметическая...»

Учитель глядит в ответы и видит 75 и 63.

«Гм!.. странно... Сложить 5 и 3, а потом делить 540 на 8? Так, что ли? Нет, не то».

— Решайте же! — говорит он Пете.

— Ну, чего думаешь? Задача-то ведь пустяковая! — говорит Удодов Пете. — Экий ты дурак, братец! Решите уж вы ему, Егор Алексеич.

Егор Алексеич берет в руки грифель и начинает решать. Он заикается, краснеет, бледнеет.

— Эта задача, собственно говоря, алгебраическая, — говорит он. — Ее с *иксом* и *игреком* решить можно. Впрочем, можно и так решить. Я вот разделил... понимаете? Теперь вот надо вычесть... понимаете? Или вот что... Решите мне эту задачу сами к завтраму... Подумайте...

Петя ехидно улыбается. Удодов тоже улыбается. Оба они понимают замешательство учителя. Ученик VII класса еще пуще конфузится, встает и начинает ходить из угла в угол.

— И без алгебры решить можно, — говорит Удодов, протягивая руку к счетам и вздыхая. — Вот, извольте видеть...

Он щелкает на счетах, и у него получается 75 и 63, что и нужно было.

— Вот-с... по-нашему, по-неученому.

Учителю становится нестерпимо жутко. С замиранием сердца поглядывает он на часы и видит, что до конца урока остается еще час с четвертью — целая вечность!

— Теперь диктант.

После диктанта — география, за географией — Закон Божий, потом русский язык, — много на этом свете наук! Но вот,

наконец, кончается двухчасовой урок. Зиберов берет за шапку, милостиво подает Пете руку и прощается с Удодовым.

— Не можете ли вы сегодня дать мне немного денег? — просит он робко. — Завтра мне нужно вносить плату за учение. Вы должны мне за шесть месяцев.

— Я? Ах, да, да... — бормочет Удодов, не глядя на Зиберова. — С удовольствием! Только у меня сейчас нету, а я вам через недельку... или через две...

Зиберов соглашается и, надев свои тяжелые, грязные калоши, идет на другой урок.

1884

Обдумайте прочитанное

1. Обратите внимание на поведение гимназиста Егора Зиберова (старик Удодов именует его Егором Алексеевичем) в начале рассказа. Как и из-за чего изменяется его самочувствие в середине и конце рассказа? Каким образом Чехов показывает противоречие между тем, что думает, и тем, что говорит юный репетитор, обращаясь к своему ученику? Чего достигает писатель таким приемом?

2. Мы говорили о том, что Чехов скуп на комментарии в своих рассказах. Какие чувства привносит концовка рассказа в оценку характера и судьбы Зиберова (его безуспешная попытка получить долг, его тяжелые грязные калоши, беглое замечание о предстоящем втором уроке)?

3. Почему вызывают смех ученик и его отец?

ГРИША

Гриша, маленький, пухлый мальчик, родившийся два года и восемь месяцев тому назад, гуляет с нянькой по бульвару. На нем длинный ватный бурнусик, шарф, большая шапка с мохнатой пуговкой и теплые калоши. Ему душно и жарко, а тут еще разгулявшееся апрельское солнце бьет прямо в глаза и щиплет веки.

Вся его неуклюжая, робко, неуверенно шагающая фигура выражает крайнее недоумение.

До сих пор Гриша знал один только четырехугольный мир, где в одном углу стоит его кровать, в другом — нянькин сундук, в третьем — стул, а в четвертом — горит лампадка. Если взглянуть под кровать, то увидишь куклу с отломанной рукой и барабан, а за нянькиным сундуком очень много разных вещей: катушки от ниток, бумажки, коробка без крышки и сломанный паяц. В этом мире, кроме няни и Гриши, часто бывают мама и кошка. Мама похожа на куклу, а кошка на

папину шубу, только у шубы нет глаз и хвоста. Из мира, который называется детской, дверь ведет в пространство, где обедают и пьют чай. Тут стоит Гришин стул на высоких ножках и висят часы, существующие для того только, чтобы махать маятником и звонить. Из столовой можно пройти в комнату, где стоят красные кресла. Тут на ковре темнеет пятно, за которое Грише до сих пор грозят пальцами. За этой комнатой есть еще другая, куда не пускают и где мелькает папа — личность в высшей степени загадочная! Няня и мама понятны: они одевают Гришу, кормят и укладывают его спать, но для чего существует папа — неизвестно. Еще есть другая загадочная личность — это тетя, которая подарила Грише барабан. Она то появляется, то исчезает. Куда она исчезает? Гриша не раз заглядывал под кровать, за сундук и под диван, но там ее не было...

В этом же новом мире, где солнце режет глаза, столько пап, мам и тетей, что не знаешь, к кому и подбежать. Но страннее и нелепее всего — лошади. Гриша глядит на ихдвигающиеся ноги и ничего не может понять. Глядит на няньку, чтобы та разрешила его недоумение, но та молчит.

Вдруг он слышит страшный топот... По бульвару, мерно шагая, двигается прямо на него толпа солдат с красными лицами и с банными вениками под мышкой. Гриша весь холодеет от ужаса и глядит вопросительно на няньку: не опасно ли? Но нянька не бежит и не плачет, значит, не опасно. Гриша провожает глазами солдат и сам начинает шагать им в такт.

Через бульвар перебегают две большие кошки с длинными мордами, с высунутыми языками и с задранными вверх хвостами. Гриша думает, что и ему тоже нужно бежать, и бежит за кошками.

— Стой! — кричит ему нянька, грубо хватая его за плечи. — Куда ты? Нешто тебе велено палить?

Вот какая-то няня сидит и держит маленькое корыто с апельсинами. Гриша проходит мимо нее и молча берет себе один апельсин.

— Это ты зачем же? — кричит его спутница, хлопая его по руке и вырывая апельсин. — Дурак!

Теперь Гриша с удовольствием бы поднял стеклышко, которое валяется под ногами и сверкает, как лампадка, но он боится, что его опять ударят по руке.

— Мое вам почтение! — слышит вдруг Гриша почти над самым ухом чей-то громкий, густой голос и видит высокого человека со светлыми пуговицами.

К великому его удовольствию, этот человек подает няньке руку, останавливается с ней и начинает разговаривать. Блеск солнца, шум экипажей, лошади, светлые пуговицы — все это так поразительно ново и не страшно, что душа Гриши наполняется чувством наслаждения и он начинает хохотать.

— Пойдем! Пойдем! — кричит он человеку со светлыми пуговицами, дергая его за фалду.

— Куда пойдем? — спрашивает человек.

— Пойдем! — настаивает Гриша.

Ему хочется сказать, что недурно бы также прихватить с собой папу, маму и кошку, но язык говорит совсем не то, что нужно.

Немного погодя нянька сворачивает с бульвара и вводит Гришу в большой двор, где есть еще снег. И человек со светлыми пуговицами тоже идет за ними. Минуют старательно снеговые глыбы и лужи, потом по грязной, темной лестнице входят в комнату. Тут много дыма, пахнет жарким и какая-то женщина стоит около печки и жарит котлеты. Кухарка и нянька целуются и вместе с человеком садятся на скамью и начинают говорить тихо. Грише, окутанному, становится невыносимо жарко и душно.

«Отчего бы это?» — думает он, оглядываясь.

Видит он темный потолок, ухват с двумя рогами, печку, которая глядит большим черным дуплом...

— Ма-а-ма! — тянет он.

— Ну, ну, ну! — кричит нянька. — Подождешь!

Кухарка ставит на стол бутылку, две рюмки и пирог. Две женщины и человек со светлыми пуговицами чокаются и пьют по несколько раз, и человек обнимает то няньку, то кухарку. И потом все трое начинают тихо петь.

Гриша тянется к пирогу, и ему дают кусочек. Он ест и глядит, как пьет нянька... Ему тоже хочется выпить.

— Дай! Няня, дай! — просит он.

Кухарка дает ему отхлебнуть из своей рюмки. Он таращит глаза, морщится, капляет и долго потом машет руками, а кухарка глядит на него и смеется.

Вернувшись домой, Гриша начинает рассказывать маме, стенам и кровати, где он был и что видел. Говорит он не столько языком, сколько лицом и руками. Показывает он, как блестит солнце, как бегут лошади, как глядит страшная печь и как пьет кухарка...

Вечером он никак не может уснуть. Солдаты с вениками, большие кошки, лошади, стеклышко, корыто с апельсинами,

светлые пуговицы — все это собралось в кучу и давит его мозг. Он ворочается с боку на бок, болтает и в конце концов, не вынося своего возбуждения, начинает плакать.

— А у тебя жар! — говорит мама, касаясь ладонью его лба. — Отчего бы это могло случиться?

— Печка! — плачет Гриша. — Пошла отсюда, печка!

— Вероятно, покушал лишнее... — решает мама.

И Гриша, распираемый впечатлениями новой, только что изведанной жизни, получает от мамы ложку касторки.

1886

Обдумайте прочитанное

1. На протяжении рассказа мы чувствуем добрую улыбку писателя. Как он передает впечатления трехлетнего малыша от домашней обстановки и близких людей? Что поражает мальчика за стенами дома? Как изображено его недоумение и удивление?

2. Какое значение в рассказе имеет вставной эпизод о кухарке (как соотносится прозаический мир взрослых и почти волшебный мир ребенка)? Как Чехов показывает безразличие няньки к ребенку?

3. Объясните, почему вызывает грустную улыбку заключительная сценка рассказа.

ЗЛОУМЫШЛЕННИК

Перед судебным следователем стоит маленький, необычайно тощий мужичонка в пестрядиной рубахе и латаных портах. Его обросшее волосами и изъеденное рябинами лицо и глаза, едва видные из-за густых, нависших бровей, имеют выражение угрюмой суровости. На голове целая шапка давно уже не чесанных, путаных волос, что придает ему еще бо́льшую, паучью суровость. Он бос.

— Денис Григорьев! — начинает следователь. — Подойди поближе и отвечай на мои вопросы. Седьмого числа сего июля железнодорожный сторож Иван Семенов Акинфов, проходя утром по линии, на сто сорок первой версте, застал тебя за отвинчиванием гайки, коей рельсы прикрепляются к шпалам. Вот она, эта гайка!.. С каковою гайкой он и задержал тебя. Так ли это было?

— Чаво?

— Так ли все это было, как объясняет Акинфов?

— Знамо, было.

— Хорошо; ну, а для чего ты отвинчивал гайку?

— Чаво?

— Ты это свое «чаво» брось, а отвечай на вопрос: для чего ты отвинчивал гайку?

— Коли б не нужна была, не отвинчивал бы, — хрипит Денис, косясь на потолок.

— Для чего же тебе понадобилась эта гайка?

— Гайка-то? Мы из гаек грузила делаем...

— Кто это — мы?

— Мы, народ... Климовские мужики то есть.

— Послушай, братец, не прикидывайся ты мне идиотом, а говори толком. Нечего тут про грузила врать!

— Отродясь не врал, а тут вру... — бормочет Денис, мигая глазами. — Да нешто, ваше благородие, можно без грузила? Ежели ты живца или выполозка на крючок сажаешь, то нешто он пойдет ко дну без грузила? Вру... — усмехается Денис. — Черт ли в нем, в живце-то, ежели поверху плавать будет! Окунь, щука, налим завсегда на донную идет, а которая ежели поверху плавает, то ту разве только шилишпер схватит, да и то редко... В нашей реке не живет шилишпер... Эта рыба простор любит.

— Для чего ты мне про шилишпера рассказываешь?

— Чаво? Да ведь вы сами спрашиваете! У нас и господа так ловят. Самый последний мальчишка не станет тебе без грузила ловить. Конечно, который непонимающий, ну, тот и без грузила пойдет ловить. Дураку закон не писан...

— Так ты говоришь, что ты отвинтил эту гайку для того, чтобы сделать из нее грузило?

— А то что же? Не в бабки ж играть!

— Но для грузила ты мог взять свинец, пулю... гвоздик какой-нибудь...

— Свинец на дороге не найдешь, купить надо, а гвоздик не годится. Лучше гайки и не найти... И тяжелая, и дыра есть.

— Дураком каким прикидывается! Точно вчера родился или с неба упал. Разве ты не понимаешь, глупая голова, к чему ведет это отвинчивание? Не догляди сторож, так ведь поезд мог бы сойти с рельсов, людей бы убило! Ты людей убил бы!

— Избави Господи, ваше благородие! Зачем убивать? Нешто мы некрещенные или злодеи какие? Слава те Господи, господин хороший, век свой прожили и не токмо что убивать, но и мыслей таких в голове не было... Спаси и помилуй, царица небесная... Что вы-с!

— А отчего, по-твоему, происходят крушения поездов? Отвинти две-три гайки, вот тебе и крушение!

Денис усмехается и недоверчиво щурит на следователя глаза.

— Ну! Уж сколько лет всей деревней гайки отвинчиваем и хранил Господь, а тут крушение... людей убил... Ежели б я рельсу унес или, положим, бревно поперек ейного пути положил, ну, тогда, пожалуй, своротило бы поезд, а то... тьфу! Гайка!

— Да пойми же, гайками прикрепляется рельса к шпалам!

— Это мы понимаем... Мы ведь не все отвинчиваем... оставляем... Не без ума делаем... понимаем...

Денис зевает и крестит рот.

— В прошлом году здесь сошел поезд с рельсов, — говорит следователь. — Теперь понятно, почему...

— Чего изволите?

— Теперь, говорю, понятно, отчего в прошлом году сошел поезд с рельсов... Я понимаю!

— На то вы и образованные, чтобы понимать, милостивцы наши... Господь знал, кому понятие давал... Вы вот и рассудили, как и что, а сторож тот же мужик, без всякого понятия, хватает за шиворот и тащит... Ты рассуди, а потом и тащи! Сказано — мужик, мужицкий и ум... Запишите также, ваше благородие, что он меня два раза по зубам ударил и в груди.

— Когда у тебя делали обыск, то нашли еще одну гайку... Эту в каком месте ты отвинтил и когда?

— Это вы про ту гайку, что под красным сундучком лежала?

— Не знаю, где она у тебя лежала, но только нашли ее. Когда ты ее отвинтил?

— Я ее не отвинчивал, ее мне Игнашка, Семена кривого сын, дал. Это я про ту, что под сундучком, а ту, что на дворе в саях, мы вместе с Митрофаном вывинтили.

— С каким Митрофаном?

— С Митрофаном Петровым... Нешто не слыхали? Невода у нас делает и господам продает. Ему много этих самых гаек требуется. На каждый невод, почитай, штук десять...

Послушай... Тысяча восемьдесят первая статья Уложения о наказаниях говорит, что за всякое с умыслом учиненное повреждение железной дороги, когда оно может подвергнуть опасности следующий по сей дороге транспорт и виновный знал, что последствием сего должно быть несчастье... понимаешь? знал! А ты не мог не знать, к чему ведет это отвинчивание... он приговаривается к ссылке в каторжные работы.

— Конечно, вы лучше знаете... Мы люди темные... нешто мы понимаем?

— Все ты понимаешь! Это ты врешь, прикидываешься!

— Зачем врать? Спросите на деревне, коли не верите... Без грузила только уклею ловят, а на что хуже пескаря, да и тот не пойдет тебе без грузила.

— Ты еще про шилишпера расскажи! — улыбается следователь.

— Шилишпер у нас не водится... Пущаем леску без грузила поверх воды на бабочку, идет голавль, да и то редко.

— Ну, молчи...

Наступает молчание. Денис переминается с ноги на ногу, глядит на стол с зеленым сукном и усиленно мигает глазами, словно видит перед собой не сукно, а солнце. Следователь быстро пишет.

— Мне идтить? — спрашивает Денис после некоторого молчания.

— Нет. Я должен взять тебя под стражу и отослать в тюрьму.

Денис перестает мигать и, приподняв свои густые брови, вопросительно глядит на чиновника.

— То есть как же в тюрьму? Ваше благородие! Мне некогда, мне надо на ярмарку; с Егора три рубля за сало получить...

— Молчи, не мешай.

— В тюрьму... Было б за что, пошел бы, а то так... здорово живешь... За что? И не крал, кажись, и не дрался... А ежели вы насчет недоимки сомневаетесь, ваше благородие, то не верьте старосте... Вы господина непременно члена спросите... Креста на нем нет, на старосте-то...

— Молчи!

— Я и так молчу... — бормочет Денис. — А что староста набрехал в учете, это я хоть под присягой... Нас три брата: Кузьма Григорьев, стало быть, Егор Григорьев и я, Денис Григорьев...

— Ты мне мешаешь... Эй, Семен! — кричит следователь. — Увести его!

— Нас три брата, — бормочет Денис, когда два дюжих солдата берут и ведут его из камеры. — Брат за брата не ответчик... Кузьма не платит, а ты, Денис, отвечай... Судьи! Помер покойник барин-генерал, царство небесное, а то показал бы он вам, судьям... Надо судить умеючи, не зря... Хоть и высеки, но чтоб за дело, по совести...

1885

1. В чем, по-вашему, причина того, что следователь и Денис Григорьев не понимают друг друга?

2. Обратите внимание на портретную зарисовку «злоумышленника». Что она дает для понимания его характера и условий его жизни?

Обращаясь к прочитанному...

Назовите те из напечатанных в хрестоматии рассказов Чехова, которые вы считаете сатирическими, а какие — юмористическими. Обоснуйте свое мнение.

Приглашаем в библиотеку

Прочтите комические сцены Чехова «Юбилей», «Предложение» (а еще лучше постарайтесь с товарищами поставить их на школьной сцене); продолжите чтение рассказов писателя, начатое в предыдущие годы. Познакомьтесь с книгой «Из школьных лет Антона Чехова» (сборник воспоминаний).

ЗАВЕРШАЯ РАЗДЕЛ ХРЕСТОМАТИИ...

1. Назовите произведения о современной писателям жизни, изученные в 5—6-м классах.

2. Раздел хрестоматии, о котором сейчас идет речь, назван «Художник — голос своей эпохи». Как вы думаете, почему?

3. Приведите примеры жизненных наблюдений, отразившихся в произведениях Тургенева, Некрасова, Салтыкова-Щедрина.

4. Перечитайте эпиграфы к главам о русских писателях в изученном вами разделе хрестоматии. Какие особенности их творчества подчеркивают эти эпиграфы? Какие явления современной им действительности писатели осуждали, кому из героев симпатизировали? Почему? Ответ подкрепите примерами.

5. Укажите жанры, к которым принадлежат изученные в 7-м классе произведения писателей XIX века о современности. Подкрепите свой ответ примерами. Какие стихотворные произведения Некрасова вы отнесли бы к лироэпическим? Почему?

СОДЕРЖАНИЕ

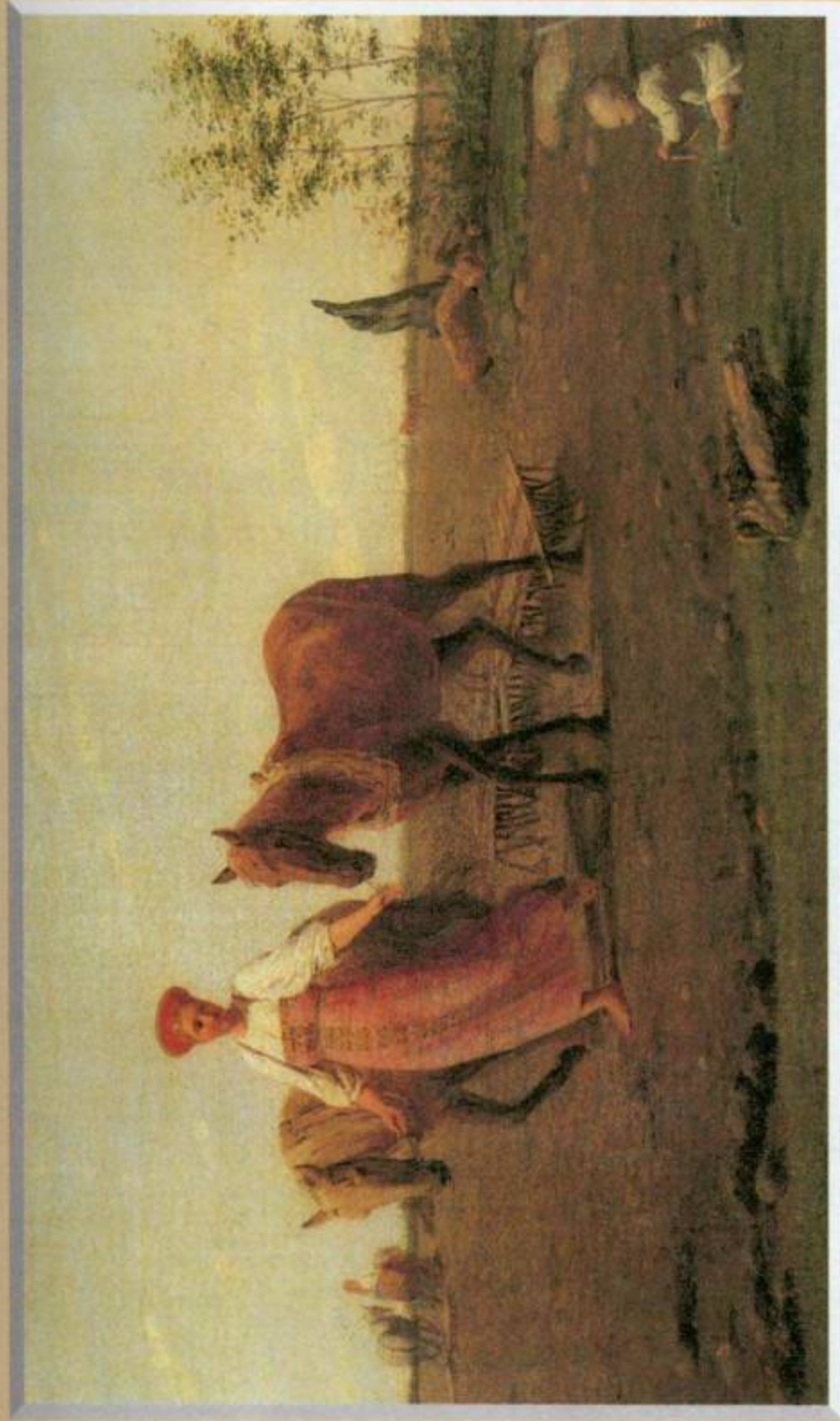
Путешествие без расстояний	3
Пространство и время в литературе	3
Роды и виды (жанры) литературы	5

«МИНУВШЕЕ ПРОХОДИТ ПРЕДО МНОЮ...»

Перенесемся в XVI век	7
Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ	11
Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова	12
«Песня про царя Ивана Васильевича...» и устное народное творчество	29
Алексей Константинович ТОЛСТОЙ	32
Василий Шибанов	32
Николай Васильевич ГОГОЛЬ	38
Историческая основа повести «Тарас Бульба»	39
Что может быть непонятно в содержании повести?	41
Тарас Бульба (Редакция 1842 г.) (В сокращении)	43
Характер литературного героя	112
Александр Сергеевич ПУШКИН	115
Полтава	118
О поэме	162
Метафора	163
Николай Семенович ЛЕСКОВ	167
К истории создания рассказа «Человек на часах»	169
Человек на часах (1839)	171
ЗАВЕРШАЯ РАЗДЕЛ ХРЕСТОМАТИИ	190
Иван Саввич НИКИТИН	193
Русь	193
Константин Михайлович СИМОНОВ	195
Тарас Бульба	195

«ХУДОЖНИК — ГОЛОС СВОЕЙ ЭПОХИ»

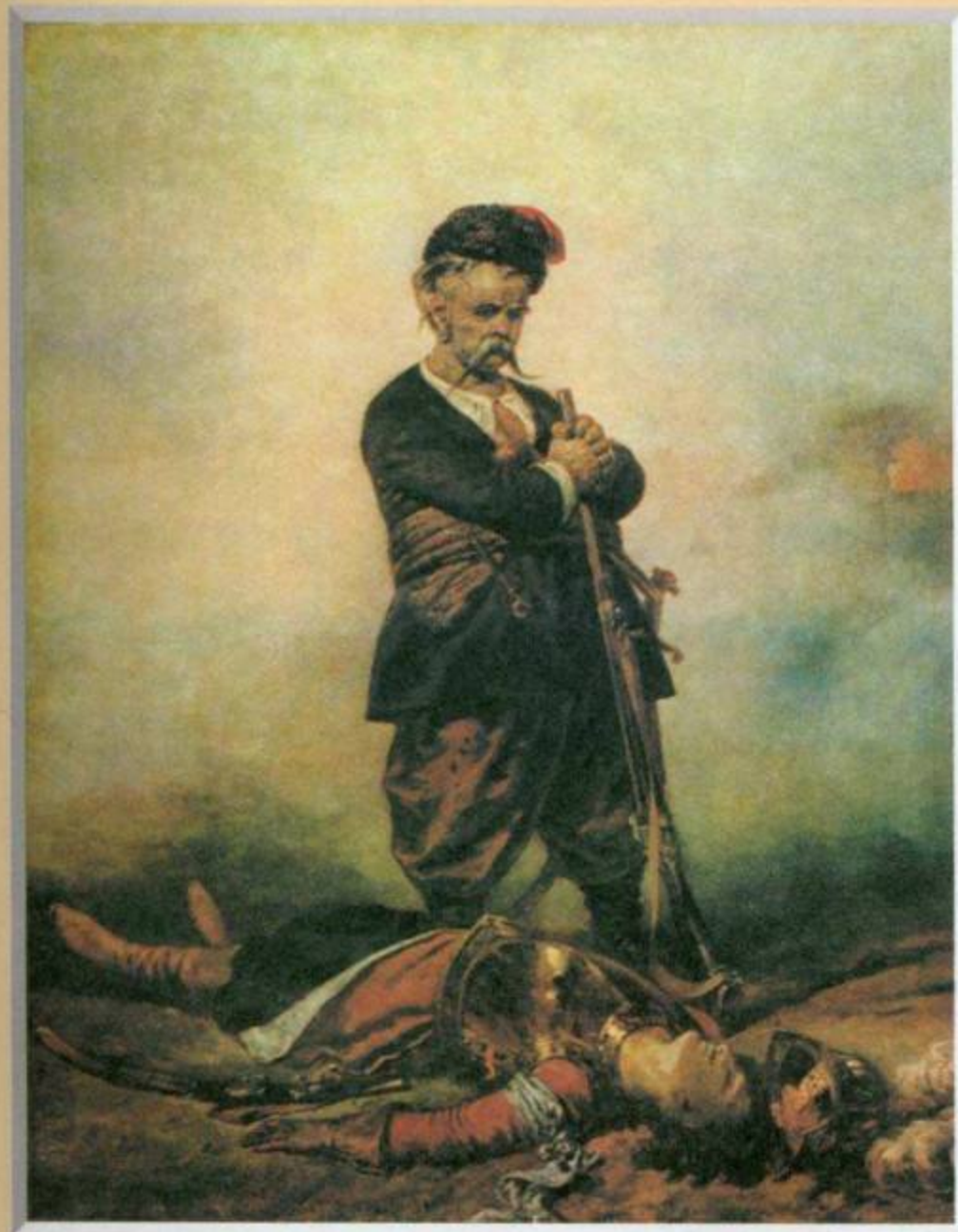
Русские писатели-классики о своем времени	196
Иван Сергеевич ТУРГЕНЕВ	198
Бирюк. Из «Записок охотника»	201
Стихотворения в прозе	210
Щи	211
Два богача	212
«Как хороши, как свежи были розы...»	212
Воробей	213
Памяти Ю. П. Вревской	214
Русский язык	215
Николай Алексеевич НЕКРАСОВ	217
Строки истории	218
Железная дорога	219
«Железная дорога» и устное народное творчество	225
Два мнения о стихотворении «Железная дорога»	227
«Долюшка женская» в стихах Некрасова	228
Орина, мать солдатская	228
«В полном разгаре страда деревенская...»	232
Для самостоятельного чтения	
Мороз, Красный нос (Из поэмы)	233
Михаил Евграфович САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН	238
Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил ...	239
Дикий помещик	248
М. Е. Салтыков-Щедрин как сатирик	255
Антон Павлович ЧЕХОВ	257
Хамелеон	259
На мельнице	263
Тоска	269
О чем и почему молчит писатель	274
Для самостоятельного чтения	
Репетитор	275
Гриппа	278
Злоумышленник	281
ЗАВЕРШАЯ РАЗДЕЛ ХРЕСТОМАТИИ	285

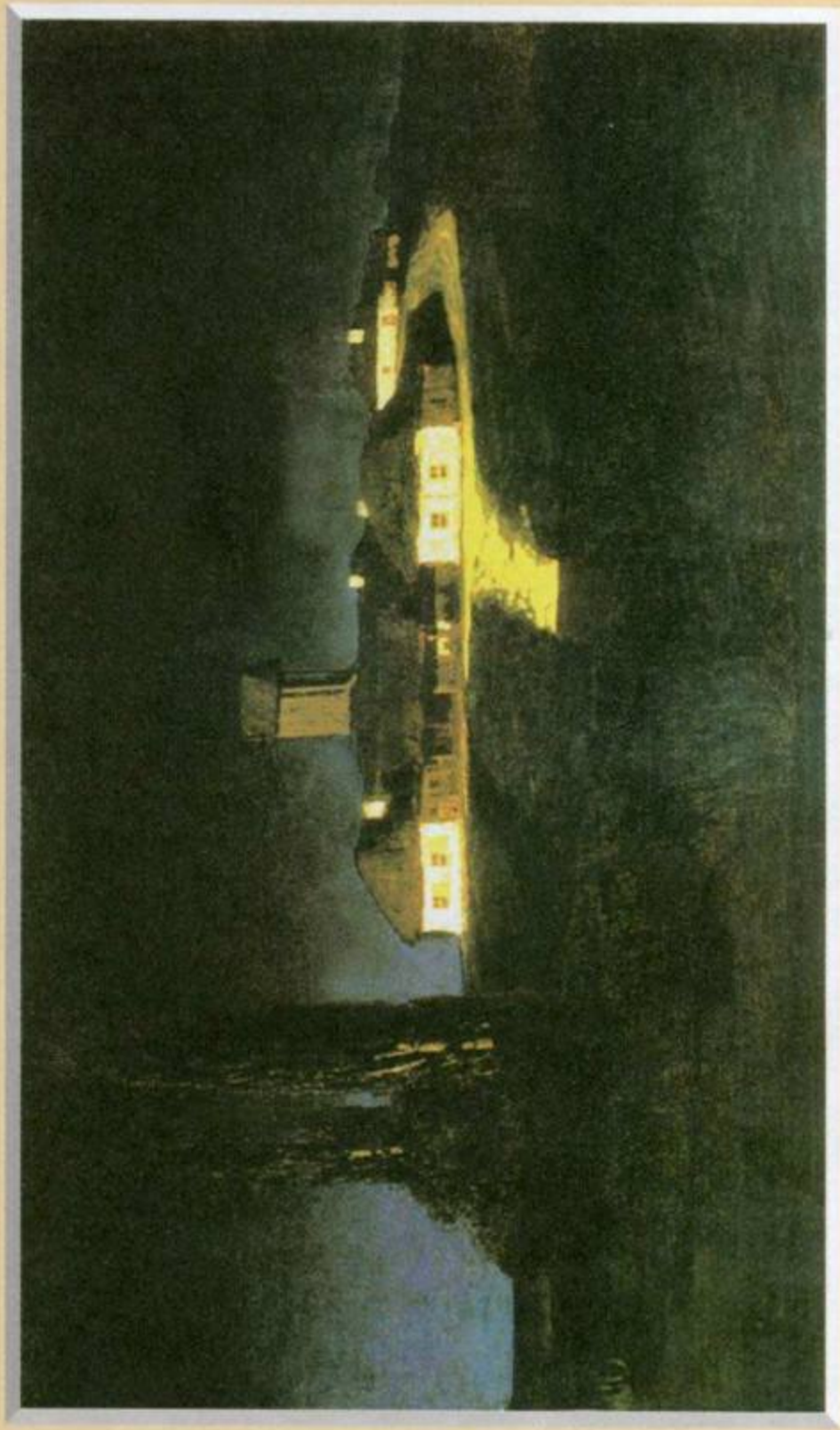
А. Г. Венецианов. На пашне. Весна

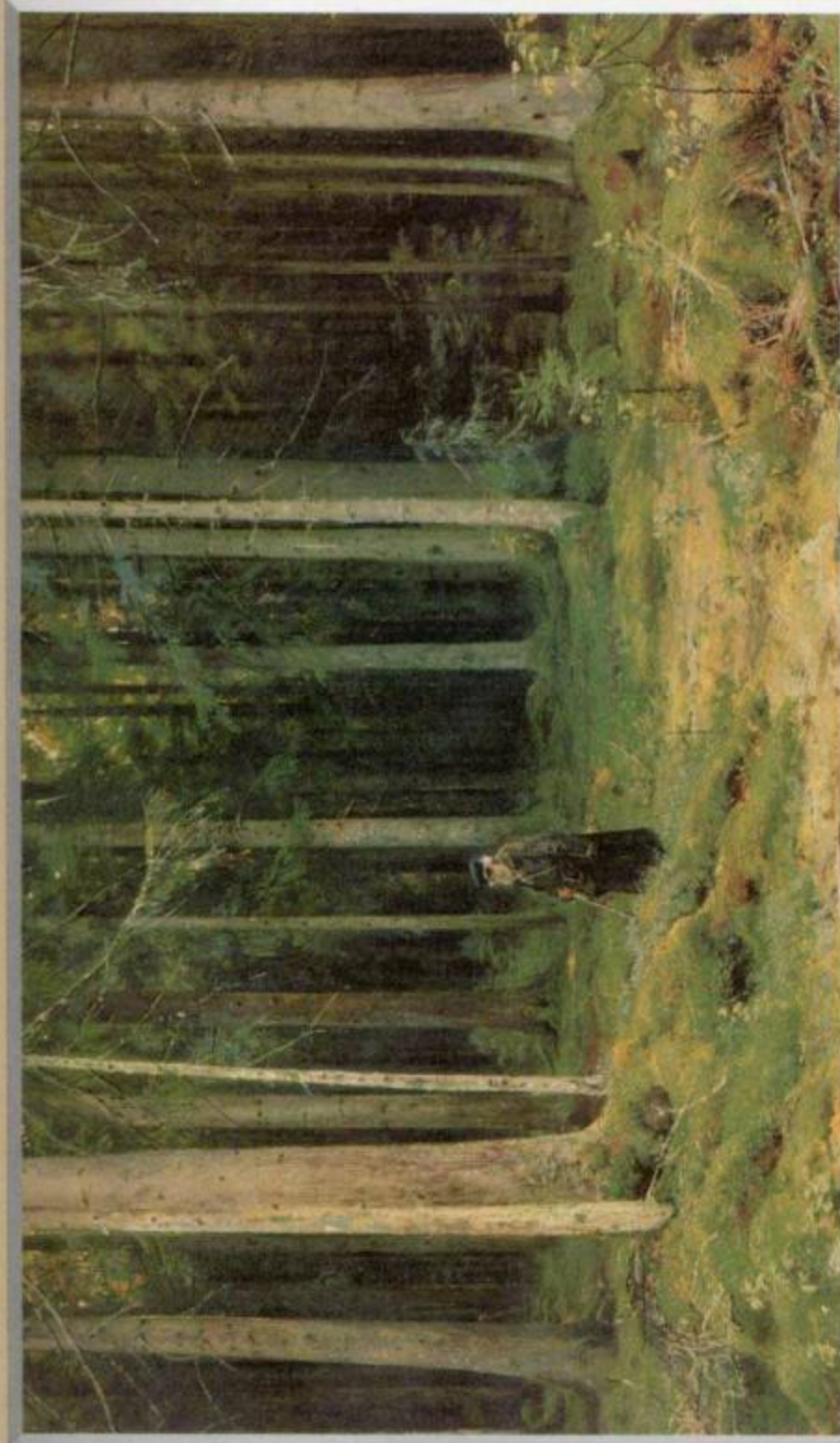
Кукрыниксы. Иллюстрация к рассказу «На мельнице»

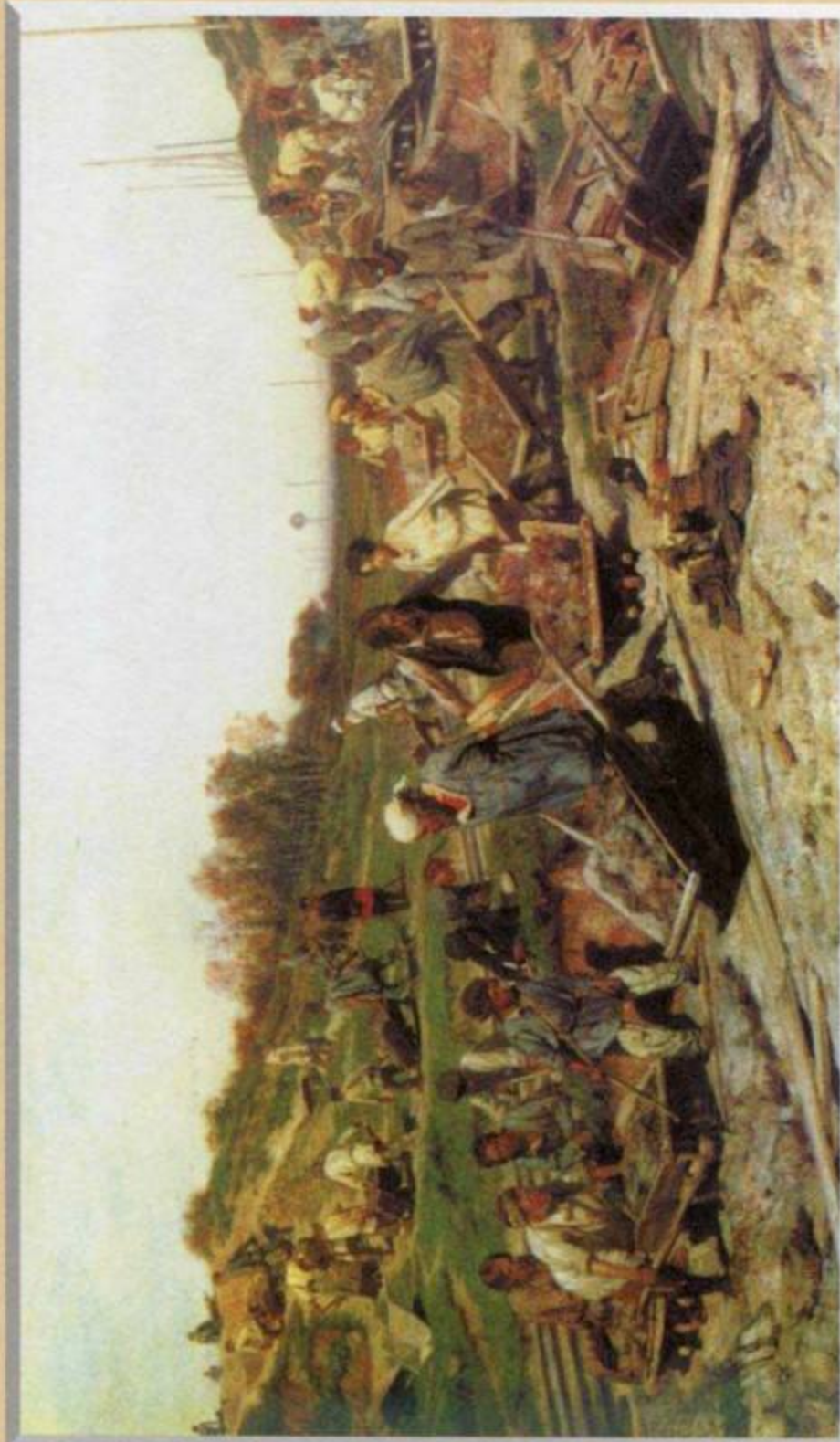
П. П. Соколов. Тарас над телом убитого им Андрия

А. И. Куинджи. Украинская ночь

И. И. Шишкин. В лесу графини Мордвиновой. Петергоф

К. А. Савицкий. Ремонтные работы на железной дороге

А. П. Рябушкин. Пригланулась

А. П. Бубнов. Тарас и его сыновья в степи

Н. К. Ренз. Запорожцы пишут письмо турецкому султану